

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Кафедра теории и истории культуры

На правах рукописи

КАРАЕВ Абульфас Мурсал оглы

УДК 008

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 1920-1930 ГГ.
(Культурологический аспект деятельности)

Специальность 17.00.08 – Теория и история культуры

Д и с с е р т а ц и я

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научные руководители:
доктор филологических наук,
проф. ГУСЕЙНОВ Ч.Г.
кандидат философских наук
НЕДОШВИН В.М.

Москва – 1991

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	3
<u>Глава I.</u> ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ.....	10
§ 1. Общее и специфическое в становлении национальной культуры эмиграции.....	10
§ 2. Социально-духовные противоречия развития азербайджанского зарубежья.....	32
<u>Глава II.</u> ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ, НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЕЯТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ.....	51
§ 1. Идеи национально-освободительного движения....	51
§ 2. Концепция целостного развития национальной культуры.....	72
§ 3. Тематико-жанровое своеобразие художественного творчества.....	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	135
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	140

В В Е Д Е Н И Е

Обращение к теме национальной культурной эмиграции, ставшее возможным в результате демократических преобразований второй половины 80-х годов, вызвано назревшей необходимостью переосмыслить и сделать достоянием широких слоев большой пласт в национальных культурах, оказавшийся в силу исторических перипетий невостребованным обществом.

Всеобщий интерес к зарубежью несомненно способствует возвращению забытых имен и произведений на Родину, расширению мировоззренческих горизонтов общества, освобождению его от устоявшихся стереотипов, воссозданию подлинной объективной картины национальной культуры.

Вышеизложенное придает актуальность теме исследования.

Значительное по объему и духовному потенциалу культурное наследие многих народов, оставшееся за рубежом, составляет существенное звено в их культурном развитии и, насильственно отвергнутое из национальной культуры, в конечном итоге существенно ее обедняло.

С точки зрения управления культурными процессами, выработки новых форм и методов взаимодействия различных этнорелигиозных социумов, населяющих бывший СССР, нам представляется актуальным уяснение в контексте общечеловеческих ценностей подлинной картины историко-культурного развития народов, отказ в теории и практике от догматизма, учет уникальности феномена каждой культуры.

Рассматривая состояние научной разработанности проблемы, необходимо отметить, что изучение художественного творчества, общественно-политической и культурной деятельности русской и иных национальных эмиграций из Советского Союза началось не

вчера, составляет предмет постоянного интереса многих советологических центров, которыми в различное время выпущено, в сущности, все зарубежное наследие, подготовлены и систематизированы многочисленные сведения о нем, изданы каталоги и перечни, охватывающие большинство имен деятелей культуры¹.

Помимо библиографических трудов различными институтами и авторами, издавались за рубежом статьи, обзоры, справочники, воспоминания о жизни и творчестве отечественной эмиграции "первой волны".

В советской литературе одной из первых попыток очертить и объединить в одном труде деятельность различных слоев, в том числе художественной эмиграции 1920-30-х годов, можно считать обзорно-публицистическую книгу В.Костикова "Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции"², изданную в 1990 году.

Изучение эмиграции тюркских народов России не имело системного характера, однако как составная часть общемирового движения пантюркизма и панисламизма она привлекала большой интерес зарубежных исследователей. Так, помимо известных советологических центров, проблемами тюркских народов СССР и эмиграции из регионов, исповедующих ислам, занимались и различные исследовательские институты, специализирующиеся на исследовании мусульманских и общеазиатских проблем.

Интересны в этом аспекте такие справочные, библиографи-

-
1. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1950 годы. - Мюнхен, 1953; Библиография русской зарубежной литературы 1918-1961 гг./Под ред. Людмилы А.Фостер.- Бостон, США, 1970; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. - Париж, 1971; Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920-1960 гг. Сводный указатель статей. - Париж, 1968.
 2. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции.- М.: Международные отношения, 1990.- 464с.

ческие и аналитические публикации, как "Тюркские языки и литература Центральной Азии" - библиография, изданная в Вашингтоне в 1957 г. под редакцией Рудольфа Ловенталя; датированная тем же годом серия монографий, посвященная культуре, истории и языкам Центральной Азии под общей редакцией Карла Йона и Джона Кругера, а также многочисленные научно-исследовательские статьи наиболее крупных специалистов в этой области - А.Беннигсена, Ш.Лемерсье-Келькеже, Ж.Кастане, Е.Кагер д'Анкосс на страницах "Тетрадей о русском и советском мире" (Париж), "Журнала Азиатик", "Журнала института исследований Центральной Азии" Лондонского географического общества, периодики, издававшейся Мюнхенским Центром по изучению СССР, специальные исследования Ч.Хостлера, С.Зеньковского, У.Хейда и ряда других.

При общем негативном отношении к культуре эмиграции в советской и азербайджанской научной литературе проблемы философского и художественного анализа связываемых с эмиграцией течений пантюркизма и панисламизма носили тенденционный характер, вклад эмиграции в развитие культуры огульно отрицался, подвергался зачастую критиканскому разбору¹.

Что касается жизни и деятельности за рубежом деятелей азербайджанской эмиграции, то эта тема до последнего времени была "табу" для исследователей, и широкие читательские круги знали о ней лишь опосредованно. Среди работ, в определенной мере отражающих этот вопрос, следует отметить монографию

Р.Исмаилова², а также сборник статей об азербайджанских мысли-

1. См.: Кулиев М. Враги Октября в Азербайджане. - Баку, 1927; Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. - М., 1930; Комин О. Белая эмиграция и вторая мировая война. - Калинин, 1979; а также Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции. - М., 1966; Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908-1914 гг.). - Баку, 1966.

2. Исмаилов Р. Азербайджанско-французские литературные связи. - Баку, 1983.

телях "Караван высоких дум"¹, в который впервые включены обзоры жизни и деятельности выдающихся представителей национальной эмиграции.

В последнее время интерес ученых к деятельности эмигрантов-азербайджанцев, всей турецкой диаспоры значительно возрос. В периодической печати часто появляются статьи по этой теме, принадлежащие перу почти всех активно действующих критиков, литературоведов, историков и философов, таких как М.Алиев, Эльчин, Видает Кулиев, Аббас Абдулла, Н.Насиб-заде, Г.Кулиев, Г.Гасым-заде, Б.Набиев, Я.Караев, А.Заманов и другие.

В стадии подготовки находятся и работы более молодых исследователей национального зарубежья, поэтому автор рассматривает свой труд как первую попытку систематизированного культурологического исследования азербайджанской эмиграции.

Цели и задачи исследования заключаются в том, чтобы на основании доступных к настоящему моменту материалов и публикаций, а также ряда неизвестных широкой общественности зарубежных источников выявить основные направления культурной деятельности национальной эмиграции, мотивы и идеи творчества ее представителей, классифицировать и систематизировать их публицистические, философские, литературные и научные труды в контексте общественно-политических течений исторически очерченного периода 1920-30-х годов.

Не претендуя на исчерпанность выводов, вычленив общие и специфические черты национальной азербайджанской эмиграции, определить ее этапы, "волны" на протяжении последнего столетия.

В цели исследования входит также решение таких задач, как выявление в художественном и научном творчестве эмиграции идей национально-освободительного движения, раскрытие культурно-
1. Караван высоких дум. Литературно-критические портреты. - Баку, 1989.

логического содержания национальных философских течений, рассмотрение различных сторон влияния на культурное становление и развитие азербайджанской диаспоры соперничающих и исторически обусловленных интересов России, Ирана и Турции, так или иначе определявших на протяжении многих веков судьбу Азербайджана и мироощущение представителей культуры, вынужденно покинувших Родину.

Общность духовных корней, культурных традиций, разорванных в ходе революции, вызвавшей саму эмиграцию, не могла не породить как единства, так и противоречий в развитии культурных процессов в стране и за ее пределами, в связи с чем в работе обозначаются некоторые мосты взаимодействия двух этих процессов, намечаются пути возвращения творчества зарубежья в лоно национальной культуры.

Научная новизна исследования сводится к следующим моментам:

- дана новая периодизация азербайджанской национальной эмиграции и определены ее основные социально-политические причины, выделены главные ее центры;
- выявлены некоторые характерные черты эмиграции турецких народов Российской империи и Советского Союза, специфические особенности, присущие азербайджанскому зарубежью;
- предпринята попытка вычленить культурологический аспект философско-политических течений национально-освободительного движения турецких народов, при этом особое внимание уделено вкладу азербайджанских деятелей в общетуркскую духовную культуру;
- проведен культурологический анализ духовного наследия азербайджанского зарубежья, публицистики, научного и художественного творчества, социально-философских трудов, дана их систе-

матизация с точки зрения форм и жанров; при этом критериями оценок являлись гуманистические, общечеловеческие ценности, заключенные в их творчестве, степень вклада деятелей культуры, проживающих за пределами Родины, в духовную сокровищницу народа;

- предпринята также попытка уяснения на основе выявленных в исследовании эстетических и философских взглядов эмигрантов-деятелей культуры подлинного авторства ряда спорных произведений;

- наконец, автор стремился показать общественно-политическую, философскую и творческую деятельность эмигрантов в тесной увязке с процессами, параллельно проходившими в этот же период времени в СССР, а также на фоне тесного контакта с рядом эмигрантских общин других народов бывшей российской империи.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит прежде всего в том, что она представляет собой попытку осмысления такого противоречивого и сложного явления, как национальная эмиграция, эволюции взглядов деятелей культуры, вынуждено покинувших Родину, но стремившихся сохранить и приумножить национальную культуру, общечеловеческие ценности в ней, найти ей подобающее место в мировой цивилизации.

Методологический подход, примененный в этой работе, - рассмотреть национальную культуру эмиграции в целостности ее философских, общественно-политических и художественных явлений, может помочь при анализе творческой деятельности диаспоры других народов, в особенности тюркских. Выявленные культурологические аспекты философских течений рассматриваемого периода должны способствовать их объективной оценке при новом, избавленном от идеологических догм научном изучении на базе объеди-

нящих их гуманистических начал.

Обоснование необходимости личностных и общегуманных подходов во взаимоотношениях различных этно-религиозно-языковых социумов, культур Запада и Востока, учета специфики каждой отдельно взятой общности людей может быть использовано при разработке новых форм управления культурными контактами, организации духовной сферы общества с различными национальными образованиями, обмена и взаимообогащения новых и возрождающихся старых традиций во имя торжества общечеловеческих ценностей.

Положения и выводы диссертации могут быть использованы для расширения тематики преподаваемого материала - философского, эстетического, исторического, политологического, литературоведческого и культурологического циклов в высших учебных заведениях республики, а также в аналогичных факультативах по истории народов Востока, творчеству русской и иных национальных эмиграций.

Апробация работы. Основные положения, содержащиеся в диссертации, обсуждены на заседании проблемной группы кафедры истории и теории культуры. Теоретические аспекты исследования изложены на международном научном симпозиуме "Литература азербайджанского зарубежья" (апрель 1991 г.), проведенном Институтом литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской Республики совместно с обществом "ВЭТЭН" ("Родина"), Объединением национального азербайджанского творчества и турецким обществом азербайджанской культуры в докладе: "Состояние исследований азербайджанской эмиграции: успехи, недоработки и перспективы". Важнейшие положения нашли отражение в публикациях автора настоящего исследования.

Г л а в а I

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

§ I. Общее и специфическое в становлении национальной культуры эмиграции

Понятие национальной культурной эмиграции не получило до сей поры точного и завершеного определения ни в общем методологическом плане, применимом для разных культурных социумов, ни в конкретно тюркско-азербайджанском пласте культуры. Для решения этой проблемы следует, в первую очередь, вычленив понятие национальной эмиграции из постоянного миграционного процесса, происходящего в различных регионах и по разным причинам.

В данном случае наиболее верной точкой отсчета можно брать миграцию исповедующих ислам тюркских народов, населявших Российскую империю, в страны Востока и меньше - Запада. Согласно данным известного исследователя исламских народов, в том числе и России, А.Беннигсена, первый поток эмиграции татар (куда относятся татары не в современном понимании, а практически все тюркские национальности - А.К.) из России относится к периоду 1784-87 гг.; вторая волна, исчисляемая в пределах от 100 до 300 тысяч человек, явилась результатом Ясского договора от 6 января 1792 года, завершившего русско-турецкую войну 1787-91 гг. (по Бухарестскому миру 1812 г. Закавказье переходило к России - А.К.). Следующая значительная волна эмиграции (порядка 140 тыс. чел.) приходится на период 1860-63 гг. - после окончания Крымской войны. (К этому же периоду можно отнести эмиграцию горских народов частично в Турцию и другие страны Востока после подав-

ления шамилевского движения (1859) против колониальной политики царизма под лозунгами мюридизма - А.К.) 60 тыс. татар (в большинстве своем крымских) выехало в Турцию в 1874-75 гг., опасаясь насильственного перевода в христианство и еще 20 тыс. в последнее десятилетие XIX в. в результате неблагоприятных социально-экономических условий¹.

Разумеется, чаще всего конечным пунктом следования для турецких народов становилась Турция (Османская империя), которая во второй половине XVIII-XIX веков представляла собой сильно развитую и мощную державу. Страна - крепкая в экономическом и политическом аспектах, где все говорят на близком и понятном языке, исповедуют ту же религию, безусловно, служила заманчивым и притягательным маяком для тех, кто покидал свое отечество в поисках новой судьбы. Здесь эмигрант-тюрк находил ту "землю обетованную", где сбудутся его мечты. На подобных психологических установках строилась и политическая доктрина по отношению к эмигрантам Султаната и Порты, не препятствовавших, судя по всему, столь чувствительному притоку выходцев из России. Преследуемая цель здесь видится в желании укрепить позиции коренного турецкого населения в разноплеменной империи, где в этот период уже начинались разрушительные (как и для всякой империи) процессы национально-освободительной борьбы покоренных народов. В 60-х годах XIX столетия восстали крестьяне Боснии и Герцеговины, в 1866 г. - греки на Крите. Поднимался народ Болгарии, борьба которого, как и греков, приобретала уже характер массовых движений, усилились освободительные мотивы армян. Борьба нетурецких народов за свое освобождение усугубляла и без того слож-

1. Bennigsen A.A. In mail bey Gasprinski (Gaspraly) and the origin of the Jadid movement in Russia.

Предисловие к книге: Исмаил бей Гаспринский. Русское мусульманство. - 1985. - С.7. Oxford, The society of central asian studies,

ное внешнеполитическое положение Османской империи, все более терявшей в результате Крымской войны свой авторитет¹.

Одновременно с этим в городах Турции шло постепенное формирование капиталистических отношений, перекидывавшихся и на сельскохозяйственный сектор и торговлю, что обеспечивало определенную занятость вновь прибывающих переселенцев. Проводимые в период 1850-1870 годов реформы турецкого общества всячески поощряли в турецком обществе предпринимательство, инициативу в экономических сферах, определяли способы ее регионального управления, и помимо этого основательно затрагивали системы просвещения и культуры. В этот же период (1876 г.) была принята и первая конституция, провозгласившая принцип политической свободы и равенства всех подданных империи без различия вероисповедания, но при этом объявлена неделимость Османской империи, что запрещало фактически попытки создания самостоятельных государств. Таким образом, массовый переезд турков-выходцев из России шел на руку султанату, одновременно создавая через переселенцев базу для последующих возможных контактов империи с другими территориями и государствами, населенными тюркскими народами. Данные контакты в действительности имели место и поток переселявшихся практически не прерывался (зачастую в обоих направлениях) на протяжении всего конца XIX-начала XX века.

Осознанно не называя мигрировавших турков того периода "эмигрантами"², мы считаем необходимым заметить, что сегодняшнее понимание этого термина предопределяет более глубокий политический смысл вынужденного переезда и являет собой совершенно особое понятие, под которое можно отнести довольно своеобраз-

1. Подр. об этом см.: Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. - М.: Наука, 1983; Шамсутдинов А.С. Турецкая республика. Краткий очерк истории. - М., 1962.
2. Лица, добровольно или вынужденно покинувшие страну, гражданами которой они являются, и поселившиеся в какой-либо другой стране. См.: Сов.энциклоп.словарь.- М., 1990. - С.1570.

ную узкую прослойку переселенцев. Под понятием "эмигранты" мы хотели бы понимать ту часть уехавших из России турков, которая, начиная с конца XIX—начала XX века, имела политические разногласия с властями, открыто выражала свое несогласие с имперской политикой царского правительства и примыкала в той или иной форме к национально-освободительной борьбе и общему революционному процессу. Следовательно, в отличие от русской и других российских эмиграций, начинающих отсчет "волн эмиграций" лишь после 1917 года, в турецкой эмиграции мы вправе говорить о волне первой, как дореволюционной, объясняемой в первую очередь характером национально-освободительных тенденций турецких народов.

Помимо отмеченных выше аспектов, притягивавших в Османскую империю выходцев из российских турков и наличия здесь к началу XX века их уже достаточно широкой прослойки среди населения, что, безусловно, облегчало ассимиляцию вновь прибывающих, для эмигрантов, к числу которых мы, как уже ясно, отнесли более образованную, культурную и политически активную часть переехавших, притягательны были и новые политико-культурно-философские течения, назревавшие в этот период в разваливающейся Османской империи.

В 1902—1908 годах здесь начали формироваться первые идейные и организационные предпосылки будущего нового политического строя, известного в истории как правление младотурок. В формировании идеологии этого движения принимали активное участие и выходцы из России. Активизация этого движения была связана с общемировым революционным процессом начала века и, в частности, с русской революцией 1905—1907 годов. В мысли В.И.Ленина о том, что "мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудили Азию", что "сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулось к новой жизни и к

борьбе за азбучные права человека, за демократию"¹, - мы видим еще одно подтверждение существовавших тесных контактов российских турков с представителями передовой общественной мысли турецкого общества.

Вопросы общественно-политических движений в Турции были тесно связаны с общими философскими и культурологическими процессами турецких народов. Однако специфической чертой турецкой - вообще и азербайджанской - в частности, эмиграции того периода было наличие единых интересов и философских воззрений, базирующихся на общности этногенеза и вероисповедания.

Вторая "волна" азербайджанской эмиграции представляется нам очерченным периодом 1917-1930 годов², т.е. связана непосредственно с периодом Великой Октябрьской социалистической революции, подавлением национальной государственности в Азербайджане, установлением Советской власти в республике. Следует отметить, что эта, вторая "волна" эмиграции также оказалась прочно связанной с философско-политической базой, заложенной в начале века переселенцами первой волны, самые яркие представители которой - Алибек Гусейн-заде и Ахмедбек Агаев имели частные контакты с Родиной и принимали активное участие в создании Азербайджанской государственности.

К третьей волне национальной азербайджанской эмиграции мы относим ту часть выехавших, которые оказались за пределами Родины в период Второй мировой войны и непосредственно после ее окончания - 1940-ые годы. В их числе и те, кто не вернулся из немецкого плена, оказался на оккупированной фашистской Герма-

1. Ленин В.И. Пробуждение Азии//Полн.собр.соч. - Т.23. - С.146.

2. Выдвинутая автором исследования градация "волн" эмиграции из Азербайджана может не совпадать с мнением других исследователей. Так, например, Эльчин и Н.Насиб-заде в выступлении на международном симпозиуме "Азербайджанская литература Зарубежья" (Баку, апрель 1991 г.), выдвинули каждый свою точку зрения на периодизацию национальной эмиграции.

нией территории, находился на учебе или по частным поводам в странах, входивших в альянс с Германией - таких как Италия, Румыния, позже Турция. Если, как мы считаем, понятие "эмиграция" имеет политический смысл, то в данном случае "политика" заключалась в страхе вернуться домой с клеймом "труса" и "предателя Родины", (эта участь постигла практически всех бывших военнопленных), в нежелании заканчивать свою жизнь в ссылках и лагерях ГУЛАГа, в осознанном внутреннем сопротивлении режиму сталинского диктата тех, кто пережил к тому времени репрессии 1937-1938 годов. Еще в 1927 году издававшаяся в эмиграции газета народной партии вольных горцев Кавказа "Вольные Горцы" отмечала: "Можно было подумать, что новая власть, опершаяся на московские штыки, поставила своей задачей искоренить все, что могло напомнить населению о былой свободе, богатстве, благополучии и национальной независимости. Все лучшие народные деятели или погибли, или в тюрьмах и в ссылке, или в изгнании. Молодые азербайджанские офицеры, студенты, учителя, учительницы - подвергались преследованию и сколько их еще и теперь гибнет на холодном севере России! Сколько расстреляно без суда и следствия крестьянских деятелей только с одной целью обезглавливания народа и оставления народных масс без идейных руководителей"¹.

Таким образом, определение этой части выехавших и оставшихся за рубежом азербайджанцев как эмигрантов соответствует принятой нами условной классификации.

Характерная для многих народов СССР большая "волна" эмиграции 60-ых годов и вплоть до сегодняшнего дня (которую мы примем для себя как четвертую) и связанная с диссидентством, почти не затронула Азербайджан. "Диссиденты - это явление прин-

¹. Вольные Горцы. Орган народной партии вольных горцев Кавказа. (Прага). - 1927. - 26 марта. - № 1. - С.11.

ципиально новое и возникшее непосредственно на почве советской действительности... движение интеллектуальное, это процесс самостоятельного и бесстрашного думания", - писал Андрей Синявский¹. Под этим "бесстрашным думанием" подразумевается и форма скрытого, тайного внутреннего процесса, не повлекшего за собой необходимость порывать с домом, корнями - т.н. внутреннее диссидентство. Круг творческой интеллигенции, относимый сегодня к числу представителей внутреннего диссидентства, сформировался в Азербайджане именно в период 1960-х годов. Но выехавших за пределы страны деятелей, попадающих под принятую нами квалификацию эмигрантов в буквальном смысле слова можно пересчитать в республике по пальцам. Однако в числе причин, сдерживавших выезд, мы можем назвать некоторые аспекты, которые вправе отнести и к специфике национальной эмиграции. "Я не раз задавался вопросом: почему в Азербайджане, скажем, не было ни одного диссидента, почему никто из нас не эмигрировал? Наверное, еще и потому, что мы понимали: этот путь для Азербайджана не совсем приемлем... эмиграция какого-нибудь известного писателя или художника, имеющего свой имидж, пользующегося популярностью и авторитетом, могла бы вызвать у азербайджанского народа абсолютно негативную реакцию. Чувство привязанности к родной земле, к родному дому у нас обостренно и развито до предела. Хотя это, конечно, далеко не единственная причина", - говорит по этому поводу известный прозаик Всиф Самедоглу².

"Внутренние диссиденты" в национальных республиках испытывали на своих плечах давление в большей степени местных, доморощенных идеологов и руководителей, нежели центральных орга-

1. Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Жизнь. - 1989. - № 5. - С. 89.

2. Всиф Самедоглу. Ностальгия по Баку // Лит. газета. - 1991. - 29 мая. - № 21.

нов власти. Таким образом, желая избежать гонений и запретов, а часто и просто преследований, многие представители интеллигенции имели возможность выехать в другие союзные республики или непосредственно в центр, где политическое влияние соотечественников было много меньше, что само по себе создавало возможности для спокойной творческой деятельности. Учитывая, что в этот период интеллигенция практически происходила из среды получивших русскоязычное образование, такой выход был вполне возможен¹.

У азербайджанской, условно говоря, внутрисоюзной эмиграции есть достаточно много примеров, когда "значимость вклада творческой индивидуальности в развитие национальной литературы (и культуры - вообще - А.К.) не признается и даже игнорируется в пределах местных, но зато творчество ... получает широкое распространение и признание в масштабе всесоюзном"² (например, Р. и М.Ибрагимбековы, Ч.Гусейнов, В.Мустафа-заде и многие другие, произведения которых не получили в то время республиканское признание).

Другим фактором, сдерживавшим отъезд и диссидентство, были открывавшиеся возможности для воплощения творческих планов за счет выезда за рубеж по контрактам, не порывая связей со своей Родиной - это в большей степени относится к инженерно-технической интеллигенции и музыкантам. Безусловно, что отбор отъезжающих производился тщательно и заподозренные во "внутрен-

1. Относить их к числу эмигрантов или нет - вопрос спорный. С позиций общегосударственности никаких коллизий не возникло: в условиях единого гражданства не нарушались правовые связи с культурным ареалом, но с позиций республик (а сегодня уже - суверенных государств, что немаловажно) - выезд с Родины, уход от общего дела, исключение себя из политических, культурных и экономических процессов, происходящих дома, - разве это не повод называться эмигрантом?

2. Гусейнов Ч.Г. Этот живой феномен. - М.: Сов.писатель, 1988.- С.94.

нем диссидентстве" редко могли пройти эти идеологические сита, однако в числе работавших за рубежом по контракту оказалось немало тех, чьи опыт и талант могли быть весьма полезны и у себя в республике, испытывающей, с одной стороны, переизбыток специалистов с высшим образованием в крупных городах, а с другой - их острый недостаток в сельской местности.

Еще одним фактором сдерживания эмиграции внутреннего диссидентства можно считать чисто творческий аспект, а точнее - создание и в этот период острых и принципиальных произведений различных видов и жанров искусства и литературы, в которых проблемы высвечивались не прямо, а опосредованно, в расчете на глубокого и вдумчивого рецепиента. Конечно, многие произведения с трудом преодолевали цензурные запреты, но в результате "Сезон цветастых платьев" А.А.Айлисли, "Станция переливания крови" С.Ахмедова, "Смоковница" Эльчина, "Сказка о добром короле" Анара стали заметными явлениями в азербайджанской литературе. К таковым можно отнести и повести "Саз", "Звук свирели", "Телеграмма" И.Гусейнова, "Люди и деревья", "Леса на берегах Куры" А.Айлисли, "Знак на холме" С.Ахмедова, "Серебристый фургон" Эльчина, "Мельница" М.Сулейманлы, "Мужчина в доме" И.Мелик-заде, "И не было лучше брата" М.Ибрагимбекова, "В одном иском городе" Р.Ибрагимбекова, "Магомед, Мамед, Маниш..." Ч.Гусейнова, "Фотофантазия" Ю.Самедоглу, "Горный перевал" Ф.Керим-заде, поэзию Али Керима, Мамед Араза, Фикрета Годжа, Тофика Байрама, Фикрета Садыга, Вагифа Самедоглу¹, полотна художников Р.Бабаева, Т.Нариманбекова, Мир Джавадова, музыкальные произведения А.Али-заде, Ф.Али-заде, Ф.Караева, Ф.Гусейнова и др.

Однако мы должны прямо сказать об определенных рамках и

1. См.: Анар. Наша литература на переломе времен. Доклад на IX съезде союза писателей Азербайджана//Адабият газети. - 1991. - 29 марта. - № 13. (на азерб.яз.)

ограниченной оппозиционности многих из названных произведений, критичность которых в конечном итоге находилась в пределах дозволенности цензуры. "Трагедия азербайджанской литературы может быть в том, что у нас не оказалось "запрещенных рукописей" ... У здравствующих коллег по перу я не помню ни одного крупного произведения, которое бы долго пролежало в "столе", не увидев света. Может, в этом факте отразилась материальная зависимость писателя, может, тот самый политический уровень народа, который проявил себя в духовной сфере"¹.

Определив четыре "волны" азербайджанской культурной эмиграции, хотелось бы отметить ряд ее специфических черт, без чего изучение данной проблемы будет затруднено.

Первая из них связана с историческими аспектами азербайджанской государственности. Как известно, в 1828 году в результате русско-персидских войн был заключен Туркманчайский договор, вследствие которого границей между двумя империями стала река Аракс, по обе стороны которой проживала одна и та же этническая общность людей - азербайджанские турки. С заключением этого договора резко сократились контакты между родственниками, разрушились естественные торговые, культурные и социальные связи между двумя частями искусственно разделенного азербайджанского народа. Контакты всячески сдерживались и Советской властью, что привело к тому, что накопившаяся десятилетиями естественная потребность в общении вылилась в уродливую форму насильственного разрушения в 1989 году государственной границы СССР с Ираном на многих ее участках. Пребывание двух частей одного народа под разными экономическими, политическими, культурными влияниями двух своих сильных и имперских соседей образовало

¹ Г. Юсиф Самедоглу. Ностальгия по Баку//Лит.газета. - 1991. - 29 мая.

две различные субкультуры в одном народе. "Своеобразно взаимодействуют на современном этапе и две ветви современной азербайджанской литературы: Северная собственная азербайджанская советская литература, и южная, развивающаяся как в Иране, где она сдерживается и сковывается по причине ассимиляторской политики правящей верхушки, так и в Советском Азербайджане, куда после подавления национально-освободительного движения в Иранском Азербайджане в конце 40-х годов нашего столетия эмигрировала большая группа революционно-демократической творческой интеллигенции. Единые по языку и культурным традициям, ветви эти в силу исторических условий получили неодинаковое развитие, качественно разнятся"¹. Одновременно с эмиграцией в Советский Азербайджан на протяжении всего исторического развития Южного Азербайджана происходила значительная миграция его жителей в различные страны Востока и Запада. Этот процесс периодически усиливался или ослабевал под воздействием колебаний проводимой шахским режимом национальной политики, а в последние годы и вследствие революционных преобразований, когда значительное число интеллигенции покинуло свою Родину, спасаясь от религиозного фундаментализма, преследований инакомыслящих.

Находясь в отрыве от Родины, представители как Южного, так и Северного Азербайджана объединялись в различные организации и кружки, имели частые контакты и во многом могли выглядеть как единое целое, т.к. стремление к объединению всей Родины всегда пронизывало национальный дух народа. Эта специфическая черта азербайджанской эмиграции должна обязательно учитываться при анализе процесса эмиграции из Северного (Советского) Азербайджана. По данным еженедельника "Аргументы и факты"², за рубе-

1. Гусейнов Ч.Г. Этот живой феномен... - С.49.

2. См.: Аргументы и факты. - 1989. - № 36.

жом проживает свыше трех миллионов азербайджанцев - здесь, видимо, имеются в виду выходцы с обоих берегов Аракса.

В данном исследовании мы не рассматриваем философско-художественные проблемы в среде выходцев из Южного Азербайджана, и принимая во внимание наши интересы, не будем именовать их термином эмиграция¹, равно как не будем относить к ним выехавших в азербайджанскую часть Ирана жителей советского Азербайджана и наоборот, т.к. при отмеченном выше наличии двух субкультур, общий фон развития национальной культуры все же один. Подобного же подхода придерживаются и литературоведы, и средства массовой информации республики, не смешивая даже в своих рубриках понятия "творчество в эмиграции" и художественные процессы южного Азербайджана.

Следующая специфическая черта азербайджанской национальной эмиграции состоит в тесном сотрудничестве и переплетении интересов всей турецкой эмиграции из России. Особенно эта специфика относится к первой и второй "волне" эмиграции, в связи с чем в дальнейшем при анализе философско-художественных течений в эмиграции невозможно будет обойтись без ссылок на единомышленников-представителей других народностей Российской империи и позже Советского Союза.

В связи с этим следует оговорить, что сегодня наибольший интерес представляют два центра, где сосредоточены наиболее крупные массивы наследия азербайджанской эмиграции. Первый из них - Турция.

При всех положительных аспектах проживания здесь азербайджанских соотечественников - общность языка, нравов, вероисповедания, которые способствовали быстрому слиянию двух культур, для исследования творческой деятельности эмиграции имеются спе-
1. Такой подход применим только к данному исследованию.

цифические трудности в научном анализе. Речь идет о вычленении творчества непосредственно азербайджанских авторов. Речь вовсе не о том, чтобы попытаться разорвать единство тюркских культур: необходимо показать ветвь ее раскидистой кроны, связанной собственно с азербайджанским народом, его культурой, историей, лежит в том, чтобы уяснить себе место азербайджанской эмиграции в общем контексте развития национальной мысли.

Второй центр сосредоточения азербайджанской культурной эмиграции – Париж, где обосновалась наиболее крупная колония выходцев из Российской империи, бежавших от непредсказуемости своей судьбы в условиях новой Советской власти. В Париже в 1920-х годах сформировался центр русской эмиграции и жизнь здесь "в этот период стала напоминать жизнь сжавшейся до крошечных размеров России. Это была как бы уменьшенная копия бывшей Российской империи со всеми своими противоречиями, болезнями, со своим величием и своей нищетой"¹. В этой же "сжавшейся" Российской империи были представлены почти все народности, населявшие ее, все политические течения и движения России начала века, и огромный пласт деятелей духовной и художественной культуры. Как и в самой дореволюционной России, люди объединялись в группы по политическим интересам, а писатели, художники и другие представители интеллигенции общались между собой также и на основе творческих интересов. Общая специфическая черта каждой национальной эмиграции, обосновавшейся в Париже и вообще в Европейских странах – это, на наш взгляд, последовательное отставание своих национальных интересов даже в условиях оторванности от корней, навязчивое продолжение (это касается лишь первых двух отмеченных нами "волн") начатого еще на Родине националь-

1. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. – М.: Междунар.отношения, 1990. – С.42.

ю-освободительного процесса.

Идея великой и свободной Родины пронизывала не только различные социальные слои и политические течения эмигрантов, но и представителей самых разных народов, вынесенных волной революции за пределы объединяющей их всех бывшей Российской империи.

Здесь, в этих контактах различных политических, национальных, культурных кругов многих российских эмигрантов лежит еще одна специфическая черта национальной культурной эмиграции, несвойственная ни одной другой стране.

Определив для дальнейшего анализа критерии понятия культурной эмиграции, ее "волны" и центры сосредоточения, некоторые основные общие и специфические ее особенности, мы в дальнейшем сосредоточим свое внимание на представителях "второй" волны, составляющих основной предмет данного исследования.

Как и у всех представителей эмиграции разных народов главенствовала идея великой, свободной и демократической Родины, так и азербайджанских деятелей объединяла идея свободного, суверенного и независимого государства, тем более, что прецедент его - Азербайджанская Демократическая Республика, просуществовавшая почти два года - надолго сохранилась в воспоминаниях эмигрантов. Кроме того, большинство из выехавших в период 1920-х годов имели прямое или косвенное отношение к этой самостоятельной государственности и вся дальнейшая их жизнь, творческая активность были связаны с ее возможным восстановлением.

Провозглашение 28 мая 1918 года Азербайджанской Демократической Республики явилось важным историческим событием и его первостепенное значение заключалось в том, что впервые в практике стран мусульманского Востока возникла республика, был заложен фундамент парламентаризма на основе многопартийности,

плюрализма политических событий, осуществлены важные шаги в области социально-экономического и культурного развития¹. "Ход великих событий привел нас к эпохе, когда каждый народ, входивший в состав русского государства, представленный самому себе, сам же должен позаботиться о своей судьбе... - говорил в те годы председатель Национального совета М.Э.Расул-заде. - Наше отделение от России не есть враждебный акт по отношению к России. Мы не чувствовали обид от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма... Мы желаем видеть в России государство, основанное на демократических началах, деспотический образ правления "Севера" нам невыгоден. Мы любим Россию, но любим и свою независимость. Мы не хотим жить под игом давления, ибо счастье жизни в свободе. Поднятое нами знамя, три цвета которого являются символами турецкой национальной культуры, мусульманской цивилизации и демократических начал современной Европы, не должно опуститься"². Так было заявлено на заседании Азербайджанского парламента и тем самым очерчены основные критерии политического устройства и культурной ориентации нового государства.

Эта же линия продолжала оставаться главенствующей для бывших лидеров АДР, оказавшихся в эмиграции. К наиболее крупным фигурам азербайджанского политического и культурного зарубежья следует отнести сегодня (по хронологии отъезда) Али-Мардан Бека Топчибашева³, бывшего депутата первой Государственной Думы,

1. См.: Гулиев Д.П. Крупное историческое событие. Доклад на конференции, посвященной 28 апреля 1920 года//Бак.рабочий.- 1991. - 27 апреля.
2. Речь председателя национального совета М.Э.Расул-заде 7 декабря 1918 г. на заседании Азербайджанского парламента//Газ. Азербайджан. - 1918. № 6. Цит.по: Бак.рабочий.- 1991. - 28 мая.
3. Али Мардан Бек Топчибашев (1862-1934) окончил юридический факультет Петербургского университета с отличием в 1888 г. Переехав в Баку, редактировал газеты "Каспий", где публикует множество своих статей о литературе и культуре Азербайджана, (прод.сноски на след.стр.)

почетного председателя Азербайджанского парламента, направленного в 1919 г. для участия в Версальской мирной конференции главой азербайджанской делегации и оставшегося там после установления Советской власти в Азербайджане. В составе делегации находился еще один крупный представитель азербайджанской интеллигенции Джейхун Гаджибейли¹, сыгравший впоследствии видную роль в распространении за рубежом национальной азербайджанской культуры, а также Акперага Шейхульисламов², который, оставшись в Париже, избирался членом П Интернационала, опубликовал некоторые статьи, связанные с историей своей Родины.

Сюда же, в Париж направились после падения независимости АДР другие видные государственные деятели, спасаясь от преследований со стороны новых властей. К числу таких можно отнести Мирзу Асадуллаева³, потомка крупного нефтепромышленника и бывшего (прод.сноски с пред.стр.)

- "Бакинский торгово-промышленный листок" (на рус.яз.). В 1906г. избран депутатом Первой Государственной думы, одновременно избирался председателем "Всероссийского союза мусульман", за что постоянно находился под наблюдением царской полиции. После установления независимости Азербайджана назначен министром иностранных дел во П-м кабинете министров и направлен в Париж как глава азербайджанской делегации. Позже был заочно избран председателем Азербайджанского парламента. Не принадлежал ни к одной из политических партий. Умер в Париже, где оставил значительный мемуарный и документальный архив. С.: Алиев М. Али Марданбек Топчибашев//Одлар юрду. - 1988. - № 16 (на азерб.яз.)
1. Джейхун Гаджибейли (1891-1962) - брат основоположника азербайджанской классической музыки Узеира Гаджибекова (1885-1948) получил образование в Петербурге, Париже. С 1909 - выступает в печати с истислововедческими, публицистическими статьями на русско, французском, азербайджанском языках. Автор книги "Гаджи Керим" (1911), редактор ряда газет в Баку. С 1920 года - в эмиграции. С.: Алиев М. Джейхун Гаджибейли//Одлар юрду. - 1988. - № 20. (на азерб.яз.)
 2. Акперага Шейхульисламов (1891-1961) обучался в Петербургском инженерном институте. Являлся членом Закавказского Сейма, министром АДР, членом парламента АДР, где представлял меньшевистскую фракцию. Выехав в составе делегации в Париж в 1919 г., оставшуюся жизнь провел в эмиграции. С.: Алиев М. Акперага Шейхульисламов//Одлар юрду. - 1988. - № 22 (на азерб.яз.)
 3. Мирза Асадуллаев (1875-1936) сын нефтяного миллионера Ш.Асадуллаева, переехавшего в 1903 г. в г.Москву, где занимался (прод.сноски на след.стр.)

го министра торговли Кабинета министров АДР, добившегося освобождения из-под ареста и разрешения в 1920-м году на выезд за рубеж. Сюда же позднее, в 1924 году, переехала и его дочь Ульм-Эль-Бану, более известная сегодня в литературе, как французская писательница Банин.

Следует заметить, что число проживавших в Париже бывших бакинских нефтепромышленников, хозяйство которых было национализировано Советской властью, было достаточно большим, о чем свидетельствуют образованные здесь "Общество азербайджанских нефтепромышленников", "Ассоциация азербайджанских нефтепромышленников", входивших во "Фронт Ёни", под председательством А.Нобея или, по другим сведениям, Г.Детеринга, Эти общества, а также "Русское товарищество нефти", являвшееся одной из крупных нефтяных группировок Бакинского района, не избежали за рубежом соперничества и конфликтов¹, равно как и представители множества фракций и движений политических партий, представленных в парламенте АДР.

Проживавшие в Париже семьи азербайджанских эмигрантов не замыкались в узком национальном кругу, поддерживали тесные связи с представителями других национальных эмиграций. В качестве примеров можно привести отношения Банин с Тэффи и Буниным, активное сотрудничество М.Э.Расул-заде с деятелями украинской, польской и грузинской эмиграций, частые публикации азербайджанских авторов на страницах издававшихся в Париже и Праге на рус-

(прод.сноски с пред.стр.)

благотворительность для мусульман России. Являясь практически управляющим всех нефтяных компаний своего отца, М.А. много путешествовал по Европе, где впитал в себя прогрессивные идеи того времени. Был председателем "Бакинского мусульманского благотворительного общества", членом парламента АДР. С 1920 г. в эмиграции. М.Асадуллаев - отец известной франкоязычной азербайджанской писательницы Банин. См.: Алиев М. Мирза Асадуллаев//Одлар юрду. - 1989. - № 2. (на азерб.яз.)

1. См.: Кавказ (Париж). - 1935. - № 9-10/21-22. - С.45-47.

ском языке органов эмигрантских общин Северокавказских народов. Благодаря этим публикациям, нам во многом удастся уяснить себе деятельность, контакты, сотрудничество и противоречия в среде азербайджанской эмиграции, хотя надо отметить, что издававшиеся ими в Париже до второй мировой войны журналы "Азербайджан" на русском языке и "Прометей" на французском, а также в Берлине на турецком (азербайджанском) "Куртулдуш" почти недоступны и остались, к сожалению, вне нашей досягаемости.

О продолжавшихся контактах представителей азербайджанской эмиграции с бывшими соотечественниками свидетельствуют и появляющиеся в сегодняшних средствах массовой информации архивные материалы и воспоминания, как, например, ректора Свято-Сергиевской Духовной Академии в Париже о.А.Князева, бакинца по происхождению, до сегодняшнего дня не прерывающего "узы, связывающие его с семьями юристов Топчибашева, братьев Узеира и Джейхуна Гаджибекова, нефтепромышленников Тагиева, Мирбабаева, Салимова"¹.

В числе оказавшихся в Париже азербайджанских эмигрантов находился и видный азербайджанский прозаик и драматург Юсиф Везир Чменземинли², о недолгом пребывании за рубежом которого до последнего времени предпочитали умалчивать.

1. Семченко А. Настоятель Сергиевского подворья//Панорама Азербайджана. - 1991. 10 января. - № 1.
2. Везиров Юсиф Мирбаба оглы (Чменземинли - лит.псевдоним) (1887-1943) родился в г.Шуше Азербайджана, с ранних лет приобщился к литературе, общался в кругу передовой интеллигенции, вхожей в дом его родителей. Получил образование в Баку, затем на юридическом факультете Киевского университета, работал в Саратове, Симферополе, Стамбуле, Соучествовал революционному и национально-освободительному движению. Первые публикации относятся к 1908 г.. 1911-13 гг. издано семь книжек рассказов. В 1919 г. назначен послом АДР в Стамбуле, где был в должности до установления Советской власти в Азербайджане. С 1920 по 1925 гг. - жизнь в эмиграции. В 1925 г. решением Азербайджанского правительства возвращено гражданство СССР, где продолжал до конца жизни трудиться на литературном поприще. Автор множества пьес, романов и рассказов. См.: Кудиев В. Он сам выбрал свой путь//Лит.Азербайджана. - 1987.- № 10. - С.87-91.

Особый отряд азербайджанской культурной эмиграции составляет направленное решением правительства АДР на учебу в европейские страны студенчество. В книге М. Сулейманова "Дни минувшие"¹ указываются следующие цифры: 3 человека в Англию, 11 человек в Германию, 1 человек в Италию, 13 - во Францию, 4 - в Турцию, 50 - в Швейцарию. Другие источники говорят о еще большем числе направленных на учебу азербайджанских студентов², которым предстояло получить остро необходимые для молодого государства специальности медиков, биологов, физиков, математиков, энергетиков, экономистов, путейцев, химиков, агрономов, машиностроителей, строителей, геологов, филологов, историков, архитекторов, кристов, скульпторов, художников. В будущем некоторые из них вернутся на Родину не доучившись, так как после смены власти окажутся без средств для обучения, а часть останется на чужбине. Преодолевая большие трудности, устраиваясь на черную и низкооплачиваемую работу, они продолжали учиться. Трагикомичность многих жизненных коллизий этих студентов в будущем получила отражение в комедии Д. В. Чемаземинли "Его высочество едет в Париж", хорошо знавшего быт в эмиграции брошенного на произвол судьбы азербайджанского студенчества. Участь и тех, кто остался на чужбине, и тех, кто вернулся в разное время на Родину, окажется в общем-то незавидной. О судьбе многих из них летописцы пока умалчивают. Так, неизвестный пока широкой общественности факт ссылки в Соловки одного из недавних выпускников Сорбонны поэта Али Юсифбека упоминается в научном сборнике "Азербайджан ырт бильгиси" в статье "Наши поэты в ссылке"³. Интересен тот факт,

1. Сулейманов М. Дни минувшие // Араз. - 1990. - № 3. - С. 135.
2. Так, Ахундова Н. указывает следующие цифры: 54 - в Германию, 18 - во Францию, 6 - в Англию, 2 - в Италию, 7 - в Турцию. См.: Ахундова Н. Дети осени // Вышка. - 1991. - 25 мая. - С. 4.
3. Azerbaycan Yurt Bilgisi. Istanbul, Burhanettin Hatir - в дальнейшем обозначается как: "Азербайджан ырт бильгиси" баеяи, - 1934. - апрель (№ 28). - С. 302 (на турец. яз.)

что, как отмечает автор статьи М.Векилли, Али Юсифбек, направленный правительством Азербайджанской Демократической Республики на учебу в Париж, после окончания университета возвратился на уже в Советский Азербайджан. На недоуменные вопросы своих сверстников, пожелавших остаться в эмиграции, Али Юсифбек отвечал: "Там моя Родина, что бы ни произошло, я хочу жить среди своего народа". К сожалению, последним его известным М.Векилли адресом стал "Ледовый ад темницы Азербайджанского национального духа", как точно охарактеризовал соловецкий лагерь сосланный поэт. О фактах репрессий по отношению к выпускникам европейских вузов часто после длительной работы в советском Азербайджане упоминает и Н.Ахундова¹.

Оставшееся в эмиграции азербайджанское студенчество (вернее, бывшее студенчество - к тому времени уже молодые специалисты) и вдали от отчизны не теряли связей, продолжали жить в тесном контакте друг с другом, где бы они ни находились. Об этом, в частности, свидетельствуют извещения и объявления, информации о деятельности "Азербайджанского союза студентов" в уже упоминавшемся выше сборнике "Азербайджан Юрт бильгиси".

Путь в эмиграцию представителей национальной культуры был далеко не схож. Сложнее, нежели у других, оказался он у самого крупного деятеля Азербайджанской Демократической Республики,

председателя национального Совета Мамед Эмина Расул-заде², и в
1. Ахундова Н. Дети осени/Вышка. - 1991. - 25 мая. - С.4.

2. Мамед Эмин Расул-заде (1884-1955) - видный азербайджанский общественный деятель, родился в селе Новханы Бакинской губернии, с 1904 года сотрудничает в периодической печати социал-демократического толка. 1908 - постановка пьесы "Свет в темноте". 1909-1911 - участник и идеолог национально-освободительного движения в Южном Азербайджане (Иран) - после прихода сюда царских войск жил в Турции до 1913 года. Возвратившись в Баку активно участвует в формировании национального самосознания азербайджанского народа через политические формирования и средства массовой информации. Один из основоположников партии "Мусават", председатель азербайджанского национального совета, лидер Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920 гг.). После падения независимости - в эми-
(прод.сноски на след.стр.)

эмиграции являвшегося наиболее заметной фигурой азербайджанского зарубежья. После вступления XI Красной Армии в Азербайджан в апреле 1920 года М.Э.Расул-заде был арестован, но затем освобожден (по некоторым источникам, по личному распоряжению Сталина)¹ и отправлен в Москву, где он работал в Комиссариате национальностей РСФСР (по другим сведениям, инспектором мусульманских школ, что сам М.Э.Расул-заде отрицал²). В 1922 году ему удалось эмигрировать в Финляндию, откуда он перебрался в Турцию. В 1931 г. по политическим соображениям М.Э.Расул-заде вынужден был покинуть Турцию и жить сначала в Польше, а затем в Румынии. В Турцию он вернулся только после второй мировой войны в 1947 г.³

Личность М.Э.Расул-заде вызвала и в зарубежье неадекватное отношение. Признание его с позиций сегодняшнего дня как крупного деятеля – политического и культурного – всего азербайджанского народа не исключала и определенного соперничества и несогласия с ним ряда представителей азербайджанской эмиграции. Так, с критикой его позиции в отношении Азербайджанского национального центра (в эмиграции) выступали ряд бывших сотоварищей по партии "Мусават", а также по работе в парламенте АДР. Многие аспекты этой критики объяснялись в первую очередь борьбой за руководство азербайджанской эмиграцией и, к сожалению, в этой борьбе использовались далеко не всегда достойные приемы как с

(прод.сноски с пред.стр.)

грации, где продолжает играть ведущую роль в азербайджанском зарубежье. См.: Алиев М. Мамед Эмин Расул-заде//Одлар Ырду. - 1988. - № 17 (на азерб.яз.).

1. См.: Судейманов М.Ф. Дни минувшие. - Баку: Азернешр, 1989. - С.367-369 (на азерб.яз.).
2. См.: Зареванд. Турция и пантуранизм. - Париж, 1930. - С.14; Расул-заде М.Э. Доклад, прочитанный в Париже перед аудиторией, состоящей из представителей кавказской, украинской и турецкой эмиграции в марте 1930, "Пантуранизм и проблема Кавказа"; Castagne Joseph. Bolshévisme et l'Islam//Revue du Monde Musulman, 1922. - № 51. - P.246.
3. См.: Балаев А. Мамед Эмин Расул-заде//Хазар. - 1990. - № 1. - С.38.

одной, так и с другой стороны.

Полемика, а часто и взаимные оскорбления, развернулась в основном на страницах двух изданий: за М.Э.Расул-заде выступала группа, собравшаяся вокруг издававшегося в Берлине журнала "Куртудуш"; а против - члены Азербайджанского национального центра, чьи взгляды выражал журнал "Кавказ" (Париж). Приведем основные пункты обвинений, выдвинутых против М.Э.Расул-заде: "1. Правда ли, что вы способствовали передаче нашей родины, а, следовательно, и всего Кавказа, большевикам? 2. Каким чудом вам удалось "спастись" от всесильного чека? 3. Почему вы стремитесь за все время вашего пребывания за рубежом к разрушению всяких начинаний, направленных к объединению азербайджанцев?..."¹.

Обвинения также касались и некоторых вопросов распределения средств партии и национального центра. Против М.Э.Расул-заде публиковались брошюры Н.Шейхзаманлы "Мы и они", Ш.Рустамбейли "Собранные средства", "Скандалное моральное падение М.Э.Расул-заде" и др.², выступал ряд заметных в эмиграции политиков, в том числе Х.Хасмамедов, Ф.Али Паша-оглы, Ш.Эрел, Юсиф Али Алиев, неустановленный в личности псевдоним "Кавказец", поддерживавшие право на лидерство в зарубежье Шафи бея Рустамбейли - бывшего соратника, а в эмиграции главного соперника и обвинителя М.Э.Расул-заде. Сам М.Э.Расул-заде не оставался в стороне от этих обвинений. Объединив вокруг себя группу соратников, в число которых входили М.Векилов, А.Джафароглу, М.А.Расул-заде, Мирза-Бала Мамед-заде, А.Дурдсевер и др., он через различные издания, отдельные брошюры ("Шафибейство") и выступления давал отпор клевете, слухам и обвинениям³. Часто обе стороны апеллировали в спорах

1. Шейх-Уль-Ислам-заде А.В. Азербайджанской эмиграции//Кавказ (Париж). - 1935. - № 9-10/21-22. - С.31-32.

2. См.: Султанлы В. Мамед Эмин Расул-заде в эмиграции//Азербайджан. - 1990. - 21 декабря (на азерб.яз.).

3. Там же.

к наиболее авторитетному в то время беспартийному Али Мардан Беку Топчибашеву, умудренному опытом бывшему председателю Парламента АДР и отличавшемуся объективностью и честностью¹.

В 1927 г. "Вольные горы" отмечали: "Нельзя закрывать глаза, что в прошлом азербайджанскими политическими деятелями были сделаны кое-какие ошибки, что не все "ладно" как, например, эта чрезмерная борьба партий, переходившая часто в "дрязги", но все же нельзя не отметить, что в одном вопросе не было расхождений, была полная солидарность – это в вопросе о свободе и независимости страны"².

Идея независимости своей Родины, объединявшая часто противоположные политические взгляды и разных политических деятелей, в значительной мере явилась узловой для развития философских, политических, культурологических и социальных воззрений азербайджанской эмиграции, анализу которых – в русле выявления социально-духовных противоречий азербайджанского зарубежья – посвящен следующий параграф данной главы.

§ 2. Социально-духовные противоречия развития азербайджанского зарубежья

Идея национальной независимости азербайджанского народа, являющаяся доминантой философской мысли зарубежья ни в коем случае не исключала поисков различных, часто прямо противоположных путей ее реализации. В связи с этим, описывая турецкую среду обитания национальной культурной эмиграции, в общих чертах обрисовать существовавшую в начале XX века общественно-политическую и духовную почву, на которой прорастали национально-освободительные идеи турецких народов России необходимо.

1. Шейх-Уль-Ислам-заде А.В. Азербайджанской эмиграции//Кавказ. (Париж). - 1935. - № 9-10/21-22. - С.31-32.
2. Вольные горы (Прага). - 1927. - 26 марта (№ 1). - С.11.

У турков, как и других народов, населявших Российскую империю, общественно-политические движения начала XX века в большинстве своем находили реализацию через борьбу за суверенитет и независимость народов, независимо от их религиозной и социальной принадлежности или происхождения. Формы же национально-освободительной борьбы осуществлялись в самых различных видах, начиная от создания политических партий и кончая поисками своей собственной философии, позволяющей придать этой борьбе стройные и четкие очертания. В рассматриваемый период азербайджанских политических деятелей занимали концепции культурного возрождения нации, определение ее самобытности. Культурное движение при этом выступало составной и органически неотделимой частью национально-освободительного движения, включавшего в себя по крайней мере три направления: политическое, социально-экономическое, культурно-гуманитарное.

Политическая борьба, увенчавшаяся победой и прерванная в результате установления Советской власти в Азербайджане, в новых условиях эмигрантской действительности продолжалась в деятельности восстановленных за рубежом партий "Мусават" и "Иттихад", других национальных общественных формирований.

Социально-экономические условия для суверенного, самостоятельного развития национального государства виделись эмиграции в развитии будущих концессий и свободного предпринимательского рынка.

Культурные (гуманитарные) методы деятельности включали в себя широкий спектр форм духовной жизни народа и затрагивали его а) историю, б) литературу и искусство, в) религию, г) традиции.

При этом культура рассматривалась как опорная точка всего национально-освободительного движения, цементирующая и укреп-

ляющая идеи субстанция.

Среди пестрого многообразия политических, социально-экономических и культурных направлений национально-освободительного движения особое место занимает пантюркизм и панисламизм, отличавшиеся от узконационалистических движений более широким спектром культурно-исторических, религиозных взаимосвязей широких слоев, населявших обширные территории, и выходявшие за рамки государственных образований, дислоцирующихся на них. Движения эти долгое время подвергались у нас в стране (заслуженной и незаслуженной) критике и требуют объективно-взвешенного и всестороннего научного осмысления. Ограничиваясь культурологическим аспектом национально-освободительного движения, подчеркнем лишь двойность их, выражающуюся: а) во всеобщем характере интересов культурного объединения многих народов; б) в возможности национального самоутверждения, в том числе и культурного, в условиях суверенной государственности.

Формирование идеи объединения близких по духу, религии, этносу и территории народов в турецком обществе, где эти движения получили наибольшее развитие, на наш взгляд, явилось следствием осознания передовыми мыслителями того периода невозможности сохранения рушащейся османской империи под флагом османизма, согласно которому все подданные без различия национальной принадлежности и вероисповедания объявлялись новой общностью людей - "османцами". По-видимому, первой по хронологии и масштабности идей объединения нации и государств выступил "панисламизм", основоположником которого принято считать шейха Джемалледина Афгани (умер в 1897 г.). Идея эта имела широкое хождение не только в Турции, но и в других мусульманских регионах мира, где среди интеллигенции, возвращенной на традициях шариата, сохранялось желание поставить во главу угла культуру Корана как реаль-

ное объединяющее начало этнически разных народов. Панисламизм был довольно широко распространен и среди мусульман Российской империи, где еще в XVIII веке, во время гонений на эту религию со стороны царского правительства, "понятие Ислама слилось у казанских татар (как чуть позже у других мусульманских народов России - А.К.) с понятием национальности (миллиета), и отныне защита религии стала синонимом сохранения национальной общины"¹. К числу приверженцев панисламизма на раннем периоде творчества можно отнести и деятеля азербайджанской эмиграции "первой волны" - Ахмед-бека Агаева (1865-1939)². В период обучения в Париже А.Агаев имел частые контакты с упоминавшимся нами Джемаледдином Афгани, испытал на себе влияние его незаурядной личности, чем, видимо, и объясняются его панисламистские воззрения, нашедшие отражение в его работах, написанных во Франции для русской прессы³. Позднее А.Агаев являлся редактором газет и журналов, где опубликовал ряд концептуальных критических статей о художественной литературе и театре, дал интересные трактовки эстетического наследия человечества, примкнул к движению пантюркизма, и позже - туркизма.

Движение панисламизма, его культурно-религиозная основа как сформировавшийся феномен философской мысли, существует и в

1. Бенигсен А. Мусульмане в СССР. -

Paris: YMCA-Press, -

С.33.

2. А.Агаев, родился в г. Шуша (Азербайджан), получил образование в Баку, Санкт-Петербурге и Париже. Работал в Тифлисе - учителем, позже в Баку - редактором одной из первых газет на азербайджанском языке ("Хайат"). В 1906 г. избран в Думу, но, лишенный царскими властями мандата из-за националистической деятельности, покидает Кавказ в 1908 г., и переезжает в Турцию, где играет видную роль в Тюркистском движении. В период независимости АДР избирался председателем парламента, однако пробыл на родине недолго. Позже (после 1921 г.) примкнул к кемалистам. См.:

Dumont P. La revue "Turk yurdu" et les musulmans de l'Empire Russe 1911-1914 // Cahiers du monde russe et soviétique. - 1974. - XV (3-4), p. 327.

3. К такому следует отнести, в первую очередь, серию статей "Фанатизм ислама и его отношение к немусульманам", отрывки из которой опубликованы под названием "Об исламе без фанатизма" в журнале "Новое время". - 1991. - № 6. - С.40-42.

наше время. Интерес к нему возрастает в связи с политическими изменениями в ряде стран Ислама, в частности - Иране, ряде стран Магриба и других, с уклоном в сторону фундаменталистских позиций этой религии.

На наш взгляд, это движение содержит в себе определенные консервативные начала, заключающиеся в стремлении к некоторой самоизоляции исламского мира, препятствующей развитию общечеловеческих форм демократии^I. В рассматриваемый нами конкретный период в конкретной стране - в Турции, он в первую очередь служил имперским целям сохранения власти Османской династии над другими исламскими народами. Сегодня это движение служит больше распространению и утверждению ислама в разных странах, в т.ч. с разным общественно-политическим строем. Одновременно, предполагаемое некоторыми наблюдателями огосударствление всего мира ислама невозможно в современном мире в силу большого числа противоречий в самой религии ислама, а также между странами мира, его исповедующими (Ближний Восток, Иран-Ирак, Ирак-Кувейт тому примеры).

Стремление же к утрачиваемой религии; наблюдаемое в современном советском обществе, характерно для всех вероисповеданий.

Другим тесно переплетенным с панисламизмом направлением духовной мысли тюркских народов начала века являлся пантюркизм или пантуранизм. "Суть заключалась в проповеди "общности" таких разных по своему происхождению и историческим судьбам народов, как азербайджанцы, туркмены, узбеки, татары, киргизы, уйгуры и даже финны и венгры, которых предполагалось объединить в единое "туранское" государство, разумеется, под турецким господством. Пантуранизм по существу ничем не отличался от пантюркизма...

I. Напр.: Каддафи М. Зеленая книга. - М.: Межд.отношения, 1989.- 160с.

Небольшое различие состояло лишь в том, что географические рамки "Турана" включали территории не только тюркоязычных народов, но и венгров, финнов, даже народов Филиппин"¹.

Исключив определенный идеологический уклон характеристики данного движения, свойственный советской востоковедческой науке до последнего времени, подчеркнем его сущностную особенность, основанную на культурном фундаменте.

Известный теоретик тюркизма Зия Гек Алп (1875-1924 г.) дает ему следующее толкование: "Тюркизм - движение не политическое. Это школа научно-философско-эстетическая. Другими словами, это метод борьбы за культурное объединение.(тюркских народов - А.К.). По этой причине тюркизм до сих пор организационно не принял формы политической партии. Несомненно, он и впредь на этот путь не встанет"².

Помимо этого, до революции принадлежности к какой-либо нации (татарской, узбекской, башкирской) в современном смысле этого слова не существовало ни для интеллигенции, ни для масс. Последние назывались "мусульманами", "тюрками", "турко-татарами", "туркестанцами".

Среди интеллигенции преобладали вненациональные тенденции - панисламистские у консерваторов, пантюркские у прогрессистов, так как большинство из них оставалось верными лозунгу, выдвинутому еще в 1883 году крымским мыслителем Исмаилом Гаспринским³:

1. Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908-1914 гг.). - Баку: Изд-во АН АзССР, 1966. - С.45.
2. Цит. по: Расул-заде М.Э. О пантюркизме//Хазар. - 1990. - № I. - С.72.
3. Гаспринский Исмаил-бей, родился в Крыму, получил образование в Симферополе, Москве и Париже. Жил некоторое время в Стамбуле, где работал в различных изданиях. В 1878 г. избирается городским головой Бахчисарая. Издаёт с 1883 г. газету "Тарджуман" на средства бакинского миллионера Г.З.Тагиева, где проходили журналистскую школу многие идеологи пантюркизма и панисламизма, печатались деятели литературы и искусства.

См.: ~~Vannigsen~~ A.A. Ismail bey Gasprinski (Gaspary) and the Origins of the jadid movement in Russia.
Предисловие к книге Исмаил Бей Гаспринский. Русское мусульманство.
The society for central Asia studies.- 1985.-P.12.-

"Будьте едины языком, деяниями и помыслами". "Сознание принадлежности к единой тюрко-мусульманской общине подтверждено наличием социальных обычаев, этнической и фольклорной литературы, общей всем народам через тюркские корни языков, и общей тюрко-персидской исламской культуры", - отмечает А.Бенигсен¹. Эту же позицию косвенно подтверждает Гумилев Л.Н.: "Очень сильно сказывается на культуре временный момент, момент памяти - памяти генетической, памяти традиционной - памяти прежних культур, т.е. наличия в новой культуре рудиментов, которые были для созданной заново культурной системы субстратами, исходными элементами"².

Роль российских мусульман в зарождении и распространении движения пантюркизма довольно велика. Многие исследователи склонны к мысли о российском происхождении движения как такового. "Пантюркизм - продукт российской действительности", - пишут А.Аршаруни и Х.Габидуллин³, а американский автор Ч.У.Хостлер прямо связывает турецкий пантюркизм с тюрко-татарской эмиграцией из России: "В результате эмиграции тюрко-татарских лидеров из России, подавления либерализма в России после 1907 г., с приближением войны 1914-1918 гг. центр тяжести пантюркизма переместился из России в Турцию"⁴.

Пантюркизм явился в Турции закономерным звеном в цепи "османизм-панисламизм" и уступил место "тюркизму", существенно сузившему имперские побуждения некогда могущественного государства.

Закономерен и последующий отказ от этих течений, предпринятый новым турецким правителем Камалем Ататюрком, политиком,

1. Бенигсен А. Мусульмане в СССР... - С.74.

2. Гумилев Л.Н. Этнос и антиэтнос//Звезда. - 1990. - № I. - С.139.

3. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. - М., 1931. - С.13.

4. Hostler Ch. 7. Turkism and the Soviets. - London, N.Y., 1957, - P.157.

отличавшимся обостренным чувством реализма. "Я так понимаю панисламизм: наша нация и представляющее ее правительство, естественно, желают благополучия и счастья всем нашим единоверцам, где бы они ни жили. Мы желаем, чтобы общины, созданные в разных странах нашими единоверцами, жили самостоятельно и независимо. Благополучие и счастье всех мусульман, всего мира ислама нам также дорого, как наше собственное благополучие и счастье... Но управлять и руководить всем мусульманским обществом из одного центра как империей, как одной большой империей — это фантазия!"¹. Став во главе Турции, Мустафа Кемаль первым делом "отделил туркизм от авантюристической, агрессивной концепции пантуркизма, взяв из туркизма Зии Гёкальпа некоторые элементы позитивного национализма, такие как народничество, этатизм, общедемократические, просветительские моменты, развив его антиимпериалистическую сторону. Мустафа Кемаль выдвинул качественно новую, отличную от османистской, панисламистской и туркистской, концепцию патриотизма"².

Однако исследователи подчеркивают, что, наряду с критикой и осуждением пан-идей, в деятельности правительства Турции существовала определенная терпимость в отношении к их проповедникам. Мы видим объяснение таковым в глубоком политическом здравомыслии Ататюрка, который отмежевался от притязаний на новые территории, претензий к бывшим странам Османской империи, а также не в последнюю очередь к России. С другой стороны, он не мог не принимать во внимание и большое число сторонников этих движений в своей стране, среди которых было немало эмигрантов из турецких областей России, и понимал насущность на тот период

1. Ататюрк К.М. О правах и обязанностях Совета комиссаров. Речь от 1 декабря 1921 г. // Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. — М.: Прогресс, 1966. — С. 187.
2. Гасанова Э.Д. Об идеологии национально-освободительного движения в Турции... — С. 165.

практики постоянной поддержки в них сознания единства турецких народов и их культур.

В движении пантюркизма ведущее место и руководящие роли занимали, как о том уже сказано, представители российских турков. К их числу нам следует в первую очередь отнести таких крупных представителей первой обозначенной нами "волны" турецкой эмиграции, как казанский татарин Юсуф Аккура (1870-1927)¹, азербайджанцы Ахмед-бек Агаев и Алибек Гусейн-заде (1864-1941)², который еще со студенческих лет активно включился в политическую борьбу с самодержавием (имел контакты с участниками покушения на Александра III) и вследствие этого был отправлен родителями на учебу в Стамбул, проникся идеей единства турецкой культуры еще раньше, чем Зия Гек Альп, которого принято считать основоположником пантюркизма, и до конца своих дней был активным его пропагандистом. Стихи, повести, литературно-критические и политико-публицистические статьи, полемические выступления и научно-исторические очерки, переводы и международные обзоры - весь арсенал его художественно-публицистического творчества был подчинен избранной им линии - культурному объединению турецких

1. Аккура-оглу Юсуф (Аккурин) родился в Самаре, получил общее образование в Стамбуле, окончил школу политических наук в Париже. Работал учителем в татарской школе в Казани, преподавателем Казанского университета. Сотрудничал в Оренбургской газете "Вақыт" и "Тердхумане" Гаспринского. Депутат Государственной Думы, член русской кадетской партии. Участвовал в создании "Союза мусульман России". Подвергался преследованиям за панисламистские выступления. К моменту младотурецкой революции эмигрировал в Турцию, где примкнул к ним. См.: Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции... - С.61.

2. Гусейн-заде А., родился в г.Сальяны (Азербайджан) получил блестящее медицинское образование в Санкт-Петербурге и Стамбуле. В 1900 г. получил звание профессора в Стамбульской Военно-медицинской школе. По политическим разногласиям с турецкими властями Абдул-Гамида II. покинул пост и вернулся в Баку, где принял активное участие в национальном движении - издавал газеты "Хаяят" (Жизнь), "Каспий", "Фезаят", другие издания пантюркистского толка. Возвратился в Стамбул в 1910 году на прежнее место работы, где до конца жизни продолжал придерживаться взглядов пантюркизма. См.: Dumont P. La revue

"Turk Juruđu" et les musulmans de l'Empire Russe 1911-1914.- N-316.

народов. В произведениях А.Гусейн-заде при всей декларативности его научно-теоретических, эстетических установок важное значение придается художественному опыту, стилю и манере, дающим возможность считать его творчество классическим образцом азербайджанского романтизма начала века¹.

Тенденции религиозного и этнического характера, воплощенные в идеях пантюркизма и панисламизма, предопределили, на наш взгляд, направленность явлений литературы и искусства национального зарубежья. Среди авторов различных изданий, выходивших в 20-х годах нашего столетия, в Стамбуле можно обнаружить выразителей идей новой турецкой эмиграции России². Известно, что только выходцами из Азербайджана были основаны и пользовались спросом такие издания, как ежемесячный журнал "Национальные публикации Азербайджана" (1923-1925 гг.), позднее получивший название "Азери тюрк" (с 1926 г.), "Одлы юрт" ("Страна огней" с 1929 г.), "Азербайджан юрт бильгиси" ("Журнал страны Азербайджан" 1932-34 гг.)³. Наиболее долговечным из них можно считать журнал "Азербайджан", и по сей день издающийся Азербайджанским культурным обществом, ставшим действенным центром изучения и пропаганды азербайджанской культуры за рубежом. Кроме того, азербайджанская культурная эмиграция была широко представлена на страницах издававшегося представителями северокавказских народов ежемесячного журнала "Йени Кавказия" ("Новый Кавказ" 1923-1927 гг.). Здесь мы вправе согласиться с теми исследователями (М.Алиев, В.Султанли, Я.Акпинер и др.), которые в отличие от Ш.Лемерсье-Келькеже утверждают, что и этот журнал был основан

1. См.: Караван высоких дум. Литературно-критические портреты.- Баку: Языки, 1989. - С.79-80.

2. К сожалению, очень малая часть из них находится в местах доступных советским исследователям.

3. См.: Лемерсье-Келькеже Ш. *Le mercier-quelque jay - C. Bibliothèque et archives du Turque // Cahiers du monde Russe et Soviétique.-1964.- Нр.1.- Vol.V.-P.117.*

выходцами из Азербайджана¹.

Наиболее крупным проповедником идеи единства турецких народов, объединившим на своих печатных полосах выступления практически всех указанных нами авторов, являлся издававшийся с 1911 года журнал "Турк юрду", где "нашли свое отражение пропаганда как прогрессивных, так и реакционных тенденций наиболее видных идеологических направлений общественной мысли Турции рассматриваемого периода"².

Идеи пантуркизма в той или иной мере сохраняются на протяжении всего XX века, что вызывает определенную обеспокоенность различных слоев общественности тех стран, где проживают турецкие народы (СССР, Иран, Афганистан, Китай, Ирак, Турция). Усматривая в стремлении к культурному объединению возможности изменения в административно-территориальном и государственном аспектах правительства названных стран всячески стремятся к ослаблению этих контактов, создавая искусственные преграды, классическим образцом которой может служить введение алфавита кириллицы в турецкие языки советских народов. "...Основное различие между турецкими литературными языками заключается в произношении, а так как арабский алфавит не транскрибирует большую часть гласных, то выходило, что грамотный азербайджанец мог свободно общаться с казахом, а казанский татарин без труда читал по-узбекски или по туркменски. Следовательно, культурная общность мусульман Советского Союза до 1928 года была очевидной реальностью"³.

Нельзя не согласиться и с Ч.Гусейновым, который отмечал,

1. См.: Адиев М. Мамед Эмин Расул-заде // Одлар юрду. - 1938. - № 17; Султанлы В. М. Э. Расул-заде в эмиграции // Азербайджан. - 1990. - 1991. - 27 декабря.
2. Гасанова Э. Д. Идеология буржуазного национализма в Турции... - С. 62. О деятельности данного органа см.: там же. - С. 64-115, а также: Dumont P. La revue "Turk yurdu" et les musulmans de l'Empire Russe, / 1911-1914.
3. Бенигсен. Мусульмане в СССР. - С. 37.

что "арабская графика, приспособленная для нужд арабского языка, хотя и создавала возможности для общения и взаимодействия тюрко-язычных культур, литератур, (подчеркнуто мной - А.К.), все же была во многих отношениях неудобной, не учитывала лингвофонетических особенностей тюркских языков"¹.

Видимо, "призрак пантюркизма" вынудил перевести все тюркские языки с добровольно ими принятого латинского алфавита на кириллицу, при этом каждому из них было предложено самостоятельно транскрибировать характерные для национального языка фонемы, что и привело, в конечном итоге, к резкому дистанцированию языков, *alter ego* культур, мировоззрения.

В настоящее время параллельно религиозному возрождению происходит значительная интенсификация контактов тюрков Советского Союза, состоялся съезд тюркских народов СССР, где особо обсуждался вопрос о необходимости срочного перевода тюркской письменности на унифицированный латинский алфавит².

В то же время мы должны видеть и определенные негативные тенденции движения пантюркизма, в частности некий оттенок шовинистического плана, выражающийся в подчеркивании исключительности своей нации, гегемонистскими устремлениями и соответственно сепаратистскими (с точки зрения государств компактного проживания тюрков) устремлениями идеологов пантюркизма. Следует подробнее сказать и о том, что в попытках создания или воссоздания (как у азербайджанцев) национальной государственности пантюркизм делал возможным контакты его лидеров с заведомо античеловеческими режимами. Так, один из путей обретения независимости для своей Родины часть тюркской и в том числе азербайджанской эмиграции связывала и с начавшейся в 1941 году войной

1. Гусейнов Ч.Г. Этот живой феномен... - С.70.

2. Независимая газета. - 1991. - 23 апреля. - С.3.

между Германией и Советским Союзом. В данном случае, правда, правомочно объединить и всю кавказскую эмиграцию, делегаты которой подписали 14 июля 1934 г. т.н. "Брюссельский пакт", в основу которого лег план создания "Кавказской конференции". От Азербайджана он был подписан М.Э.Расул-заде и А.М.Топчибашевым, от Грузии - А.Чхенкели и Н.Жордания, от Северного Кавказа - И.Чулик, Г.Сунги и Т.Шахман, участие армении в пакте было декларировано как "возможное"¹.

Сепаратистская политика турецкой эмиграции основывалась на тех же пантюркистских принципах, в надеждах на создание Туркестанского государства. Примечательно, что и в этом, казалось бы, чисто политическом аспекте, лидеры турецкой эмиграции ссылаются на культурное обоснование: "Нам будут сочувствовать все те, кто любит Туркестан и туркизм, и объединяться все те, кто стремится собраться вокруг турецкой культуры (курсив мой - А.К.), которая будет создана в Туркестане вместо культуры разбросанных татар, киргиз и туркмен"².

Безусловно, что такие настроения взрастали на благогодатной почве германо-турецких отношений военного периода. "Турецкие правительственные круги все больше начинают заниматься судьбой своих соотечественников, находящихся по ту сторону турецко-русской границы, и особенно судьбой азербайджанских турок.

В этих кругах, по-видимому, склонны возвратиться к событиям 1918 г. и хотят присоединить к себе эту область, особенно ценнейшие бакинские месторождения нефти...

Что касается восточных турецких народов помимо Азербайджана, т.е. поволжских турок, татар, туркмен и т.д., то теперешние планы турецких правительственных кругов сводятся к объединению.

1. См.: Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. - Калинин: КГУ, 1979. - С.13.
2. Цит.по: Комин В.В. - С.14.

нению этих тюрок в собственное, внешне независимое восточно-тюркское государство, в котором западные турки будут, однако, играть решающую политическую и культурную роль "советников", - докладывал в августе 1941 г. посол Германии в Турции фон Паппен в отдельной записке о пантюранистском движении¹.

Однако лидер азербайджанской эмиграции М.Э.Расул-заде рассматривал свои полномочия на переговорах в Берлине, куда он прибыл в 1942 году по приглашению сотрудника МИД Германии фон Шуленберга, именно в аспекте создания независимого государства в случае победы Германии². В выдвинутом им меморандуме содержалось 12 пунктов, среди которых были освобождение всех военнопленных азербайджанцев, использование их только на гражданских работах, создание национальной азербайджанской армии, которую использовать в случае вступления германских войск в Азербайджан и др.

И в планах фашистских идеологов культурный фактор проходит как узловой для привлечения интересов эмигрантских кругов: "В области культуры надо исходить из следующего тезиса: "большевистский принцип национальной по форме и большевистской по содержанию культуры "должен быть заменен принципом "национальной и по форме, и по содержанию культуры"³.

Вместе с тем, будучи хорошо информированы о смыкающихся взглядах турецкого правительства и азербайджанской и туркестанской эмиграции пантюркистского характера Розенберг предупреждает: "Азербайджанцы, будучи магометанами, имеют естественную куль-

1. Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.) - ОГИЗ, Госполитиздат, 1946. - С.34-39.
2. Азербайджан. Орган Азербайджанского культурного общества в Турции. - Анкара, 1954. - январь-февраль. - С.5 (на турец.яз.).
3. Указания Уполномоченному имперского министра оккупированных Восточных областей при командовании армейской группировки "А" //Наринбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб.материалов в трех томах. - М., 1965-1966. - Т.1. - С.220.

турную склонность к туркам, на языке которых они разговаривают. В связи с тем, что туркам дороги на Запад были закрыты, в Турции, как бы ни оспаривали это мнение, существует сильное движение под знаком расширения на Восток. Принято подчеркивать, что туркизм следует рассматривать только с культурной стороны, но турецкие и пантуркские идеи существуют и в связи с общим преобразованием Востока могут приобрести политический характер. Поэтому политически важно, что между Азербайджаном и Турцией находится армянское плоскогорье. Армяне, будучи христианами, испокон веков являются врагами турков¹. Создавая фактор дестабильности и делая невозможным тем самым реализацию планов пантуркистов, Германия планировала осуществить на деле принцип "разделяй и властвуй".

Концентрируя внимание на столь подробном рассмотрении взаимоотношений между рейхом и национальной турецкой эмиграцией, мы преследуем цель выявления корней этого взаимного интереса. Окончательный разрыв контактов в 1943 году подтвердил несовместимость двух различных воззрений - имперских интересов и устремления к национальному суверенитету, их диаметрально противоположность во всех случаях, как бы и каким народом ни были представлены эти две стороны. Покидающий Берлин М.Э.Расул-заде на собрании соотечественников заявил буквально следующее: "Я вынужден покинуть Германию. До вчерашнего дня я надеялся на помощь немцев, связывая с ними надежды на наш суверенитет. Но напрасно! Мне, наконец, прояснилась их внутренняя сущность. Бессмысленно связывать надежды на свободу какого-либо народа под господством той страны, которая, захватив другие независимые государства, превратила их в своих подчиненных"².

1. Записка Розенберга "О преобразовании Кавказа"//Нюрнбергский процесс... - Т.2. - С.210.

2. Султанлы В. Мамед Эмин Расул-заде в эмиграции//Азербайджан.- 1990. - 21 декабря. - С.6.

Советская историография периода второй мировой войны¹, искаженно трактуя судьбы культурного зарубежья, огульно охватывая и всякие контакты эмиграции с фашистским режимом не доискивалась до истоков и сути этих взаимоотношений, уходила тем самым от рассмотрения их противоречий.

Рассматривая философские, общественно-политические и культурные течения в азербайджанском зарубежье, мы не можем пройти мимо еще одного важнейшего фактора, предопределявшего их формирование и развитие. Речь идет о безусловном влиянии на турецкие народы России и, в частности, на азербайджанцев русской культуры, более передовой и богатой для того времени по отношению к более малочисленным народам. Не уходя вглубь веков, отметим, что, начиная с 1828 года - момента заключения Тириманчайского договора, узаконившего присоединение Северного Азербайджана к России, - влияние это просматривается в аспектах и экономических, и политических, и культурных. При всей имперской направленности царизма (о чем мы говорили уже в связи с движением пан-туркизма), следует отметить определенный положительный прогрессивный заряд этого влияния.

На протяжении долгого времени ни в союзных республиках, ни в России не осуществлялись планы глубокого изучения общественно-политического состояния народов, проживавших на территориях, оказавшихся в центре боевых действий крупных государств (автор имеет ввиду тюркоязычные народы Средней Азии и народы Кавказа). Многочисленные исторические труды характеризуют в большинстве своем лишь частности или деятельность отдельных лиц.

Видно, это широкое поле научных изысканий привлечет историков

¹ Сюда относятся публикации: Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. - Калинин: КГУ, 1979; Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны. - Ереван, 1977; Шамсутдинов А.М. Турецкая республика. Краткий очерк истории. - М., 1962, и др.

в самое ближайшее время, Открывающиеся архивы создают возможность для более объективного рассмотрения взаимодействия народов и культур, в том числе русского и азербайджанского.

Вот что пишет в своей книге "Кавказ. Русское дело" и межплеменные вопросы" дореволюционный публицист и этнограф В.Я.Величко: "Идея государственности, и притом сильной, внушающей уважение к власти, традициям и порядку, несомненно, им (азербайджанцам) присуща, несмотря на их кажущуюся анархичность, объясняемую историей, географическим положением края и вытекающими отсюда бытовыми условиями. В основе азербайджанец является стихийным сторонником неограниченной власти, сильной и патриархально-справедливой (мы уже отмечали определенную политическую послушность нации - А.К.). Это почти та же психическая расовая черта, которая есть и в русском народе, преданном самодержавию не только умом и сердцем, но и, так сказать, нутром...¹

Примечательно, что исследователь считает, что "культурное развитие азербайджанцев так или иначе может повести их к усвоению исключительно русских, а не западно-европейских начал; подобно татарам всего Поволжья, подобно населению средне-азиатских ханств, азербайджанцы, в культурном смысле, естественно, тяготеют именно к русскому строю, являющемуся для них, так сказать, природной стадией развития"².

Это же подтверждает и западный востоковед А.Бенигсен, указывающий на невосприятие идеи процветания мусульманских народов на пути имитации Европейской культуры, ссылаясь на их надежды на равные, партнерские отношения турков с русскими, что было сложнее с более развитыми и могущественными англичанами и французами³.

1. Величко В.Я. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы. - Санкт-Петербург, 1904. - С.155.

2. Там же. - С.158.

3. Bennigsen A.A. Ismail bey Gasprinski..., -P.15.

Отметим, что, благодаря приобщению к передовой для этого времени русской культуре, а через нее к мировому культурному процессу, ускорилось формирование демократической, просветительской и революционной азербайджанской интеллигенции, о чем свидетельствует все творчество основоположника азербайджанской реалистической прозы М.Ф.Ахундова¹ и его последователей, к числу которых мы правомочны отнести и тех, кто со временем покинет Родину не по своей воле.

Вместе с тем, нельзя обходить негативные последствия колониальной политики, которая по отношению к национальным меньшинствам, исповедовавшим ислам, привела к большим сложностям в подготовке кадров национальной интеллигенции. Лишь в новейшее время развитием капитализма представители азербайджанского и других тюркоязычных народов получили возможность доступа к образованию в мировых научных центрах. Однако и тогда "мусульман с высшим и даже средним образованием было несколько десятков на всю страну ... да и та небольшая группа мусульманской интеллигенции, в руки которой попала власть (имеется ввиду АДР), была воспитана на русской культуре, училась в русских учебных заведениях и была по всем своим привычкам скорее русской, чем национально-азербайджанской"². Можно оспорить столь безапелляционное утверждение Л.Неманова, однако отрицать наличие базового петербургского или другого российского образования для многих представителей азербайджанской интеллигенции невозможно. Кстати, само понятие "пан-" берет начало от панславизма - движения, идеи которого имели широкое хождение в умах русских политических деятелей и творцов на рубеже XIX-XX веков, - зародив-

1. См. об этом: Гусейнов Ч.Г. Этот живой феномен... - С.49.
2. Неманов Л. Азербайджан и Россия//Современные записки (Париж). - 1921. - № 5. - С.270.

шеся в Турции движение "пантюркизм" носило название "тюркизм" или "туранизм" (от названия прародины турков "туран") и лишь с приобщением к нему выходцев из тюркских регионов России обрело приставку "пан-", имеющую русско-европейское происхождение.

Говоря о российском влиянии на мировоззрение будущей азербайджанской эмиграции как важном факторе развития национальной прогрессивной мысли, следует помнить, что многие представители общественного движения начала века сохраняли приверженность общероссийскому процессу. Именно это обстоятельство: вместе с Россией или без нее, развело представителей национально-освободительного движения, сотоварищей в прошлом по разную сторону баррикад. К числу таковых следует отнести Н.Нариманова, А.Г.Караева, С.Агамалиоглы, М.Азизбекова и многих других деятелей Азербайджанской компартии, с которыми начинали свою национал-революционную деятельность их товарищи по партии "Гуммет" М.Э.Расулзаде, А.Шейх-уль Исламов и другие будущие эмигранты¹.

Показательно, что среди русской эмиграции периода 1917-1930 гг., как среди политических деятелей, так и деятелей культуры никогда не возникало сомнения о неделимости своей Родины в том виде, как она была при Российской империи, вследствие чего движение сепаратистского (по их мнению) толка, такие как пантюркизм и панисламизм, равно как и наблюдавшиеся в эмиграции попытки создать независимое конфедерационное государство народов Кавказа, подверглось резкой критике².

Влияние русской культуры присутствует в том или ином аспекте (приемлемом или антагонистическом) во всем творчестве

1. См.: Swietochowski T. The Himmət party .Socialism and the national question in Russian Azerbaijan 1904-1920// Cahiers du monde russe et soviétique.- XIX(1-2), janv.-juin 1978, P.P.119-142.

2. Подробно об этих взглядах можно узнать из: Le bolshevisme et l'Islam .4-Opinions des chefs de l'emigration russe ,suivant les partis// Revue du monde musulman.-N LV, jan.-avr.-1923.

азербайджанской эмиграции, проявляясь во многих видах, начиная от образа мышления и кончая ссылками и опорой на конкретных деятелей русской культуры.

Таким образом, реализация национальной независимости зачастую лежала в основе противоречий культурологического и исторического обоснования трагедии судеб азербайджанского народа, раздираемого на протяжении всей истории между тремя крупными империями: Россией, Персией и Турцией. Теоретические споры о том, с кем из них стоит соединить свои силы для обретения свободы, являлись основным предметом полемики различных политических группировок, партий: мусават выступал за союз с Турецким государством, иттихад связывал надежды с Персией и исламским миром, а коммунисты-большевики ратовали за союз с Россией.

В зависимости от вышеозначенных течений политической ориентации мы можем понять и исследовать процессы, происходившие в философско-публицистическом, научном и художественном творчестве представителей азербайджанской культурной эмиграции.

Г л а в а П

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ, НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЕЯТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

§ I. Идеи национально-освободительного движения

Проблема философско-художественного осмысления национального феномена и его культуры является, безусловно, "красной нитью" всего творчества деятелей азербайджанской эмиграции.

Делая оговорку на различие творческих путей и судеб авторов-эмигрантов, нам представляется возможным при рассмотрении данной проблемы поставить различных политических, государственных деятелей, публицистов, ученых, писателей и поэтов в один ряд деятелей культуры, которые своим творчеством - будь то публицистика или художественная литература, культурологические, исторические, филологические или философские труды - осмысливали судьбу своей Родины и ее народа.

Лучшие представители азербайджанской культурной эмиграции, пропитанные идеей независимости и свободы Родины, при всей политизации своих выступлений, пытались определить и осмыслить место Азербайджана и его народа в истории человечества, использовали для этого самые разные художественные приемы.

"Каждая эпоха имеет свой ценностный центр в идеологическом кругозоре, к которому как бы сходятся все пути и устремления идеологического творчества. Именно этот ценностный центр становится основной темой или, точнее, основным комплексом тем литературной эпохи. А такие тематические доминанты, связаны... с определенным репертуаром жанров"¹. Этим комплексом тем о по-

1. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. - Ленинград: Прибой, 1928. - С.211.

кинутом отечестве и очерчено как содержание, так и жанровое многообразие творчества авторов азербайджанского зарубежья.

Следует отметить, что политические деятели, оказавшиеся в эмиграции, обращаясь к теме Родины и ее независимости, часто подходили к вопросам национально-освободительного движения через его культурные традиции. Это подтверждается, в первую очередь, их постоянной опорой на факты и явления азербайджанской литературы, частыми ссылками на эпические образы национальных сказаний - дастанов, поисками именно в них истоков развития общественной мысли, увязки его с общечеловеческими и гуманистическими идеалами, звучащими в трудах классиков. Причем ссылки и аналогии могут показаться в ряде случаев не совсем уместными или достаточно ясными для читателя, в особенности воспитанного на традициях европейской культуры, европейского образа мышления: каждого из рассматриваемых нами авторов отличал, как правило, склад ума, основанный в значительной мере на восточных традициях творчества.

В этом определенном непонимании литературных и публицистических достоинств этих произведений мы видим одну из причин их недостаточной известности и часто непопулярности высказанных в них воззрений в среде эмигрантов других народов бывшей Российской империи, привыкших рассматривать проблемы цивилизации "глазами европейцев"¹. (Кстати, этот подход характерен и для сегодняшней науки, когда исследователи пытаются "в большинстве своем механически перенести привычные (европейские) схемы на восточный материал, этим схемам далеко не всегда соответствующий".)²

Ярким примером такого неординарного культурологического

1. См.: Человечество и цивилизация на пороге нового тысячелетия // Коммунист. - 1989. - № 15. - С. 67-81.

2. Караев Я.Г. Типология или стереотипы // Вопросы литературы. - 1989. - № 8. - С. 69.

подхода к проблемам национально-освободительного движения в Азербайджане может служить все послеэмиграционное творчество выдающегося азербайджанского писателя и ученого Мамед Эмина Расул-заде. Из-под пера М.Э.Расул-заде, являвшегося к тому же председателем азербайджанского национального совета, лидером партии "Мусават" по горячим следам подавленного национально-освободительного движения, сразу же после отъезда из Баку выходит значительное философско-художественное произведение - эпос о судьбе Родины "Сиявуш нашего века".

Вскоре, в 1923 году увидел свет его исторический труд "Азербайджанская республика: прошлое, становление и нынешнее положение", а в 1930 - в Париже на русском языке выходит его политико-философская книга "О пантуранизме в связи с кавказской проблемой", и на французском - "Азербайджан и его независимость". В 1933 году в Берлине на немецком языке публикуются его "Некоторые заметки об Азербайджанской республике". После второй мировой войны в Турции издаются такие работы М.Э.Расул-заде, как "Азербайджанские культурные традиции" (1949), "Современная азербайджанская литература" (1950), "Современная история Азербайджана" (1951) и "Азербайджанский поэт Низами" (1951). Позже, в 1954 году М.Э.Расул-заде создает эссе, в котором делится воспоминаниями о прожитом через рассказы о Сталине, которого он знал лично, характеристикой личности тирана, его деспотического правления. Все это, как и у других деятелей культуры сочеталось с активной работой М.Э.Расул-заде в многочисленных журналах азербайджанской эмигрантской общины, основателем и редактором многих из которых был он сам.

Особое место в творчестве М.Э.Расул-заде следует уделить философско-художественному эпосу "Сиявуш нашего века", родившемуся во времена, когда автор вынужден был скрываться в одной

из горных деревень сразу же после установления Советской власти в Азербайджане. Под давлением тяжелых переживаний от падения независимости выстрадавшего им государства, в смятении чувств, ищущих выход, М.Э.Расул-заде, наткнувшись в одной из домашних библиотек на героическое сказание "Шахнаме" Фирдовси, через героев этого бессмертного произведения пытается проанализировать причины поражения независимой республики, осмыслить место Азербайджана в истории региона. И "сегодня, размышляя о путях развития культуры и общественной мысли Азербайджана, невозможно не задуматься о схожей с судьбой нашей родины судьбе Сиявуша, понапрасну пролившего свою кровь в конфликте между Ираном и Тураном"¹, - отмечалось на IX съезде писателей Азербайджана.

Актуальность написанного в 20-х годах нынешнего столетия произведения в наши дни объясняется в первую очередь схожестью политического момента², когда независимый Азербайджан вновь оказался на перепутье и ему приходится решать проблемы взаимодействия по крайней мере с тремя более сильными и развитыми соседями - Ираном, с которым его связывают многовековые политико-религиозные традиции, Турцией - с ее этно-языковой близостью азербайджанскому народу, и бывшим СССР, в контакте с республиками которого развивалась вся экономика и культура в последние 70 лет, и среди творческой интеллигенции, в научных кругах, да и в народе активно обсуждаются проблемы своего происхождения, своей истории и будущей судьбы.

В представлении М.Э.Расул-заде - как и легендарный Сиявуш, герой "Шахнаме" - сын перса и турчанки видит свою судьбу в стремлении помирить две враждующие стороны своих родителей, так и

1. Анар. Наша литература на переломе времен. Доклад на IX съезде Союза писателей Азербайджана//Адабият газети. - 1991. - 29 марта. - № 13. - С.4 (на азерб.яз.).
2. См.: Декларация Верховного Совета Азербайджанской республики "О восстановлении государственной независимости Азербайджанской республики" от 30 августа 1991//Бакинский рабочий.-1991.- 3 сентября.

Азербайджан – Сиявуш нашего века – не может порвать со своими корнями, уходящими вглубь истории. Как и Сиявуш, погибающий во имя и из-за этой цели, так и Азербайджан утрачивает свою независимость из-за раздирающих его надвое и даже натрое (Персия, Турция и Россия) противоречий собственной национальной идеи. М.Э.Расул-заде, всегда придерживавшийся позиции о том, что "основными составляющими нации являются язык, вера, традиции и литература"¹, видит счастье своего народа в великой объединительной роли республики на путях контактов Европы и Азии, Персии и Турана, ясно выражает мысль о том, что трагичность народной судьбы таится в имперских интересах его соседей.

"Трудно определить жанр "Сиявуша нашего века". Его можно было бы назвать историко-философским произведением, если бы не образность языка, высокая художественность стиля, нагромождения символикой, метафорами и сравнениями", – отмечает Р.Исмаилов². Мы рассматриваем это произведение как философско-художественный эпос. Причины тому, на наш взгляд, лежат, во-первых, в глубине размышлений об общественном устройстве, судьбе народа, а, во-вторых, в высоком художественном стиле произведения, захватывающем читателя образном языке автора. Что касается эпичности, то она проявляется в используемом художественном приеме, который принято называть сопряжением времен – сочетанием различных временных пластов в архитектонике одного произведения. По мнению И.Скачкова, "анахронность, философичность, пристальный социально-психологический анализ, масштабный охват событий во времени и пространстве, углубление историзма, новые способы типизации – все это признаки, придающие эпическое звучание романам"³. Все

1. Адабиет ва индженет. – 1990. – 19 октября. – № 41. – С.6. (на азерб.яз.)
2. Исмаилов Р. От переводчика//Хазар. – 1990. – № 1. – С.38.
3. Скачков И.В. Герой и история. Современный писатель о революции. Монография. – М.: Советский писатель, 1988. – С.334.

эти характеристики свойственны и публицистическому (по цели) произведению М.Э.Расул-заде. Сам автор в предисловии к первому изданию книги отмечал, что "Сиявуш нашего века" - это горестный плач о трагических событиях двух турецких историй. (имеются ввиду: одна - легендарная о Сиявуше, вторая - реальная история Азербайджана - А.К.). В одной из них автор сам принимал участие, конечно, в работе не могли не сказаться его чувства и эмоции. Она была написана случайно, в известных условиях, не преследуя определенную цель, и несмотря на эмоциональное состояние автора во время работы над книгой, нельзя сомневаться в ее искренности¹. Не сомневаясь в искренности М.Э.Расул-заде, мы согласимся с мыслью о том, что "подлинный историзм в оценке поступков, значимости любого деятеля прошлого достигается при условии соотношения их с потребностями страны, со стремлениями и психологией народов того времени"², и вновь отметим, что "Сиявушу нашего века" свойственны все черты философско-художественного эпоса, несущего в себе большой заряд публицистического характера, тем более, что с начала XX века, революционно-демократические идеи в Азербайджане во многом определяли специфику национальной культуры, проникая не только в социально-философскую мысль, но и в художественную литературу, искусство и публицистику³.

Эпос, посвященный судьбе Сиявуша-Азербайджана, построен в соответствии с логическими аналогиями автора. "Великий представитель персидской романтической поэзии Фирдоуси Туси гордо и смело утверждал, что благодаря "Шахнаме" его имя останется в

1. Расул-заде М.Э. Сиявуш нашего века. Предисловие//Хазар.Баку.- 1990. - № I. - С.40.

2. Щербина В.Р. Литературоведение и принципы историзма. В кн.: Методология современного литературоведения. Проблемы историзма. - М.: Наука, 1978. - С.13.

3. См.: Велиев М. Алибек Гусейн-заде//Хазар-Баку. - 1990. - № 2.

истории во веки веков", - пишет М.Э.Расул-заде, в образе одного из героев которой - Сиявуше он находит прообраз Азербайджанской Республики. В порядке очередности названий глав рассматриваемого нами произведения можно проследить весь ход размышлений автора в момент создания книги: Краткая история Сиявуша - Некоторые моменты в образе Сиявуша - От сказа к были - Азербайджан в Туране - Азербайджанская республика - Трагическая судьба республики - Кто убийца? - Безвинная кровь будет отмыта.

В тексте следует отметить тесное переплетение образов прошлого с современным автору состоянием общественно-политической мысли, постоянную взаимосвязь мотивов национальной независимости с их культурологическим обоснованием, аналитическое отношение к собственным национальным формам в контексте общемировой культуры, о чем свидетельствуют часто спонтанные ссылки не только на восточную, но и мировую культуру человечества. Для нашего исследования представляют несомненный интерес элементы культурологического характера, проявляемые автором в глубоком знании истории, литературы, искусства и традиций своего народа, обосновании этими факторами всей закономерности проявляемых национально-освободительных мотивов.

"Мироздание с момента своего возникновения было ареной борьбы двух враждующих сил, двух противоборствующих полюсов. История человечества на самом деле есть история этого противоборства.

В природе каждое явление по сути имеет двойственное начало. Не составляет исключения и сама история"¹. Противоречия исторической судьбы Азербайджана, его тесной связи с историей ближайших соседей пронизывают все содержание "Сиявуша...". Борьбой

1. Расул-заде М.Э. Сиявуш нашего века. - С.43.

двух начал объясняет М.Э.Расул-заде все законы исторического развития. В главе "Некоторые моменты в образе Сиявуша" он отмечает, что "в этом круговороте жизни есть два течения, гармонией которых регулируется миропорядок. Порядок мироздания нарушается с нарушением этой гармонии. Первое течение движет все к центру, второе подобно центробежной силе движет от центра... Первая сила, собирая все вокруг центра, подчиняет человека обществу; она называется то тиранией, централизмом, а то - коллективизмом. Другая сила заключается в свободе личности. Она ставит личность превыше всего, вызволяет ее из-под кабалы общества. Эта сила называется самоуправлением, независимостью или автономией". В борьбе двух противоречий, в невозможности преобладания одного над другим без нарушения общего порядка автор видит базу государственного устройства своей республики. "Только их сочетание, нечто среднее между ними, а именно: федерация, союз. Только в такой гармонии могут сосуществовать общество и индивид, правительство и нация", - считает Расул-заде¹. Вся эта глава пронизана большим философским смыслом, отражающим глубину и непоколебимость в высказываемых соображениях.

Рассматривая вопросы истории народов, населявших Азербайджан, проблемы национальности в современном ему понимании, этногенез народа в главе "От сказа к были", автор отмечает, что "та функция, которую выполняло кровное родство во времена Сиявуша, ныне принадлежит культуре и идеологии. Народ, имеющий единый язык, религию, историю, психологию, обычаи и традиции, создает свою национальную культуру. Общую культуру могут иметь также народы, у которых одна и та же религия, сходные языки, общие исторические судьбы, близкое географическое расположение"². Как видно из приведенного отрывка, М.Э.Расул-заде считал возможным

1. Расул-заде М.Э. Сиявуш нашего века... - С.45.

2. Там же.- С.47.

наличие общей культуры у целой группы народов, объединенных по различным признакам. Таким образом, свидетельство пантюркистской идеи проявляется и в философско-художественном его творчестве. При рассмотрении исламской культуры автор умышленно выводит исторически временной ракурс, что свидетельствует о его приверженности больше идее общности турков, чем всего исламского мира: "Распространение ислама в арабском, персидском, турецком мире привело к тому, что в средние века эти народы создали культуры, характеризующиеся общими чертами"¹. И тут же приводит аналогию с другой религией, что четко расставляет акценты в его восприятии панисламизма: "Точно так же и христианство способствовало созданию того, что мы называем европейской культурой. И исламская культура является первоосновой общности разных этнических культур"². Действительно, при упоминании о европейской культуре ни у кого не возникает картины какой-то аморфной и единообразной цивилизации, а представляется разноликая и богатая различными традициями и школами субстанция. Одновременно мотивы творчества в большинстве стран Европы нашего тысячелетия легко и с предельной ясностью воспринимаются большинством реципиентов, воспитанных на канонах христианской церкви, пусть и разных ее направлений. Так же в представлении М.Э.Расулзаде в разнообразной и многослойной культуре различных народов, исповедующих ислам, имеются "общие черты", понятные всем тем, кто знаком с кораническими основами мусульманской веры. О целостной же и единой культуре ислама автор не упоминает, в чем мы с ним солидарны.

Именно через образы культуры проводит М.Э.Расулзаде аналогию: этногенеза азербайджанского народа с происхождением Сиявуша

1. Расулзаде М.Э. Сиявуш нашего века... - С.47.

2. Там же.

от перса и турчанки. Как отмечал Л.Н.Гумилев: "...на процесс создания этноса или суперэтноса влияют пространство и время, причем не в мистическом смысле, а вполне реальном. Пространство - это окружение: ландшафтное и этническое. Ландшафтное окружение влияет на формы хозяйства, уклад данного этноса, определяет его возможности, перспективы. Этническое окружение, связи с соседями, дружеские или враждебные, весьма и весьма влияют на характер создаваемой культуры"¹.

Территориальное и этническое окружение Азербайджана во многом определили судьбу азербайджанской культуры: "Вопрос о происхождении народа, населяющего территорию Азербайджана, всегда был спорным. Некоторые, ссылаясь на его язык, устную литературу, ашугскую поэзию, дастаны, чабанские песни, обычаи и традиции, утверждали, что это турецкий народ. Другие же, основываясь на их письменности, говорили о персидском их происхождении"². Азербайджанская культура, по мнению М.Э.Расул-заде, подобно Сиявушу, сформировалась из двух неразрывных начал, что подтверждается им примерами из истории азербайджанской литературы, искусства и науки. На фарси создавали свои произведения Низами и Хагани, на турецком Физули, Насими и Хатаи, на обоих языках творил Абаскули Ага Бакиханов, народные сказания, музыка и живопись пронизаны тематикой, характерной и Персии и Турану.

Основываясь на происхождении своего народа, развитии его культуры, но придерживаясь ранее упоминавшегося нами принципа нации как единства по языку, вере, традиции и литературе, а не только по вероисповеданию, политический лидер партии "Мусават" М.Э.Расул-заде последовательно отстаивает туркистскую идею о единстве турков. При этом, однако, "Новый Туран" представляется

1. Гумилев Л.Н. Этносы и антиэтносы//Звезда. - 1990. - № 3. - С.94.

2. Расул-заде М.Э. Сиявуш нашего века... - С.48.

автору как федерация самостоятельных (подчеркнуто мной - А.К.) турецких народов с общностью языка и культуры", что подтверждает наш тезис, выдвинутый в главе I о двойкости движения пантюркизма в представлении его российских сторонников¹. Возможности для самостоятельного развития Азербайджана объясняются в эпосе и революцией в России, указавшей, подобно героине турецкой легенды - волчице Бертечине, путь к спасению. Приобретение независимости Азербайджана в 1918 году стало тем единственным путем, по которому следовало идти народу, множество примеров талантливости которого приводит М.Э.Расул-заде: "Так, первым турецким драматургом был азербайджанец, азербайджанец был также первый турецкий композитор, среди турков России впервые азербайджанец выпустил газету..."², и другие достижения, связанные как с духовной сферой, так и экономической. Глубоко оплакивая падение независимости Азербайджана, резко критикуя позицию мусульманских большевиков и других членов парламента, способствовавших утрате Азербайджаном своей независимости, втянутого в орбиту новых имперских амбиций центра, бывший лидер республики не теряет веры в то, что молодежь вновь поднимет "трехцветное знамя, ставшее темой жалобных песен азербайджанских турков", свидетелем чего стали мы сегодня, через семь десятков с лишним лет.

Интересно отметить, что в этом произведении обнаруживаются следы русского культурного влияния, выраженного не только в глубоком анализе царской и большевистской политических доктрин, но и ассоциативными ссылками автора на русские персонажи - как, например, цитирование басни "О детях, нашедших орех" Крылова при описании происхождения матери Сиявуша.

В отличие от многих политиков, М.Э.Расул-заде не бросается

1. См.: Глава I, § I настоящего исследования.
2. Расул-заде М.Э. Сиявуш нашего века... - С.53.

в крайность, дает объективную оценку историческому пути, пройденному Азербайджаном под протекторатом России: "У русских есть известная поговорка: "Нет худа без добра". Русская оккупация имела и положительные моменты для Азербайджана, одним из которых явилось то, что азербайджанцы осознали себя как социальное явление, общество, имеющее свои культурные традиции... Приобщаясь через русских к европейской науке и технике, Азербайджан постепенно освобождался от пут восточного догматизма и мистицизма, вступал на новый путь развития, процветал и прогрессировал".

Одновременно с глубоким знанием традиций и культуры своего собственного и близких ему народов, находящим свое отражение даже в языковой структуре, где слова, названия, термины и имена на фарси словно соперничают с их синонимами турецкого происхождения, М.Э.Расул-заде не замыкается в своих ассоциациях образами лишь восточной культуры. Помимо вышеупомянутых нами русскоязычных ссылок, автор демонстрирует прекрасное знание и европейской и индийской философии, истории, науки и культуры. Галерея образов, которыми оперирует автор, включает в себя героев и зарастрийской религии Ахура Мазда - добро и Агро-манью - зло, и их европейских прообразов Фауста и Мефистофеля великого Гёте, и образы шекспировского Яго, реально легендарного Александра Македонского, о котором доньше ходят мифы среди завоеванных им народов. В подтверждение своих размышлений, связанных сугубо с азербайджанской проблематикой, Расул-заде ссылается и на австрийского политолога Спрингера, и на "Синюю птицу" бельгийского поэта Метерлинка, и на стойкость перед инквизицией итальянского физика Галилея, и на чувство долга греческого мудреца Сократа. Все эти образы и имена, соседствующие на страницах "Сиявуша нашего века" с героями китайской, монголо-татарской, арабской

истории и исламскими кораническими примерами, убедительно демонстрируют всю глубину философских воззрений автора, его духовную свободу и содержательность. Несмотря на публицистичность этого произведения мы вправе еще раз подчеркнуть его философско-художественную насыщенность и расценивать как крупное явление в азербайджанской культуре. Как отмечал русский мыслитель Н. Бердяев: "Автономность искусства утверждена навеки. Художественное творчество не должно быть подчинено внешним для него нормам, моральным, общественным или религиозным. Но автономия искусства совсем не означает того, что художественное творчество может или должно быть оторванным от духовной жизни и от духовного развития человека, свобода не есть пустота. Свободное искусство вырастает из духовной глубины человека, как свободный плод. И глубоко и ценно то лишь искусство, в котором чувствуется эта глубина. Искусство свободно раскрывает всякую глубину и объемлет собой всю полноту бытия"¹.

Духовной глубиной и полнотой бытия, свободой мысли автора и отличается главным образом "Сиявш нашого века" М.Э.Расул-заде.

"Как и в этом произведении, так и в другом труде, несущем в большей степени политический заряд. Азербайджанская республика - прошлое, становление и нынешнее положение"², описываемые политические формы национально-освободительного движения, покоятся на глубоком фундаменте культурного наследия. В книге описывается общественно-политическая обстановка 1918-1920 годов в независимом Азербайджане, пути судеб народа до создания АДР и после нее, перспективы ее будущего развития. В 1923 году первая публикация данной книги вызвала огромный интерес в Турции, сни-

1. Бердяев Н.А. Кризис искусства (Ротапринтное издание). - М.: СП Интерпринт, 1990. - С.19.
2. Расул-заде М.Э. Азербайджанская республика. - Баку: Эльм, 1990. - 116с. (на азерб.яз.).

скада на книжной ярмарке в Измире премию Мустафы Кемалья Ататюрка. Как и "Сиявуш нашего века", она пронизана идеями единства турецких народов, щемящей тоски по независимому Азербайджану в семье турков-единоверцев, однако данное произведение отличает меньшая эмоциональность, более взвешенный историко-политический анализ, что позволяет охарактеризовать ее как публицистическую несущую в себе и определенные идеологически-пропагандистские цели.

Однако и здесь автор при рассмотрении вопроса о происхождении народа, его истории и духовного богатства не уходит от культурологического анализа, которому целиком посвящена вторая глава книги. Рассуждая об азербайджанской литературе, М.Э.Расулзаде прослеживает становление ее в обличье фарсидской поэзии Низами, Хагани, Мехсети. Отсутствием внимания к турецким народам, их языку, стремительная персиализация культуры привела, по мнению публициста, к национальному осознанию и неповиновению, прямо к восстанию народных масс, герои которого и сегодня живут в образах дастанов "Керогду", "Асли и Керем", "Ашик Кериб". Народ нуждался в своих собственных Фирдоуси, Хафизе и Сади, и он появился - Физули и поныне самый любимый поэт не только в Азербайджане, но и среди всех турецких народов. С жизненным путем Физули сравнивает М.Э.Расулзаде историю всей азербайджанской литературы: как и Физули, творивший вначале на фарси, литература народа сформировалась на языке могущественного соседа; как и Физули, она, проникшись идеей национального духа, стала появляться на азербайджанском, турецком языке у Вагифа, Сеид Азима, Набати и др.; как и Физули, приобщившийся с переездом в Багдад к образцам западной культуры, появившимися с приходом сюда Османской империей, азербайджанская литература конца XIX-начала XX века прониклась идеями европейской общественной мысли - к выразителям их автор относит Мухаммеда Хади, Сабира Гусейн

Джавида, Ахмед Джавада, Саххата и Музниба.

Интересны рассуждения автора "Азербайджанской республики" о сложном взаимодействии азербайджанской культуры иранской и русской культуры. В конце века начался процесс создания в Азербайджане "школ", несвойственных для бытовавшей системы образования при мечетях. Таким образом, в общем потоке культурного процесса стали сосуществовать укоренившиеся уже в сознании азербайджанцев романтизм Фирдовси, глубокая духовность Сади, красота газелей Хафиза, преподававшиеся мусульманскими учителями - "мирза", и возвышенный стиль Лермонтова, с "текущим как река слогом" Пушкина, преподаваемые в русских школах. Такое сотрудничество - соперничество продолжалось долго, но в силу политических причин все более насаждающийся европейский образовательный характер постепенно привел к выводу о том, что и Сади и Толстой нужны и полезны культуре азербайджанцев, но, наряду с этим, хотя бы в малой степени необходимо изучение собственных авторов и соответственно в образовательный процесс влились и Сабир, Джавид, Джавад и др. После чего и началось признание русской системы образования, считает М.Э.Расул-заде.

Описывая становление культуры азербайджанского народа, впитавшего в себя культурные традиции Востока и проникшегося идеями передовой европейской мысли, автор рассматриваемой нами книги характеризует новый этап ее, апеллируя к именам Мирзы Фатали Ахундова, Наджаф-бека Везирова, А.Ахвердиева, С.М.Ганизаде, Наримана Нариманова, Джалила Мамед-Кули-заде, отмечает роль первой турецкой прессы, первого турецкого театра и музыкальной культуры. Базируясь на высоком уровне развития духовной жизни азербайджанцев, М.Э.Расул-заде строит свою концепцию национальной независимости и возможности ее осуществления в условиях свободного развития народа.

Критикуя в дальнейшем положение в культурной области в Советском Азербайджане, автор верно подчеркивает диктат, стремление к принижению национального, созданию не учитывающего национальных особенностей, унифицированного общепролетарского стиля в различных областях творчества.

Уже позже, в 1952 году, М.Э.Расул-заде выступал на страницах упоминавшегося нами журнала "Азербайджан" с критикой формулы "национального по форме, социалистического по содержанию" искусства и литературы¹, усматривая ее схематизм и упрощенность.

Как отмечалось, в структуре и стиле книги "отсутствуют ассоциативные аналогии с образцами мировой культуры, возвышенность и художественность, однако языковое и стилистическое существо всего произведения выдержано в достаточно эмоциональном для публицистики слоге, с использованием таких приемов, как эмпфаза, выделение акцентов, свойственный восточной культуре орнаментализм в определениях и метафорах. Характерный для творчества М.Э.Расул-заде неординарный стиль свидетельствует, в первую очередь, о незаурядном ораторском искусстве бывшего политического лидера, проявляющемся и в его специализации - журналистике. В его творчестве мы находим сочетание возвышенного романтизма, философской лирики и научного анализа и острой, бичующей критики и иронии с пламенной, призывной публицистикой, гражданственностью политического деятеля. А.Ф.Миллер, характеризуя слог Ататюрка, творившего в те же годы, что и М.Э.Расул-заде, отмечал, что "по своей образности, обилию арабских и персидских слов и выражений, конструкции фраз, полисемантике терминов язык Ататюрка не уступал классическим образцам старинной риторики, а иногда и превосходил их. Для нынешнего поколения турков он

¹ См.: Расул-заде М.Э. Русификация и формы, и содержания//Адабиет во индженет. - 1990. - 19 октября. - С.6 (на азерб.яз.)

во многих случаях совсем непонятен"¹. Данная характеристика может быть отнесена к языку М.Э.Расул-заде, для восприятия которого сегодняшними читателями при подготовке публикаций прилагается толковый словарь слов, использованных автором в своем литературно-публицистическом творчестве.

Правомерность нашего утверждения о культурологическом подходе к идее национальной независимости подтверждается и сферой будущих интересов эмигрировавшего политического деятеля - наглядно проявившихся в последнее десятилетие жизни М.Э.Расул-заде, подвергнутого в своем труде "Современная азербайджанская литература" детальному анализу состояние литературы в Советском Азербайджане. Опубликование в 1991 г.² этого произведения на азербайджанском языке впервые дало возможность взглянуть с новой точки зрения на азербайджанскую советскую литературу, оценить ее с позиций острого противостояния официально признаваемой поэзии, высветить среди литераторов тех, кто не поступился духом национальной самобытности, идеями тюркского братства.

Историко-культурологический подход к идеям национально-освободительного движения обнаруживается и в объемной монографии М.Э.Расул-заде "Азербайджанский поэт Низами", выпущенной в 1951 году в Стамбуле. Новый ракурс рассмотрения творчества великого Низами привлек к себе пристальное внимание советских и зарубежных ученых-низамиведов.

Остро переживал утрату национальной независимости Азербайджана и другой видный представитель азербайджанской эмиграции Джейхун Гаджибейли, пытавшийся в своих публицистических выступлениях осмыслить феномен своего народа, его культуру в контексте

1. Миллер А.Ф. Предисловие к книге: Ататюрк, Камал Мустафа. Избранные речи и выступления. - М.: Прогресс, 1966. - 438с.
2. Расул-заде М.Э. Сиявух нашего века. Современная азербайджанская литература. Современная азербайджанская история. - Баку: Гендзялик, 1991. - III с. (на азерб.яз.).

происходивших в СССР межнациональных процессов. Его перу принадлежит труд "Антиисламская пропаганда и ее методы в Азербайджане"¹, опубликованный в 1959 году в Мюнхене, множество острых критических выступлений на страницах эмигрантской печати. Дж.Гаджибейли остро реагировал на вопросы, связанные с национальной политикой, попытками подменить чувство национальной гордости на единую псевдопсихологию советского народа. Так, заметив появление с начала 1930 годов в советской прессе новых слов, которые раньше входили в большевистский арсенал для высмеивания западной идеологии - патриотизм, любовь к Родине, преданность отечеству и т.д., глубоко тоскующий по родным местам Гаджибейли публикует в журнале "Кавказ", издававшемся в Париже, заметку "О любви к Родине". "Знаем, однако, что большевики, заговорившие о любви к Родине, - пишет автор, - не могут не знать о том, что они держат ... помимо русского, многомиллионные народы, которые тоже "любят свой язык", "землю, где они родились", "небеса, под которыми они растут и развиваются", а главное - "ее гордые горные хребты"! и завершает: "Никакой пустословный "совпатриотизм" не сумеет подменить этой естественной любви, вкладываемой природой в душу человека"².

Еще в 1935 году он предупреждал, что "судьба народов не предопределяется лишь сегодняшним днем" и что центру "стоило бы задуматься..., дабы не оцутиться перед таким положением, когда разрешение национального вопроса на территории их беспризорного "Союза" может произойти при менее благоприятных для них обстоятельствах"³. Отбросив известную долю уничижительной оценки

1. Gadzhibeyli (Khadzhibeyli) Djeyhun Антиисламская пропаганда и ее методы в Азербайджане. Мюнхен, 1959. - pp. 37. Данный труд находится вне досягаемости исследователя - сведения о нем из: "The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975".
2. Гаджибейли Дж. О любви к Родине//Кавказ. Орган независимой национальной мысли. (Париж). - 1934. - № 6. - С.7.
3. Дагестани Д. (Гаджибейли Дж.) Пробуждение Азии и национальный вопрос в России//Кавказ (Париж). - 1935. - № II/23. - С.8.

("беспризорный "союз"), отметим дальновидность предвидения и верность пути, на котором можно было его избежать: "им (большевикам) стоит лишь уважать торжественно провозглашенные ими же самими принципы самоопределения народов"¹.

Большую идеологическую направленность, нежели у других деятелей эмиграции, несли в себе публицистические выступления Мирза Бала Мамед-заде². В прошлом поэт и драматург, находясь в эмиграции, он сосредоточил свое внимание на национальных и политических аспектах истории Азербайджана и Кавказа. "Азербайджанский национальный пакт: анализ заявления о независимости от 28 мая" (1927), написанный после окончания юридического факультета Стамбульского университета труд "Национальное движение в Азербайджане": История Азербайджанской национальной партии "Мусават" (1938) - яркие свидетельства круга интересов автора, в будущем редактора журнала на азербайджанском языке "Дерги". Большой интерес представляют также его статьи об истории азербайджанского народа в "Турецкой энциклопедии" и "Исламской энциклопедии", изданных в Стамбуле, а также серьезное исследование "Туркская Албания в истории Азербайджана" (1951)³.

Знаток этнографии и истории родного края, М.Б.Мамед-заде проводил значительную изыскательскую работу, организовывал группы и кружки, изучавшие Азербайджан, активно способствовал публикации на страницах редактируемого им журнала статей об истории культуры, выдающихся деятелей азербайджанской литературы и

1. Дагестани Д. (Гаджибейли Дж.). Пробуждение Азии и национальный вопрос в России//Кавказб(Париж). - 1935. - № II/23. - С.8.
2. Мамед-заде, Мирза Бала (1898-1959), родился в окрестностях г.Баку, окончил русско-татарскую школу в 1914 г. С ранних лет сотрудничает в печати - первая публикация - 1912 г., активный участник национального движения, после установления независимости АДР - редактор журнала, в 1919 - премьера спектакля "Борьба за Баку" по его пьесе. В 1920-23 гг. - учитель в школе, с 1923 г. - в эмиграции.
3. См.: Азербайджан. - 1989. - № 10. - С.118-130 (на азерб.яз.).

искусства - таких, как Физули, Узеир Гаджибеков, Дж.Джаббарлы и др. Статьи Мирза Бала отличались политической объективностью, принципиальным взглядом на происходившие у него на Родине общественные и художественные явления.

Ученик и сподвижник М.Э.Расул-заде, Мирза Бала Мамед-заде всю свою жизнь остался верен идеям, впитанным от своего учителя. Он был один из тех, кто всячески поддерживал и пропагандировал его помыслы, занимался научными разработками произведений, опубликованных лидером эмиграции. Все это не могло не сказаться и на его воззрениях на панисламистскую и пантюркистскую философию. Отправной точкой его рассуждений по этим вопросам всегда выступала история, этническое происхождение народа (по его мнению, религия является лишь одной из составляющих культурной общности) и, соответственно, большая приверженность проявлялась М.Б.Мамед-заде идеям духовного единства турецких народов!¹

Идеология партии "Мусават", которой до конца жизни остался верен Мирза Бала, способствовала поддержанию в нем состояния острого противоборства с идеями классовой борьбы, принимавшей характер вражды всех со всеми, в каких бы областях они ни проявлялись. Как следствие этого мы видим в произведениях М.Б.Мамед-заде определенную долю предвзятости и отрицания всякого положительного момента в установлении советской власти в Азербайджане, навязчивость в пропаганде национальной самобытности и подчеркивании роли "Мусавата" в возрождении национального самосознания народа. Политические и творческие взгляды М.Б.Мамед-заде подвергались острой критике советских азербайджанских ученых в 1960-70-ые годы, да и сегодня публикация произведений М.Б.Ма-

1. См.: Гареджа Ахмет. Мирза Бала Мамед-заде, его роль в борьбе за национальную независимость и свободу Азербайджана. Предисловие к книге Мамед-заде М.Б. Азербайджанское национальное движение. - Анкара, 1991. - 239с. (на турецк.яз.).

мед-заде еще не начата в республике в достаточно широком объеме (опубликованы лишь исторический труд о турецкой Албании и рассказ "Осталась Родина"¹, что не позволяет азербайджанским политологам, историкам и философам составить ясную картину о мировоззренческих аспектах его творчества.

Как видно из приведенного анализа ряда философских и публицистических трудов азербайджанских эмигрантов, вопросы истории, философии, литературы и искусства, национального самосознания народа находились в центре всей творческой и политической сторон их деятельности за рубежом. Все эти проблемы, вписываясь в определенной мере в полифункциональное понятие "культура"², позволяют нам утверждать, что и в политической борьбе за независимость своей родины от имперской опеки трех могущественных соседей деятели национальной культурной эмиграции: а) отталкивались в вопросах национально-освободительной борьбы от традиционно-духовных сторон жизни азербайджанского народа; б) в большей степени склонялись к идее культурного объединения турецких народов как наиболее близкой по "языку, религии, традициям и литературе" этнической группы; в) при этом достаточно трезво оценивали роль России и Персии в формировании азербайджанской самобытности на чем и базировались их стремление к национальному суверенитету в рамках Союза, Федерации турецких равноправных государств.

1. Мамед-заде М.Б. (Мирза Бала). Осталась Родина//Адабият газети. - 1991. - 18 октября. - № 42. - С.2 (на азерб.яз.).
2. Моля А. Социодинамика культуры. - М.: Прогресс, 1973. - 406с.

§ 2. Концепция целостного развития национальной культуры

Находясь в вынужденной оторванности от родной земли, ее питающей творческой силы, деятели азербайджанской эмиграции стремились всеми средствами сохранить узы, связывающие их с национальной культурой, историей, традициями. Формы такой связи могли составлять широкий спектр - от бытовых разговоров о ностальгических чувствах до высоких образцов поэтической лирики, их выражающих, от участия в бурных дебатах на собраниях эмигрантов и публицистических воззваний на страницах эмигрантской печати до конкретных политически-организационных мер, предпринимаемых для свержения невоспринимаемого ими режима или просто для возвращения на Родину. Часть азербайджанской культурной эмиграции, более склонная к углубленному созерцанию реальности, находила формы этой связи в постоянных научных поисках и раздумьях о различных сторонах жизнедеятельности азербайджанского народа. Она видела свою задачу в повсеместной популяризации знаний о своей земле и его народе.

В числе этой прослойки азербайджанской эмиграции в период 1920-1930 годов значительны заслуги таких деятелей культуры, как Джейхун Гаджибейли, Ахмед Джафароглу, Юсиф Везир Чменземинли и некоторых других.

Следует определить, что данная форма сохранения связей с национальными корнями была в первую очередь обусловлена глубокой верой в национальное возрождение Азербайджана, осознанием необходимости сохранения культурных ценностей народа для будущих поколений. Как отмечалось в предыдущем параграфе, в силу особенностей исторического пути Азербайджан никогда не воспринимался в мировом общественном мнении в качестве само-

стоятельного субъекта: история Азербайджана рассматривалась в контексте или персидской истории или русской. "Культурные связи азербайджанского народа ... развивались как бы в трех направлениях: с народами сходноязычными; арабо- и персоязычными на базе общности культурно-религиозной; с народами иной лингво-религиозной культуры", - пишет Ч.Гусейнов¹. Сегодня, по его мнению, такое положение наблюдается в литературе Южного Азербайджана, являющегося иранской провинцией, где проводится политика ассимиляции азербайджанского населения, вынуждающего писателей и поэтов к необходимости творить на фарси, в связи с чем широкие слои читателей в мире относят их к иранской литературе, что не совсем точно.

Солидаризуясь с Я.Караевым, отметим, следом за ним, что "богатая и многообразная азербайджанская культура XIX века была втиснута в концепцию социально-художественного прогресса внутри Российской империи. Это было коренным заблуждением"².

На отсутствие восприятия азербайджанской культуры в качестве самостоятельной указывают и материалы стенографического отчета Первого Всесоюзного съезда писателей. На его вечернем заседании 20 августа 1934 года слово для доклада о литературе Азербайджанской ССР предоставлено М.Алекберли: "Значительная часть нашего доклада о тюркской литературе будет посвящена ее классикам, - начинает он. - Это делается нами, во-первых, по той причине, что изучение и критическое использование классического наследия стоит и перед азербайджанской советской литературой..., и для того, чтобы ознакомить, хотя бы в общих чертах, делегатов нашего съезда с классической тюркской литературой, которая по известным историческим причинам долго оставалась

1. Гусейнов Ч.Г. Этот живой феномен... - С.45.

2. Караев Я.Г. Типология или стереотипы//Вопросы литературы. - 1989. - № 8. - С.69.

вне поля зрения цивилизованных стран"¹ (подчеркнуто мной - А.К.).

Необходимость изменения такого подхода к литературам народов бывшей Российской империи подчеркивал на съезде А.М.Горький: "...ясно, что мы не имеем права игнорировать литературное творчество нацменьшинств только потому, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством. Если у нас в прошлом - гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи, зодчества"².

Все это отчетливо сознавали и деятели азербайджанской культурной эмиграции, одной из главных целей научных разработок которых можно считать попытку национального самовыражения, всяческой популяризации истории азербайджанского народа, его традиций и культурных ценностей; попытку заявить во всеуслышание о себе как о самобытной и сформировавшейся нации - составной части мирового сообщества и его культуры - как самостоятельного элемента мирового культурно-исторического процесса.

Безусловно, что глубинным подсознательным стимулом к такого рода творчеству эмиграции служило и желание самопостижения, осознания самих себя во всемирно-историческом контексте, стремление к самосохранению собственного национального "Я" в условиях всепоглощающей, ассимилирующей среды зарубежья - будь то близкая по духу, языку и традициям Турция, что только убистряло этот процесс, или чуждая Франция или Германия, где европоцентристское и христианское мироощущение было не готово к восприятию, а тем более сохранению и развитию восточной культуры, носителями которой выступала в числе других и азербайджанская эмиграция.

1. См.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. - М., 1934. - С.113.
2. Там же. - С.15.

грация.

Очевидно, желание полно и всесторонне заявить о себе и своей культуре побудило деятелей зарубежья к ориентации на широкоохватные работы, которые не всегда поддаются квалификации по принятой в науке узкопрофессиональной специализации, т.е. философской, эстетической, филологической, лингвистической, исторической, музыка-, искусство- или литературоведческой и т.д. специальностям. Труды азербайджанских эмигрантов носили более синтетический характер, позволяющий нам отнести их в общих чертах к культурологии, вмещающей, на наш взгляд, самые различные гуманитарные области человеческого знания.

Еще одна специфическая черта рассматриваемых научных работ, позволяющая нам сегодня говорить об их актуальности, — это независимая идеологическая позиция, на которой стояли исследователи-эмигранты. Вопреки бытовавшему тогда и насаждаемому властями односторонне-классовому подходу к явлениям общественно-культурным и историко-культурным, уже господствовавшему в научных разработках в Советском Азербайджане, что, в сущности, обедняло представление о национальной культуре, ученые в эмиграции, не вписываясь ни в какие официальные рамки, исходили из позиций не классового, а национального подхода, стремились дать объективную картину как прошлого, так и настоящего истории Азербайджана, его культуры. Если в Советском Союзе, в частности в Азербайджане, подвергалось резкой критике все, что развивалось под лозунгом туркизма, исламизма и модернизма, выступавшим как нечто чуждое и враждебное интересам широких трудящихся масс^I, то в противовес этому за рубежом наблюдался крен в иную сторону — выпячивались именно те авторы и произведения, исторические события

^I. См.: Первый Съезд советских писателей... — С. IIВ.

и общественные явления, которые свидетельствовали о развитии идей национальных, мотивы, созвучные идеологической доктрине партий "Мусават" и "Иттихад", о которых мы говорили в первой главе настоящего исследования.

Весь путь общественного развития указывает на пагубность одностороннего подхода в какой бы то ни было сфере человеческих знаний. Сегодняшняя политическая обстановка, крах теории и практики классовых критериев при оценке явлений культуры со всей очевидностью выявляет неправомотность подхода советских ученых 1920-1930 годов, впрочем, и позднейшего времени к национальной культуре, духовному наследию прошлого и настоящего. Исследование трудов деятелей эмиграции в данной работе не связано с политической эйфорией, возвращением ранее замалчивавшихся имен и произведений своему народу. Актуальность всестороннего изучения азербайджанской культуры диктуется стремлением выработать взвешенное отношение к духовному наследию, подвергнуть анализу ранее отвергавшуюся точку зрения, восстановить историческую справедливость.

Высокой цели - донести миру правду о своем народе, а на первых порах хотя бы ознакомить страну, ставшую пристанищем для многих азербайджанцев, с прошлым и настоящим покинутой родины, рассказать о борьбе и помыслах сородичей был призван научный журнал "Азербайджан юрт бильгиси"¹, издававшийся в 1932-1934 годах в Стамбуле. Журнал объединял на своих страницах видных деятелей азербайджанской, турецкой и тюркской культуры, публицистов и ученых во главе с Ахмедом Джафароглы², сыгравшим

1. *Azerbaycan Yurt Bilgisi. - Istanbul. Burhanettin matbaasi, -1932-34*

2. Джафароглы Ахмед Исмаил оглы (1899-1975). Родился в г. Гянджа. В трехлетнем возрасте потерял отца. С матерью переехал в Самарканд, где получил начальное образование, в 1909-1916 гг. учился в Гянджинской гимназии. Затем 1,5 года получал образование в Киевском высшем торговом институте, который покинул в связи с революцией 1917 г. С 1918 г. - на рядовой службе (прод.сноски на след.стр.)

значительную роль в развитии не только азербайджанской, но и турецкой культуры.

С первого же номера журнала, название которого можно перевести как "Знание об Азербайджане" или "Азербайджанское краеведение", вышедшего в январе 1932 года, в предисловии к журналу был взят курс на широкое освещение истории, географии, культуры Азербайджана, его достижений в области гуманитарных наук, пропаганде духовных ценностей народа: "Цель исследования "Азербайджан ырт бельгиси" сегодня - выйти, наконец, из узких рамок и осуществить открытие собственного "Я" для мировой научной мысли. Подготовка новых исследовательских кадров, безусловно, сократит срок подобных исследований и в результате прежнее искривление в видении нашей национальной культуры примет верные очертания"¹.

Ведущая роль в журнале, безусловно, принадлежала его главному редактору, личность которого долгое время подвергалась обструкционизму и охаиванию со стороны официальных советских властей и, соответственно, ученых-гуманитариев. Писатель В.Кулиев вспоминает, что он впервые услышал имя Джафароглу через опубликованные в 1974 году в газетах "Коммунист" и "Бакинский рабочий" разгромные статьи под названием "Ответ клеветнику"². Видный ученый подвергался в них критике за антисоветскую и анти-

(прод.сноски с пред.стр.)

в Азербайджанской Национальной Армии, в 1919 году вновь студент восточного отделения историко-филологического факультета Бакинского госуниверситета. После падения независимости АДР выехал за рубеж, где в 1924 году завершил образование в Стамбульском университете, затем совершенствовался в туркологии в Берлине и Бреслау, где защитил докторскую диссертацию. С 1929 года проживал в Турции, где занимал должность доцента, а затем до конца жизни зав.кафедрой истории турецкого языка литературного факультета Стамбульского университета. Член-корреспондент Польской Академии наук, Всемирного общества ономастики, Украинской Академии наук в эмиграции.

1. Азербайджан ырт бельгиси. - 1932. - § I. - С.3.

2. См.: Кулиев В. Ахмед Джафароглу//Адабият газети. - 1991. - 15 марта. - С.2 (на азерб.яз.).

русскую позицию, приуменьшение роли классиков русской литературы в формировании азербайджанской культуры. Однако следует констатировать, что до 1991 года практически ни одно из его произведений, научных разработок, в т.ч. подвергавшиеся огульной критике, не публиковались в Советском Азербайджане. Лишь в последний год некоторыми учеными осуществляются попытки в косвенной речи описать, дать новое понимание трудов крупнейшего ученого азербайджанского зарубежья¹. Один из некоторых шагов в этом направлении сделан и автором настоящего исследования².

На страницах журнала "Азербайджан юрт бильгиси" д-р Ахмед Джафароглы выступал со статьями, связанными с различными областями духовной жизни азербайджанского народа. Первая из них так и называлась - "Общий взгляд на историю Азербайджана"³. Журнал формировался по принципу научного сборника и таким образом все номера, выпущенные в течение одного года, представляли собой один том. Одно лишь перечисление работ А.Джафароглы, напечатанных в первом томе "Азербайджан юрт бильгиси", говорят о разносторонности интересов автора: "Выдающийся азербайджанский ученый Мирза Кязымбек", "Азербайджанский Ашуг XIV века Аббас Тифарганлы", "Некоторые монгольские элементы в азербайджанском диалекте", "Азербайджанский поэт XIX века Сираджи", и, наконец, опубликованное в четырех номерах крупное исследование "Мотивы борьбы за независимость в азербайджанской литературе".

Особо следует отметить литературоведческие труды Ахмеда Джафароглы. Только благодаря его публикациям на страницах журнала в литературу азербайджанского народа были возвращены два

1. К ним следует отнести Аббас Абдуллу, Вилаета Кулиева, Аббаса Заманова, Гасыма Гасым-заде и ряд других авторов публикаций на страницах республиканской прессы.
2. См.: Караев А. Азербайджанская культура в журнале "Азербайджан юрт бильгиси" // Литературный Азербайджан. - 1991. - № 7-8.
3. Азербайджан юрт бильгиси. - 1932 - Т. I. - № I. - С.5-16.

имени: поэты Сираджки и Меликбек Авчи¹. Большое внимание обращал ученый-эмигрант и анализу творчества Мирзы Фатали Ахундова, в публикациях о котором автор подчеркивал роль выдающегося просветителя в формировании нового этапа развития азербайджанской литературы и культуры в целом. Здесь же мы видим объективную оценку ученым позитивного влияния на формирование мировоззрения азербайджанского философа русской культуры XIX века. Однако, как мы отмечали выше, движимые идеологией невосприятости классового подхода и как следствие этого и Советской России, принесшей эту тенденцию в азербайджанскую науку, в публикациях журнала проявляются и тенденциозные воззрения его редактора. Видимо, только заочное знакомство авторов статей в "Коммунисте" и "Бакинском рабочем" о содержании работ А.Джафароглы не дало им возможности высказать еще более резкую критику его творчества. Сюда следует отнести такие публикации эмигранта, как "Спекуляции в азербайджанской литературе", "От двуглавого орла до красного знамени", "Советский нигилизм и отрицание национальной культуры", "Азербайджанско-русские отношения в истории" и др.². Вместе с тем, научные выкладки Джафароглы предвосхитили аргументы, выдвигаемые сегодня уже открыто и советскими азербайджанскими учеными и обществоведами.

Крупный специалист в области не только азербайджанской, но главным образом турецкой филологии, литературы и ее истории, Ахмед Джафароглы всегда придерживался идеи сотрудничества и взаимодействия культур турецких народов. Об этом свидетельствует его умение объединить вокруг себя исследователей-представителей как турецкой науки - например, проф. Фуад Кепрулузаде,

1. Азербайджан ырт бильгиси. - 1932. - Т. I. - С. 193-197; 1933. - Т. II. - С. 3-16, 57-64, 114-121; см.: Кулиев В. Ахмед Джафароглы... - С. 3.
2. Азербайджан ырт бильгиси. - 1933. - Т. II. - С. 436-443; 1934. - Т. III. - С. 69-77.

так и деятелей других эмигрантских общин - таких, как башкир Ахмед Зеки Валиди Тоган, татары Джафар Саид Ахмед Крымский и Хасан Абдулла оглы, ряд других исследователей и политических деятелей.

Особое место на страницах "Азербайджан ырт бильгиси" занимают литературоведческие и искусствоведческие статьи как общего характера, так и о конкретных деятелях культуры - современниках и великих предшественниках. Так, в трудах Абдулбаки исследуются работы крупнейшего тюркоязычного поэта Физули. Преподаватель литературы Конийского лицея Абдулбаки в своей статье "Тайные пристрастия и неопубликованные стихи Физули"¹ проводит глубокий анализ хранящихся в различных библиотеках мира рукописей и стихов поэта, трактует некоторые неточности в датировке их, научно обосновывает авторство ряда сочинений, внося тем самым весомый вклад в физиуливедение.

Видный специалист-исследователь азербайджанской и тюркской филологии Фуад Кепруля-заде, турок по происхождению, активно сотрудничал в журнале на протяжении всего издания. Особо следует отметить его научные публикации о первом литературном памятнике азербайджанского народа эпосе "Деде Коркут", опубликованные в трех первых номерах "Азербайджан ырт бильгиси"². Примечательно, что эта публикация осуществлена в условиях, когда в Советском Азербайджане этот эпос подвергался гонениям, и его анализ расценивался как проявление пантюркистских взглядов. Его же перу принадлежит статья "Новые стихи Физули"³. Уделяя внимание происхождению азербайджанской культуры, ее формированию как самобытного феномена, исследователи на страницах научного

1. Азербайджан ырт бильгиси. - 1932. - Т. I. - С. 265-278, 335-407, 414-425.
2. Там же. - С. 17-21, 84-91, 133-140.
3. Там же. - С. 447-448.

сборника значительное внимание уделяли классикам литературы, их роли в развитии общественной мысли. Так, творчество Физули, Насими, Низами и Ширвани подвергалось здесь тщательному научному изучению и анализу, часто в журнале публиковались совершенно новые, неизвестные до того времени произведения их, выявляемые в результате длительных исследований как в Азиатских, так и Европейских научных центрах. Имеющиеся идеологические установки, отмечавшиеся нами, не мешали журналу внимательно следить за параллельно идущим процессом изучения культурного наследия в Советском Союзе, объективно оценивать вклад азербайджанских и русских советских коллег в востоковедение и искусствознание. Примером тому может служить доброжелательная оценка исследования творчества Физули видным советским ученым Е.Э.Бертельсом в связи с его докладом в Президиуме Академии наук СССР. В заключении статьи, опубликованной в декабрьском номере 1932 г., читаем: "Мы заинтересованы в развитии новых связей литературоведов, в объединении их усилий во имя просветления многих темных пятен истории нашей литературы"¹.

Одновременно с поддержкой подлинно научного взгляда советских и русских ученых на развитие национальных культур, авторы ежемесячника вступают и в острую полемику, в частности, с русскими мыслителями по вопросу о взаимоотношениях Восток-Запад. Такова статья "Достоевский и Восточный вопрос"², автор которой Акдеш Нимет, доцент истории Стамбульского университета, оспаривает евроцентристские взгляды Ф.М.Достоевского, его негативное отношение к восточным цивилизациям, мусульманскому образу жизни. Ссылаясь на цитируемые отрывки из различных произведений Ф.М.Достоевского, автор публикации выступает местами и с

1. Азербайджан юрт бильгиси. - 1932. - Т. I. - С. 447-448.
2. Там же. - 1933. - Т. II. - С. 361-367, 397-402.

предвзятых позиций, обвиняя его в шовинизме и славянофильстве, отрицает общечеловеческие принципы, на которых покоится творчество великого русского писателя.

Достоинны внимания исследования в области культуры и литературы, которые на страницах научного сборника проводил в 1933-34 годах еще один из авторов-азербайджанцев - Мамед Али Расул-заде. Из-под его пера появляются статьи о неопубликованных произведениях Сеид Азима Ширвани, поэта Накама, о поэтессе XII в. Мехсети Гянджеви, великом Низами Гянджеви. Одновременно в трех номерах за 1934 год публикуются "Заметки о жизни и литературе Азербайджанских турков"¹.

"Описать сразу все оттенки духовного богатства азербайджанских турков невозможно, но то, чтобы вкратце очертить этот дух, заслуживает внимания. Потому что он проявляется не только в разговоре, но и в каждой частичке жизни и быта азербайджанцев", - пишет автор, и далее пытается проследить эволюцию духовного настроения своих соотечественников на протяжении ряда исторических этапов и в различных формах искусства и общественного сознания: литературе, театре, музыке, элгии, религии, праве. Большая часть этого исследования посвящена поэзии, как наиболее распространенной на востоке форме выражения философских и эстетических воззрений.

С публикациями об азербайджанской народной и классической музыке, анализом современных исполнительских и композиторских школ в Советском Азербайджане, истории музыкального искусства азербайджанского народа на страницах научного сборника выступал преподаватель Анкарской консерватории Косемихалзаде Махмуд Раджаб. Будучи специалистом в восточной и, в частности, турецкой музыке, ученый-публицист из номера в номер освещал этапы разви-

1. Азербайджан юрт бильгиси. - 1934. - Т.Ш. - С.69-83, 132-140.

тия музыки различных турецких народов, положение дел в музыкальном образовании, активно пропагандировал произведения композиторов-соотечественников и опыт подготовки музыкальных кадров в условиях советской системы образования¹.

Как отмечалось выше, при всей своей искусствоведческой и культурологической направленности журнал "Азербайджан юрт бильгиси" не терял и своей идеологической ориентации.

Принципы независимости, самостоятельности Азербайджана в понимании эмиграции непременно смыкались с критикой Советского государственного устройства, сепаратистскими настроениями. Из поля зрения авторов статей и публикаций никогда не выходили ни ход развития общественно-политической обстановки в Советском Азербайджане, ни публикации во всесоюзной центральной прессе, связанные с их покинутой родиной.

Таковы редакторские и авторские статьи, посвященные дням установления независимости Азербайджанской Демократической Республики 27 мая 1918 г., глубоко патриотичные и полные надежды и оптимизма, а также довольно предвзято критиканские и пессимистические по поводу дня установления Советской власти 28 апреля 1920 года. Наибольший интерес представляет в этой связи публикация в майском номере 1934 года работы наиболее крупной политической фигуры азербайджанского зарубежья Мамед Эмина Расулзаде "О характере Азербайджанского национального движения"², - отрывок из готовившейся в то время к публикации его книги "Азербайджан". "В Азербайджане, раньше, чем в какой-либо другой стране мусульманского Востока национальное движение приобрело евро-

1. Косемихалзаде М.Р. Последние направления в Азербайджанской музыке. - 1932. - Т. I. - С. 82-90; Современные направления музыки в Казани и Туркестане. - 1932. - Т. I. - С. II2-II7; Некоторые публикации о музыке турецких республик. - 1932. - Т. I. - С. 188-192; Азербайджанская музыка. - 1932. - Т. I. - С. 257-264, 317-325; его же. Исследование "Низами Гянджеви". - 1934. - Т. III. - С. 214-223.

2. Азербайджан юрт бильгиси. - 1934. - Т. III. - С. 241-249.

пейскую форму", - отмечает автор и, приводя при этом краткий анализ революционных мотивов в творчестве великого Физули, их преемственность и развитие в сочинениях Мирзы Фатали Ахундова, Гасанбека Зардаби, прессе, выходившей в регионе в первом десятилетии XX века. М.Э.Расул-заде отмечает в связи с этим, что, "начиная с Мирзы Фатали, азербайджанская литература, свыкнув с Европейскими идеалами, стала рассматривать происходящие жизненные события исследовательским и критическим взором".

Между тем, следует отметить и политическую лояльность сборника, о чем свидетельствует и тот факт, что по тому же поводу (речь идет о падении независимости Азербайджана в 1920 г.) - за год до М.Э.Расул-заде свое мнение высказал и Шафи Рустамбейли¹, находившийся в эмиграции в острой конфронтации со своим соотечественником и в то время ведшего на страницах многих эмигрантских изданий "антирасулзадинскую" кампанию (см.: гл. I, § I настоящего исследования). Этой же дате посвящена статья Наги Шейхзаманлы², представителя еще одной эмигрантской группировки. Уделял внимание на страницах сборника политическим вопросам и его редактор Ахмед Джафароглы³.

Политическая обстановка в Азербайджане часто рассматривалась на страницах журнала сквозь призму литературы и искусства. К таким публикациям можно отнести статью М.Векилли "Наши поэты в ссылке"⁴, опубликованную в апрельском номере за 1934 год. Автор короткими, но четкими штрихами рисует портреты двух азербайджанских поэтов Мустафы бека Арифа (псевдоним, означает "познающий" или "мудрец") и Али Юсиф бека. Место и дата смерти первого из них неизвестна, и здесь возникает образ - "холодная

1. Азербайджан юрт бильгиси. - 1933. - Т. II. - С. 181-186.
2. Там же. - С. 149-151, 225-229.
3. Там же. - С. 145-148, 193-195.
4. Там же. - Т. III. - С. 166-171.

Россия", где и оборвалась трагически жизнь поэта, что видно из приведенного здесь лиричного и проникновенного, глубокого по содержанию и мужественного по духу стихотворения Арифа "Я плачу". Название стихотворения, как рефрен, повторяется в каждой строфе, что усиливает мотив трагической безысходности.

Приверженный идее культурного объединения турецких народов и соответственно не отделявший историю Азербайджана от общего пути их развития, журнал на своих страницах часто рассматривал историю культуры турков или отдельных национальностей, освещал вопросы взаимоотношений турков и славян, представлял слово эмигрантам других турецких народов, в частности - татарам. Одним из тех, кто активно сотрудничал с "Азербайджан юрт бильгиси" в начале 30-х годов были Джафар Сеид Ахмед Крымский¹ (Кырымлы) и Хасан Абдулла оглы². В круг интересов этих видных представителей крымско-татарской эмиграции входили история государственных образований, общественных деятелей Крымского ханства, политики Российской империи в отношении мусульманских народов, современное авторам положение в межнациональных отношениях советских народов. Журнал неоднократно обращался и к личности крупнейшего представителя татарской философской мысли, одного из основоположников движения пантюркизма журналиста-просветителя Исмаил бека Гаспринского, исследование трудов которого на страницах "Азербайджан юрт бильгиси" проводилось как двумя вышеназванными публицистами, так и непосредственно редактором журнала Ахмедом Джафароглы³. Крупные исторические личности,

1. Кырымлы Джафар Сеид Ахмед. Вопросы языка и большевики//Азербайджан юрт бильгиси. - Т.П. - С.32-36; Исмаил бек Гаспринский. - 1933. - Т.П. - С.156-161; Тревоги Российских империалистов. - 1933. - Т.П. - С.84-89 и др.
2. Абдулла оглы Хасан. Письма Кази Гирея//Азербайджан юрт бильгиси. - Т.П. - С.118-122, 159-166, 244-252; Крымское ханство XV века в Генуэзских источниках. - 1932. - Т.П. - С.332-338, 372-378; Русская политика по отношению к крымским туркам. - 1932. - Т.П. - С.400-413; Галим Гирей. - 1933. - Т.П. - С.72-74; (прод.сноски на след.стр.)

и народные герои, деятели искусства и взаимосвязи литератур и языков турков, проживающих на территории современной Средней Азии и Казахстана, что объединяется понятием Туркестан, являлись темами исследований Абдулкадыра - представителя башкирского зарубежья¹. Среди не названных нами авторов "Азербайджан ырт бильгиси" проф. Шерефетдин М., Мирза Гаджи-заде, Мехмет Ага оглы, проф. Ахмед Заки Валеди, Азиз Абдулкадыр, Гасан Абдулла-оглы и многие другие, чьи имена все еще в недостаточной степени известны азербайджанским читателям.

Есть необходимость здесь еще раз подчеркнуть, что журнал, в первую очередь, носил культурологический и исторический характер, и политические публикации на его страницах отталкивались именно от этих двух фундаментов. Поиски путей разрешения несправедливого, на взгляд авторов, устройства азербайджанского или всего тюркского общества осуществлялись ими, как правило, через национальное и духовное единение народа, осознание его культурного достоинства как сформировавшегося самобытного феномена.

Деятельность научного сборника связывается азербайджанскими исследователями, как о том уже сказано, с именем Ахмеда Джафароглы², незаурядному организаторскому и научному таланту которого был обязан выпуск каждого номера журнала, прервавшего свою деятельность в 1934 году и возобновившегося лишь на короткий промежуток в 1954 году, и по разного рода политическим моти-

(прод. сноски с пред. стр.)

Исмаил бек Гаспринский. - 1933. - Т. П. - С. 170-175; Крымское ханство XVI в. по Флетчеру. - 1933. - Т. П. - С. 278-283 и др.

3. Азербайджан ырт бильгиси. - 1933. - Т. П. - С. 165-169.

1. Абдулкадыр Сулейман. Народные герои Туркестана // Азербайджан ырт бильгиси. - 1932. - Т. I. - С. 227-232, 279-285, 326-331, 384-386, 436-439; 1933. - Т. П. - С. 108-113, 248-288; О словах "Оба" и "Обо". - 1933. - Т. П. - С. 377-379; Башкирские турки в истории русских войн. - 1933. - Т. П. - С. 406-408.

2. См.: Аббас Абдулла. Забытое из того, что знали // Адабият газети. - 1991. - 14 июня. - С. 5.

вам советско-турецких отношений испытывавшем за все время своего существования трудности в печатании и распространении издания. Научная деятельность Джафароглы, разумеется, не ограничивалась страницами "Азербайджан юрт бильгиси". Его научные изыскания, помимо самостоятельных изданий на турецком, немецком, французском, польском, итальянском и английском языках, публиковались на страницах многих и многих научных изданий, газет и журналов Турции, Германии и Польши в период с 1928 до семидесятых годов. В числе исследуемых им предметов герои произведений турецких, в т.ч. азербайджанских сказаний Ашик Кериб, Гачаг Наби, детский фольклор, шаманские следы в турецких языках, Орхон-Енисейские памятники культуры, язык и фольклор турецких народов Сибири и Дальнего Востока. В центре его внимания проблемы ономастики, топонимики, взаимовлияния турецких культур и литератур, осуществление переводов на турецкий язык произведений русской и европейской классики. Анализ и осмысление научного наследия азербайджанского ученого в полном объеме, изучение его творческого пути представляют огромный фундаментальный потенциал для нынешнего поколения исследователей-тюркологов, востоковедов и культурологов.

Представляют интерес в культурологическом аспекте труды выехавшего в 1919 году для участия в Версальской мирной конференции в составе делегации Азербайджанской Демократической Республики Джейхуна Гаджибейли, брата родоначальника азербайджанской классической музыки Узеира Гаджибекова. В своих работах он уделял большое внимание вопросам истории, права и культуры. Его публикации на страницах журналов "Рево дэ монд мусульман" ("Обзорение мусульманского мира"), "Азиатик рево", "Журнал Азиатик" затрагивали широкий спектр вопросов, о чем свидетельствуют сами их названия, "Азербайджанский историк начала ХУШ в.

А.К.Бакиханов" (1926), "Истоки национальной прессы в Азербайджане" (1931), "Карабахский диалект и фольклор" (1933) и ряд других. Автора отличает глубоко аналитический историко-культурологический подход к процессу формирования азербайджанского национального самосознания, разносторонние знания традиций своего народа, сложностей и специфики в развитии определенных жанров и видов искусства.

Здесь, думается нам, с новых позиций следует взглянуть и на всю деятельность вышеназванных журналов^I.

Во-первых, публикации на их страницах носили чисто исследовательский характер и были направлены в основном на широкое информирование европейской общественности об истории и культуре (в широком понимании) народов мусульманского и азиатского мира, т.е. служили благородной цели наведения мостов между Западом и Востоком. При всем европоцентризме исследовательского взгляда журналы были весьма полезны и в популяризационном и научном смысле.

Во-вторых, отражая положение дел в Советском Союзе, авторы публикаций счастливо избегли необходимости рассмотрения культур с односторонне-классовых позиций, характерных, в целом, для советского культуроведения, что способствовало более объективным оценкам имен, явлений и тенденций развития культур народов, проживающих в СССР. Но при этом следует отметить, что авторов мусульманского происхождения зачастую отличало излишнее выпячивание мусульманской культуры, полное отрицание влияния на нее историко-культурных процессов, происходящих в первом случае во всем мире, во втором - в СССР. Эти недостатки были свой-

I. Имеются ввиду: *Revue du monde musulman*, -Paris; *The Asiatic Review*, -London; *Revue des Etudes Islamiques*, -Paris; *Journal asiatique*, -Paris; *Revue des deux mondes*, -Paris; а также *Cahiers du monde Russe et Soviétique*, - Paris

ственны и турецким исследовательским кругам, на что указывала Э.Заманова. "...сбрасывается со счетов, что подлинно национальное искусство того или иного народа не может развиваться в отрыве от ценностей мировой культуры и искусства и что каждая национальная культура в процессе своего развития неизбежно вбирает в себя все то ценное, прогрессивное, что создавалось человечеством на всем протяжении его истории и создается в наше время представителями прогрессивной демократической культуры и искусства западноевропейских стран, а также деятелями культуры и искусства социализма"¹. Неизвестные большинству советских исследователей или замалчиваемые в недавнем прошлом по идеологическим мотивам публикации журналов различных европейских и американских востоковедческих и советологических обществ и центров сегодня представляют собой особый интерес, могут оказывать существенное влияние на формирование новых, объективных взглядов и суждений, составлении реальных картин по многим научно-исследовательским проблемам.

В силу названных причин до сегодняшнего дня практически неизвестны широкой общественности и труды Джейхуна Гаджибеяли, получившие лишь опосредствованную огласку в монографии Р.Исмаилова "Азербайджано-французские литературные связи"². Данная книга должна быть в первую очередь отмечена, с точки зрения нашей работы, как попытка в условиях жесткой цензуры донести до читателей сведения, пусть и косвенным образом, о бывших соотечественниках, не терявших (и не теряющих - по некоторым персоналиям) своего национального духа, не обрубивших питающих их

1. Заманова Э.Э. Националистическая интерпретация культурного наследия и отношения к духовным ценностям Запада в современной Турции//Турция. История и современность. - М.: Наука, 1988. - С.192.
2. Исмаилов Р.А. Азербайджанско-французские литературные связи. - Баку: Язычи, 1983. - 214с.

благодатных народных корней. Во-вторых, она дает довольно полную картину о сфере интересов названных изданий, уясняется место Азербайджана в контексте противоречий Запада и Востока.

Однако с позиции сегодняшнего дня и сферы наших интересов нам необходимо отметить и некоторые недоработки, на наш взгляд, этой во многих отношениях интересной и полезной работы. Самый главный недостаток - это беда времени - заключается в однобоко-классовом подходе автора ко многим понятиям и авторам, их способности и правомочности характеризовать те или иные феномены национальной культуры. В ряде случаев Р.Исмаиловым проявляется несколько излишняя приверженность к классовому подходу, теории двух наций и двух культур, некоторая предвзятость в суждениях, как, например, в оценке деятельности А.Агаева и А.Гусейн-заде и т.д.¹.

Еще один недостаток видится нам также вынужденным. Так, если при отражении деятельности Шахтахтинского, Куткашенского, Мирза Кязымбека, М.Дж.Топчибашева автор с гордостью подчеркивает их азербайджанское происхождение, то в случае с Дж.Гаджибейли это упоминается вскользь или вообще игнорируется, выпячиваются политические взгляды последнего. Вследствие этого автором не аккумулирована и не выделена роль деятелей непосредственно азербайджанского происхождения, оказавшихся в силу разных причин во Франции или других странах, в расширении и укреплении азербайджано-французских литературных связей. На наш взгляд, в столь частом обращении к Азербайджану, его истории, традициям, языку, литературе и музыке на страницах журналов "Ревю де монд мусульман", "Журнал Азиатик" и других изданий немаловажным видится тот факт, что Джейхун Гаджибейли и Алимарданбек Топчибашев являлись единственными азербайджанцами, входившими во

¹ Исмаилов Р. Азербайджано-французские литературные связи. - С.179.

Французское Азиатское общество, субсидировавшее и издававшее эти научные сборники в исследуемый нами период, участвовали в заседаниях как общества, так и редколлегии, о чем есть свидетельства во многих номерах "Журнал азиатик".

Помимо этого Дж.Гаджибейли часто сам выступал в роли исследователя-автора публикаций. Редколлегия "Азиатик ревью" так характеризует его в предисловии к одной из публикаций: "Автор настоящей статьи - хорошо известный и признанный авторитет в вопросах турецкой (тюркской?) истории и права, являлся членом Национальной делегации Азербайджанской Республики на Парижской конференции; он является членом Французского азиатского общества, часто выступает автором статей в "Ревю де монд мусульман", "Ревю дез Этюд Исламик", "Ревю де дё монд" и других изданиях"¹. Следует отметить, что Дж.Гаджибейли публиковался в названных изданиях уже начиная с 1910 года и таким образом к моменту своей иммиграции во Францию был известен в научных кругах, и данная характеристика дана ему редколлегией "Азиатик Ревью" не случайно.

В постэмиграционный период деятельности наибольшую известность получили его работы об истоках национальной азербайджанской прессы, публиковавшиеся и на французском, и на английском языках, и другие отмечавшиеся выше научные разработки. Для нашего исследования принципиальное значение имеют работы, связанные с историей культуры азербайджанского народа, формирования национальной философской и общественно-политической мысли. Таковой (первой по хронологии публикации) в определенной мере может считаться статья "Азербайджанский историк начала XVIII века Аббас Кули Ага Бакиханов"².

1. The Asiatic Review, -1931.-vol. XXVII, -p. 349

2. Hadjibeyli; Un historien Azerbeidjanien du debut du XXIII siecl

Abbas Kouli Agha Bakhikhanoff// Journal Asiatique.-1926.-juillet

-septembre.-p. 149-157

Анализируя данный труд, Р.Исмаилов пишет, что, несмотря на некоторые ошибки и неточности, эта работа могла бы представить немалый интерес для французского читателя. По его мнению, представлять Бакиханова французским читателям только лишь как историю, по меньшей мере несправедливо... (он) был талантливым поэтом, космографом, он является автором интересного морально-этического трактата "Улучшение нравов" и, что несомненно, — основоположником азербайджанской научной историографии"¹

В числе недостатков, вменяемых Дж.Гаджибейли, передергивание фактов об изданиях Бакиханова на русском языке, приуменьшение роли советских азербайджанских исследователей в изучении наследия ученого. Просчеты эти легко объясняются сегодня с учетом нашего предположения о приверженности исследователей-эмигрантов идее национальной культуры, их сознательном игнорировании и приуменьшении заслуг советской науки и политики в области национальных отношений. И если в исследовании Гаджибейли творчества Бакиханова эти акценты проявляются лишь при научном анализе, сопоставлении дат и фактов, то уже в работах "Театр в Азербайджане" и "Происхождение национальной прессы в Азербайджане" они видны непосредственно в тексте — эпитетах, характеристиках, предположениях автора. Так, описывая пути становления газетного дела в Баку, Дж.Гаджибейли прямо высказывается о непопулярности среди большинства населения классовых идей, отдаст предпочтение национальному единству, а не общности интересов сословий: "Газета "Хаят" была по тону откровенно националистична, с тенденцией на выделение исламских традиций и солидарности, что было абсолютно естественно в период, когда магометане еще ничего не знали ни о делении на классы, ни, тем более, о классовой борьбе и их идеи национализма были под большим

1. Исмаилов Р. Азербайджано-французские литературные связи. — С. III-III2.

влиянием культа и вероисповедания... В общем, этот период можно характеризовать общей гармонией во всех классах азербайджанского общества"¹. В этой же работе мы видим открытую симпатию к личностям Ахмед-бека Агаева и Алибека Гусейн-заде, чьи мысли и идеи были созвучны автору. Особо он подчеркивает роль последнего в прогрессе азербайджанской культуры, создании азербайджанско-туркского языка, расценивает его больше как деятеля культуры, нежели политика: "Алибек нашел свое настоящее призвание (речь идет о литературном ревью "Феюзят" - А.К.), и отвернувшись от политики, смог, наконец, показать свою ценность как поэт, эстет и философ... "Феюзят" изобилует литературными и искусствоведческими материалами и содействовал не только развитию литературного и эстетического вкуса читателей, а и формированию и кристаллизации туркско-азербайджанского языка"² (пер. мой - А.К.). В контексте анализа прессы, проводимого Дж.Гаджибейли, проявляется его благосклонность к изданиям, ориентированным на подъем национального самосознания народа, формирование облика нации с богатой культурой и традициями. Меньше внимания уделено в статье тем изданиям, которые выражали классовые интересы трудящихся, направленные на революционное движение, - по причине их, как кажется автору, непопулярности в народе.

Эти тенденции выражены также в статье Джейхуна Гаджибейли "Театр в Азербайджане"³. Предположение об авторской принадлежности статьи, подписанной инициалами Д.З.Т., выдвигается нами по ряду причин. Во-первых, по стилю изложения и глубокому знанию предмета исследования и ряду оценок деятельности театра в советский период оно, безусловно, принадлежит азербайджанцу-эмигранту.

¹ Hajibeyli, Jeyhoun Bey. The origins of the national press in Azerbaijan // The Asiatic Review. - 1931. - v. 27. - p. 350

² Там же. - С. 354.

³ D. Z. T. Le théâtre en Azerbaijan // Revue du Monde musulman.

Во-вторых, из двух известных деятелей эмиграции, публиковавшихся на страницах журнала "Ревю де монд мусульман", в вопросах искусства сведущ был более Джейхун-бек. В-третьих, в конце статьи дается детальный, вплоть до цифрового, анализ подготовки театральных и музыкальных кадров в Советском Азербайджане под руководством Узеира Гаджибекова - брата эмигранта. Видимо, только от него автор статьи мог получить в доверительных письмах (факт их переписки доказан) столь подробную информацию о состоянии дел.

Не желая, видимо, ни умалчивать об успехах искренне любимого брата, ни выдать советским властям источник получения информации, автор ставит инициалы Д.².Т., оставляя намек лишь в первой букве аббревиатуры, и снимая подозрения о контактах с Узеир-беком, живущим, по представлению Джейхуна Гаджибеяли, в страшных условиях новой власти. Кроме того, авторство могло быть скрыто по скромности исследователя, который в ходе изучения театрального дела отмечал и определенную роль Дж.Гаджибеяли в постановке первой азербайджанской оперы, других театральных успехов, переводе пьесы "Аршин мал алан" на французский язык и постановке ее в театре "Фемина" в Париже. В тексте есть ссылки и на статьи Дагестани (установленный псевдоним Дж.Гаджибеяли) о мусульманской опере и театре на страницах этого журнала в 1910 и 1911 годах. К сожалению, неточности в переводе материала несколько сместили акценты и создали путаницу при анализе данного материала Р.Исмаиловым. Несмотря на указание в библиографии неоднократно названной нами книги верной подписи автора статьи "Театр в Азербайджане" Д.².Т., в тексте Р.Исмаилов пишет: "В 1926 году в журнале "Мусульманский мир" Дагестани (подчеркнуто мной - А.К.) опубликовал статью "Театр в Азербайд-

жане"¹. И далее приводит отрывок из нее о постановке пьесы Г.Джавида "Шейх Санан", окончательно запутывающий читателя.

Приведем его полностью: "Талантливый поэт Г.Джавид был широко известен еще до Советской власти... таким произведением, как стихотворная пьеса "Шейх Санан", написанная при царизме. Впоследствии к этой пьесе была дописана еще одна сцена. На основе сюжета этой пьесы ... господин Дагестани (Дж.Гаджибейли - Р.И.) поставил одноименную кавказскую легенду. Ее герой - служитель религии Шейх - припадая в страсти к ногам девушки-грузинки, сжигает Коран. Конечно, подобную сцену при "буржуазной" власти поставить было невозможно" (I22, I39-I43)². Что позволяет Р.Исмаилову сделать вывод о том, что "чувствуется, что автор статьи "Театр в Азербайджане" не располагает точными сведениями относительно времени написания пьесы, издания ее, воплощения на сцене"³.

Здесь возникает ряд вопросов: а) сознательно ли Р.Исмаилов указывает на то, что Д. .Т. и Дагестани - одно лицо? б) как мог г.Дагестани, он же Дж.Гаджибейли осуществлять постановку пьесы со сценой сгорания Корана, если он после установления Советской власти в Азербайджане не жил и даже не приезжал туда?

Мы вынуждены привести свой перевод цитаты из статьи для устранения путаницы: "Что касается Гусейн Джавида, то это талантливый поэт, хорошо известный еще в советскую эпоху и его пьесы в стихах "Мать", "Марал", "Шейда", а также "Шейх Санан" написаны либо во времена Царя, либо во времена азербайджанского национального правительства. Но впоследствии к последней, чей сюжет восходит к кавказской легенде под тем же названием (о чем сооб-

1. Исмаилов Р. Азербайджанско-французские литературные связи. - С.139.

2. Там же.

3. Там же. - С.140.

щалось Дагестани в майском номере I9II года "Ревю дэ монд мусульман"), была добавлена еще одна сцена. Герой, набожный шейх, в параксизме своей страсти к молодой грузинской пастушке, демонстративно разрывает Коран: " понятно, что этот жест не стерпели бы при "буржуазном" правительстве"^I. Как становится ясно, постановщиком пьесы Дж.Гаджибейли не выступал, он лишь является автором статьи от I9II г., где описывается легенда о шейхе Санане и постановке оперы Уз.Гаджибекова по ее мотивам. Что касается Д.З.Т., то его идентификация с Дагестани у Р.Исмаилова в труде не доказана, что позволяет считать это случайностью.

Статью "Театр в Азербайджане" отличает глубокое знание ступеней роста национального театрального искусства, конкретных деятелей - музыкантов, драматургов, режиссеров и актеров, чьим именам обязан расцвет этого искусства именно в данной стране Востока. Неоспоримое первенство в драматургии автор статьи отдает М.Ф.Ахундову, от которого, по его мнению, берет отсчет современная азербайджанская драматургия. При анализе современного состояния театрального дела в Советском Азербайджане Дж.Гаджибейли открыто критикует комиссарские указания, их борьбу против постановок, "не отражающих современную жизнь", не содержащих революционных мотивов. Указывая на то, что основы азербайджанской сцены закладывались еще до Советской власти, автор исследования подчеркивает, что и сегодня (I926 г.) старые деятели составляют его фундамент и гордость. К положительным фактам относит он активное проникновение на сцену женщины, что было запрещено до революции, и героинями, наконец, не выступают актеры-мужчины. Это замечание также говорит в пользу авторства Дж.Гаджибейли, предпринимавшем, как известно, с братом и друзьями-еди-

^I. Le théâtre en azerbaïdjan,....-p.141

номышленниками попытку ввести на сцену актрису-женщину еще в царские времена.

Таким образом, и в этой статье мы наблюдаем некоторые из выделенных специфических черт в научном творчестве азербайджанской эмиграции, труды представителей которой еще далеки от полного и тщательного изучения, тем более, что практически ни одна из работ постэмиграционного периода Дж.Гаджибейли не опубликована ни на русском, ни на азербайджанском языках.

Несколько более счастливая судьба у крупного научного литературоведческого исследования Юсиф Везира Чемазземили. "Беглый взгляд на азербайджанскую литературу" написан писателем в период работы в качестве посла Азербайджанской республики в Турции, и увидел свет в 1921 году в Стамбуле. Эта книга в первую очередь заслуживает пристального внимания и высокой оценки как одна из первых попыток решить задачу создания истории азербайджанской литературы. Уже на следующий год это произведение вышло на французском языке и отдельным изданием, и в виде статьи в журнале "Ревю де монд мусульман"¹. Появление этого труда было восторженно встречено специалистами-литературоведами, тюркологами, отмечавшими, что это практически первое целостное видение азербайджанско-туркской литературы, которое отсутствовало до того времени. У нас в стране "Беглый взгляд на азербайджанскую литературу" долгое время не публиковался, однако опосредованно литературная общественность республики знала об этом произведении, и оно подверглось изучению и анализу критиков в последние годы². Детально рассмотрена данная работа в докторской диссертации Гусейнова Т.Г.³, где помимо этого впервые

I. Yousofbeck Vesiroff. Un coup d'oeil sur la literature de l'Azer-

baijan // Revue du monde musulman. - 1922. - v. 50. - pp. 101-120

2. Ахундова М. Юсиф Везир Чемазземили: Монография. - Баку: Язычи, 1981 (на азерб. яз.); Талыб-заде К. История азербайджанской литературной критики. - Баку, 1984; Мамедов К.Д. Юсиф

(прод. сноски на след. стр.)

дана глубокая аналитическая картина творчества В.Ю.Чеменземинли в эмиграционный период. Наконец, в 1989 году был опубликован и сам труд, хранившийся в подлиннике в личном архиве писателя¹.

В планы настоящего исследования не входит критико-литературоведческий анализ этого интереснейшего труда, однако и с точки зрения культурологии он представляет огромную ценность. Безусловно, точка зрения Чеменземинли на азербайджанскую литературу сформирована всем его путем жизненного и творческого становления. Немаловажным было и воспитание в атмосфере глубокого уважения к национальной культуре и возможность еще со студенческих лет, проведенных в Киеве, осмысливать ее со стороны, и весь национально-освободительный дух эпохи, предшествовавшей великим российским революциям, в которых активно участвовал будущий писатель. Не случайно на одном из сохранившихся экземпляров этой книги стоит дарственный автограф автора: "Борцу за нашу независимость, дорогому другу Джейхуну Гаджибекову. Ю.Везиров. 28 мая 1921 года"². Юсиф Везир еще в студенческие годы проявлял и политическую, и публицистическую активность - за время его учебы в Киевском университете в 1911-1913 гг. вышло семь его книжек. В них "написанных вдали от родного края в маленькой, бедной студенческой комнатке в Киеве, настолько точно и подробно изображены быт тогдашнего Азербайджана, семейный уклад, нра-

(прод.сноски с пред.стр.)

- Везир Чеменземинли. - Баку: Азернешр, 1987 (на азерб.яз.);
Вопросы азербайджанской литературы XX в. - Баку: ЭЛМ, 1989
(на азерб.яз.).
3. Гусейнов Т.Г. Жизнь и творчество Юсифа Везира Чеменземинли: Дисс...на соиск.учен.степени докт.фил.наук.- Баку, 1989.- 408с
 1. Юсиф Бек Везиров. Беглый взгляд на азербайджанскую литературу //Азербайджан.- 1989. - № 8. - С.153-162; № 9.-С.123-141(на азерб.яз.).
 2. См.: Гахраманов Дж. Ценное произведение//Азербайджан. - 1989.- № 8. - С.152 (на азерб.яз.).

вы, отношение к женщине, обычаи, что невозможно не восхищаться зоркостью писателя, его умением наблюдать и обобщать"¹.

Однако хорошо осознавая, что в период пробуждения народу скорее нужны конкретные знания о своей истории, он временами, оставив творчество, направлял свои усилия в другую область. До сей поры учеными, к сожалению, не обнаружены книги Чемаземинли "Азербайджанская автономия" (1917), "Кто мы и чего хотим" (1920), но уже из наименований их ясно, какова была сфера интересов Юсифа Везира - общественного деятеля. Отметим при этом, что он выступал ярким сторонником самостоятельности, независимости Азербайджана, не воспринимая идею пантюркизма: резко критиковал И.Гаспринского за то, что он "не только не смог объединить крымчан с тураном, а, возможно, отделил их от татар"².

Идеей независимости, самостоятельной ^{ценности} азербайджанского народа и его культурного феномена проникнут и "Беглый взгляд...", в предисловии которому Юсиф Везир Чемаземинли пишет: "Два с половиной года тому назад в одной из крымских газет я опубликовал ряд пространных статей под общим названием "Азербайджан и азербайджанцы". Сегодня назрела необходимость дополнить новыми фактами эти статьи, содержащие в себе разнообразные сведения об азербайджанской истории, литературе, искусстве, экономике и политической жизни. Так возникла идея "Беглого взгляда на азербайджанскую литературу". К сожалению, эта книга, являющаяся одной пятнадцатой частью труда "Азербайджан и азербайджанцы", не выходит в полном объеме - смута в республике помешала нам учесть некоторые необходимые детали"³. Автор подчеркивает выдающуюся роль в создании целостной истории и теории азербайджан-

1. Кулиев В. Он сам выбрал свой путь // Литературный Азербайджан. - 1987. - № 10. - С. 90.

2. Доклад Ю. Везирова // Азербайджан. - 1919. - I августа.

3. Везиров Ю. Беглый взгляд... - С. 153.

ской литературы Фирудин бека Кочарли, смерть которого непосредственно перед выходом книги в 1920 г. глубоко потрясла Ёсиф Везира.

Автор, находящийся в Стамбуле, помимо своих политических обязанностей посла, все свое время отдает изучению источников об азербайджанской литературе в богатых архивах и библиотечных фондах Турции. Известно, что созданию этого произведения предшествовали исторические, этнографические, литературно-филологические изыскания. По мере необходимости для обоснования своих мыслей и суждений он использовал фольклорные образцы, обычаи, распространенные в народе¹. "Беглый взгляд..." носит по манере действительно скетчевый, штрихами набросанный характер, что не мешает автору в предельно лаконичной форме довести до читателя свои соображения, подкрепить их ссылками на предыдущих исследователей национальной литературы. Он прослеживает азербайджанскую литературу, а в историческом ракурсе - и всю культуру, начиная с первых памятников до современного ему периода, при этом расширяя ранее бытовавшие рамки. Так, если прежде ученые считали первыми поэтами, творившими на азери, Физули, Насими, Хатаи, то Чемензеинли удаляет явление первого азербайджанского стиха на три века вглубь, в век XIII и называет имя Шейха Иззатдина Пур Гасан Асфара, известного как "Гасан оглы" азербайджанцам и "Пур Гасан" - персам, а также имя Гази Бурханеддина (XIV в.).

Истоки же литературы и поэзии в современном виде автор находит в традициях, легендах, бытовой культуре народа - подкрепляя это анализом устного народного творчества: загадками, баснями, песнями и другими видами фольклора.

Следует отметить, что, характеризуя основные вехи жизни

1. См.: Гусейнов Т.Г. Жизнь и творчество Д.В.Чемензеинли: Дисс... - С.29.

азербайджанских поэтов, писателей, драматургов, философов, Юсиф Везир дает сведения о главных их произведениях, приводит наиболее характерные для их творчества поэтические мотивы. При этом автор уходит от географических границ Азербайджана - его герои - творцы азербайджанской литературы рождаются и в Персии, и в Южном Азербайджане, в Тифлисе, живут и умирают в Багдаде, Сирии, Турции, Москве. Однако все они - представители своего народа, носители его культурного генетического фонда.

Не останавливаясь, видимо, сознательно на вопросах этно-генетического родства турков, культурной общности мусульманских народов, автор в истории турецкой литературы пытается вычленить то, что принадлежит творческому гению его собственного народа.

Чеменземинли, получивший и в доме родителей, и в период учебы хорошее образование европейского образца, в своей работе часто апеллирует к западным и русским авторитетам, высоко ценит их изыскания в культуре Азербайджана. Он подчеркивает глубокий след, оставленный русской прогрессивной мыслью в национальном сознании азербайджанцев. Не случайно третья часть исследования носит название "Азербайджанские авторы, сформировавшиеся в России"; к которым он относит и Мирзу Кезимбека и авторов, родившихся в Азербайджане, но по происхождению - армян - таких, как Будагов и Лазарев, немало сделавших в деле изучения национальной литературы, составлении турецко-русских словарей, пропаганде и преподавании азербайджанского языка. Чеменземинли особо подчеркивает, что Лазарев был твердым сторонником очищения азербайджанского языка от арабских и персидских слов, с тем, чтобы письменный литературный язык стал доступен не только ученым мужам, а и носителям живого турецкого языка - простому народу^I.

I. Везиров Ю. Беглый взгляд... - С.141.

Юсиф Везир Чемазезинли недолго пробыл в эмиграции. Однако и Стамбульский и Парижский периоды его жизни остаются пока почти не изученными. На основании его творчества в зарубежье можно сделать и некоторые выводы, связанные с причинами его возвращения на родину и разрывом с партией "Мусават". На наш взгляд, Ю.В.Чемазезинли шел к этому событию давно. На это указывает и Гусейнов Т.: "Находясь в Турции, исполняя веления некоторых мусаватистских лидеров, Юсиф Везир все более осознает их лицемерие, отдаленность от насущных чаяний народа. Понимая, что он обманут в лучших своих надеждах, Юсиф Везир Чемазезинли стремится вернуться на родину после установления Советской власти в Азербайджане"¹. Причины этого разрыва лежат и в видимом нами невосприятии идеи пантюркизма², что являлось одной из основ философских воззрений "Мусавата", и, с другой стороны, в приверженности Чемазезинли к идее европейско-русского развития независимого Азербайджана, понимании русской культуры как свежей формирующей волны новой прогрессивной азербайджанской национальной культуры - откуда и восприятие Советской власти, страстное желание вернуться и творить при новых временах.

В числе тех, кто стремился поддерживать в эмиграции духовные связи с родиной через научные изыскания истории и культуры были и отмечавшиеся ранее нами Мамед Эмин Расул-заде и Мирза Бала Мамед-заде. Работы первого из них о жизни и творчестве Али Мардан бека Топчибашева³ и Узеира Гаджибекова⁴, опубликованные в периодической печати и в особенности крупный историко-филоло-

1. Гусейнов Т.Г. Жизнь и творчество... Дисс. - С.149.
2. Примечательно, что некоторые авторы-оппоненты пытались представить "Беглый взгляд..." как пантюркистское произведение, что может вызвать лишь недоумение. См. об этом: Кулиев В. Он сам выбрал свой путь // Литературный Азербайджан. - 1987. - № 10. - С.91.
3. Расул-заде М.Э. Алимарданбек Топчибашев // Адабият ва индженет.-1990. - 4 мая. - № 16 (на азерб. яз.).
4. Расул-заде М.Э. Великий композитор Гаджибейли Узеир // Адабият ва индженет.-1990. - 20 апреля. - № 14 (на азерб. яз.).

гический труд "Азербайджанский поэт Низами" – яркие примеры научного осмысления автором культуры своей Родины. Перу М.Б.Мамедзаде принадлежат такие значительные работы, как отмечавшийся нами труд "Туркская Албания в истории Азербайджана" и его исторические очерки об Азербайджане, изданные в Стамбуле в Туркской и Исламской энциклопедиях¹.

Путем пристального исследования культуры Востока пошли и два других представителя азербайджанской эмиграции, волею судьбы оказавшиеся закинутыми не в отмечавшиеся эмигрантские центры российских турков, а в иные, более локальные социоязыковые регионы.

Первый из них – Мамед Садых бек Агабекзаде² (1865–1944) – бывший полковник русской армии, заместитель министра внутренних дел в правительстве АДР, после 1920 года недолго жил в Стамбуле, затем в Париже, после чего в 1927 году окончательно переселился в Польшу, где и прожил до конца жизни.

Увлечшись еще в молодости языкознанием, он в эмиграции преподавал во Львовском университете восточные языки, выступил автором учебников "Турецкий язык", "Фарсидский язык" на польском языке, а также учебника "Грамматика арабского языка", которые были высоко оценены его современниками, равно как и вся его преподавательская и научная деятельность.

Второй крупный искусствовед – Магамет Ага-оглы³ (1896–1949) выпускник Московского университета, доктор филологических наук (1916 г.), после 1920 года выехал в Турцию, где занимался изысканиями в различных видах искусства туркских народов, позже жил в Берлине и Вене, где приобрел диплом доктора философии (1926), являлся директором музея туркского и исламского творчества в Стам-

1. См.: Алиев М. Мирза Бала Мамедзаде//Азербайджан. – 1989. – № 10. – С.118 (на азерб.яз.).

2. Подр.см.: Азербайджан. – 1989. – № 5. – С.183–187 (на азерб.яз.).

3. Подр.см.: Керимов К. Искусствовед//Адабият ва индженесет. – 1986. – 3 июля (на азерб.яз.).

буле. С 1929 года Ага-оглы проживает в США, куда он был приглашен для создания в Детройтском университете отделения искусства Ближнего Востока. Здесь он был инициатором и организатором "Галереи исламского искусства". В 1933 году он переезжает в Мичиган, где заведует кафедрой истории исламского искусства, основывает и выпускает, будучи главным редактором, научный журнал "Арс исламика". Сфера интересов ученого была весьма широкой - от ковроткачества, керамики, гравюры и изобразительного искусства до художественной миниатюры, книгоиздательства, манускриптов и архитектуры турецких и исламских народов, где он был весьма большим авторитетом в американских научных кругах. Его труды, непосредственно не касались азербайджанской культуры, но, неотделимые от всей турецкой и исламской культуры, они свидетельствуют о приверженности автора идее близости и этнокультурной общности всех этих народов, исповедующих ислам.²

Как видно из проведенного нами анализа, научные изыскания и поиски составляли важную часть творчества азербайджанской культурной эмиграции. Через познание себя, своей истории и культуры авторы зарубежья пропагандировали азербайджанскую культуру как самостоятельно сформировавшийся феномен - составную часть как всей исламской и турецкой культур, так и всего культурного наследия человечества. Научные познания в области тюркологии, восточного искусства, истории и филологии, философской мысли Азербайджана помогали им поддерживать духовную связь с родиной, близость с традициями народа.

Нынешним поколениям исследователей научное творчество эмигрантов, безусловно, окажет помощь в исправлении в течение многих десятилетий бытовавшего кривого, однобоко-классового подхода к культурным ценностям народа, создании верной и полной картины его культурной эволюции.

1. См. статьи, опубликованные в: *Arts Islamica. - Michigan, USA: Ann*

§ 3. Тематико-жанровое своеобразие художественного творчества

Весьма сложной и специфической формой осмысления собственного национального "Я", места своей Родины в контексте человеческого развития выступает непосредственно художественное, литературное творчество. В числе деятелей азербайджанской эмиграции наиболее яркий творческий след, богатое и поддающееся критическому анализу и обобщениям литературное наследие принадлежит двум деятелям различных поколений и судеб - Юсиф Везиру Чменземинли и Ум-эль Банин^I. Со временем архивы, несомненно, откроют нам и новые художнические имена - такие как сын Ахмедбека Агаева Самед Агаоглы (видный турецкий литератор), чье творчество еще не изучается, и даже не воспринимается как азербайджанское, потому что Самед Агаоглы творит на турецком, хотя по всем этнопсихологическим и социально-тематическим факторам его творчество, как и целого ряда других турецкоязычных авторов следовало бы изучать как литературу азербайджанского зарубежья второго и третьего поколений. Нам, в частности, видится в определенной мере неправомерным разделение национальных азербайджанских авторов зарубежья по формальным признакам. Национальная принадлежность писателя проявляется необязательно в каких-то конкретных категориях (язык, герои, материал и т.п.), а помимо этого и комплексом часто не поддающихся выявлению нюансов психологического свойства, генетически впитанных опытом предыдущих поколений и собственным, и потому всякая попытка голослов-

I. Ум-эль Банин (Асадуллаева Умбульбану Мирза кызы) родилась в 1905 году в семье крупного нефтепромышленника М. Асадуллаева. Воспитывалась европейскими гувернантками, а также многочисленными родственниками, т.к. мать погибла при родах. С 1921 года в эмиграции, где долгое время перебивалась различными заработками. В 40-е годы стала публиковать свои первые произведения. В настоящее время проживает в Париже.

ных определений "это - национальное", а "это - не национальное" терпит фиаско при выявлении всего комплекса этнопсихологических нюансов конкретной художественной судьбы. Это может быть просто своеобразием авторского мышления, а откуда оно идет - вопрос сложный, и для ответа надо проводить генетическо-личностный, социально-этнический и конкретно-исторический анализ ситуации, при которой создано то или иное произведение автора.

По-разному относятся к проблеме литературы зарубежья и сами авторы-эмигранты. Так, Ум-эль Банин считает себя выше каких бы то ни было национальных границ - гражданином мира. Отвечая на вопрос об оценке феномена литературы зарубежья - замкнутая ли это система, часть ли советской литературы или она принадлежит культуре страны, в которой живет писатель, известный советский литератор, бывший диссидент А.Синявский, в частности, утверждает, что "всякая национальная литература в своей основе едина, несмотря на различия писательских судеб, позиций и взглядов. Невзирая на местожительство... Деление единой словесности по географическому и политическому признаку - это не самое главное, хотя и вносит порой свою специфику в существование и в произведения автора... Не так уж важно, где находится в данный момент тело писателя, если духом и языком он связан с родной словесностью"¹.

Правда, тут следовало бы сделать оговорку о том, что подобная позиция верна по отношению к тем, кто пишет на родном языке независимо от места своего проживания, что больше характерно для русской литературы: "Русская литература едина и неделима уже постольку, поскольку единым и неделимым остается наш родной язык, сложные и мучительные взаимоотношения с которым -

1. См.: Иностранная литература. - 1989. - № 2. - С.241.

удел писателя, где бы он ни находился, вне зависимости от каких-либо границ, за исключением синтаксических и пунктуационных. Строго говоря, каждый из нас живет не в Москве и Нью-Йорке, а в языке и истории", - считал С.Довлатов¹.

В турецкой и, в частности, азербайджанской художественной литературе, как, впрочем, и в других видах словесного творчества, мы наблюдаем процесс творчества на турецком языке, о чем уже говорили об одной из специфических черт культуры зарубежья или же в случае с Банин - творчество на французском языке, которым азербайджанская писательница овладела в совершенстве и это - язык ее детства.

В отношении художественного творчества Юсифа Везира Чемамзеинли, развивавшегося в эмиграции, напрашивается вопрос о правомерности отнесения его к литературе зарубежья. Действительно, если упомянутый нами труд "Беглый взгляд на азербайджанскую литературу" опубликован впервые за рубежом, то комедия "Его высочество едет в Париж" и рассказы "Сиди" и "Из дневника эмигранта" увидели свет лишь в 1926 и 1927 годах², т.е. после возвращения автора в Советский Азербайджан. В 1930 году оба рассказа были опубликованы в небольшом сборнике рассказов "За заработком"³, в предисловии к которому автор говорит о своем намерении создать цикл рассказов из жизни рабочих, а также роман "Париж", где будет освещена проблематика жизни эмигрантов, нравы общества, в котором они оказались волею исторических судеб. Ни роман, ни цикл рассказов не были созданы, замыслы автора по неизвестным нам причинам не получили своего воплощения. Однако мы вправе

1. См.: Иностранная литература. - 1989. - № 3. - С.246.

2. Соотв.: Коммунист. - 1926. - 6 октября; Маариф ва маданият. - 1927. - № 7, 8.

3. Юсиф Везир. За заработком. Рассказы. - Баку: Азернешр, 1930. - 93с. (на азерб.яз.).

сегодня утверждать, что писатель, находясь в вынужденной эмиграции, влача тяжелое, бедственное существование, не терял остроты своего творческого взгляда, записывал наиболее интересные поучительные впечатления, легшие впоследствии в основу рассказов и комедии об эмигрантской жизни. Художественное осмысление быта эмигранта-азербайджанца осуществляется в произведениях через изображение героя в окружающем его чуждом мире, его непригодности к образу жизни европейского общества. Реализованный не до конца замысел свидетельствует о глубоком психологическом осмыслении сложной жизненной ситуации, стирающей национальные и социальные барьеры, изменяющей мироощущение людей, попадающих в условия чужбины. Ведь даже сегодня "большинство эмигрантов из восточных стран, покидающие свою родину, очень мало знают о том, в какое общество кидают они себя и свои семьи, ...о том, к какому делу им предстоит приобщиться, совсем того не желая"¹.

Свидетельством тому – радость главного героя рассказа "Сиди" по поводу выплаченной компенсации за потерянные пальцы на руке, позволяющая скромно прожить в течение месяца. Занимающий самую низкую ступеньку общества – чернорабочий эмигрант-африканец чувствует свое превосходство над мечущимся в поисках работы героем рассказа, иронически называя последнего "мусье".

Перипетии судьбы представителей разных национальностей – азербайджанца, армянина, русского, объединившихся с целью заработка денег на пропитание в рассказе "Из дневника эмигранта", говорят о том, что эмиграция не различает социального положения (все трое имеют, судя по всему, высшее образование), ни национальных барьеров. Крик души писателя, звучащий как реакция на

1. The new islamic presence in Western Europe// The Islamic quarterly.-1410/1969.-3-rd quarter.-p.206

окружающую безработных роскошь - "Я жаждал революции"¹, прерывается сообщением об отсутствии кассира, который должен был выдать им деньги, и герои рассказа возвращаются в безысходное, но привычное состояние голода и нищеты, оставляя смутную надежду на лучшие времена: "Господа, нам сегодня не суждено поесть, нет кассира. Деньги, вероятно, мы получим завтра"².

На протяжении всего своего творческого пути Юсиф Везир искал ответы на вопросы о смысле жизни, человеке, его чести, путях реализации личностью своих возможностей, служению добру. Гуманистической проблематикой своих сочинений писатель значительно расширил рамки художественного осмысления действительностью, принося в азербайджанскую литературу новый образ - образ эмигранта.

Будучи человеком твердых нравственных устоев, Юсиф Везир в своих произведениях подвергает резкой критике персонажи, в характере которых ощущает претящие ему морально-этические установки. Кстати, наблюдать за персонажами, подобными двум азербайджанским студентам - Багиру и Ибадулле, героям комедии "Его высочество едет в Париж", писателю довелось еще в молодости, в период обучения в Киеве. По мнению Т.Гусейнова, два этих персонажа продолжают галерею отрицательных студенческих образов, начатую Чемамземинли в рассказе "Урок", романах "Трех" и "Студенты", перекликаются с аналогичными героями поэмы Гусейн Джавида "Азер" и его же пьесы "Князь"³.

Таким образом, обличение подобных черт характера нового поколения молодежи начала XX века становилось традиционным в творчестве передовых писателей-азербайджанцев, и новую ступень эта традиция получила, обогатившись опытом эмигрантского бытия

1. Юсиф Везир Чемамземинли. Избранное. - Баку: Азгосиздательство, 1973. - С.154.
2. Там же.
3. См.: Гусейнов Т.Г. Жизнь и творчество. - С.295.

Юсиф Везира Чмензеинли, воплощенном в его комедии. Герои ее всячески ищут богатства, ничем не брезгуя для достижения своей цели преуспеть в блестящем роскошью Париже.

В контексте пьесы, как и двух указанных рассказов, проглядывает и еще один объект критического взгляда автора. С позиции человека, принявшего во имя веры в независимость Азербайджана идеи Российской социалистической революции, искренне стремившегося к справедливому устройству мира, Чмензеинли не воспринимает буржуазный уклад Европы, остро переживает, испытывая на своей судьбе, положение в этом обществе простых тружеников. Уходя от подробного литературоведческого анализа пьесы¹, мы подчеркнем, что с философских, культурологических позиций ощущаемый в пьесе протест против морали и мировоззрения, нравственной пустоты буржуазного общества наполнен большим общечеловеческим смыслом, и основная отправная точка размышлений автора лежит в вере в человеческую личность, которую он считал главным сокровищем мира. Путь спасения человека - самопознание, критическое отношение к своим поступкам. Переживая и описывая прошлое, соотнося его со своим новым положением реэмигранта, Юсиф Везир стремится открыть людям простоту сложного мира, величие будничных дел во имя идеалов правды и справедливости.

Видный азербайджанский писатель и драматург, прошедший сложный и тернистый путь подлинного творца и закончивший его в неизвестном пока истории уголке ГУЛАГа, никогда не былоприверженцем ни панисламизма, ни пантюркизма, в чем его пытались обвинить. Именно Азербайджан, его народ - как феномен всемирной человеческой культуры волновали его воображение и вдохновенный талант. Юсиф Везир никогда не был в Эжном Азербайджане. И в его произведениях не встречается "жизненная тема", о которой

¹ Об этом подр.см.: Гусейнов Т.Г. Жизнь и творчество... - 1990. С.295-314.

сейчас часто говорят. Писатель родился по эту сторону Аракса, в Карабахе, но мысль о неразделимости родины занимала его еще в детские годы. Дружба, общение с беглецами, приехавшими в годовые годы из Южного Азербайджана, из села Чemenземин, в Шушу, в дальнейшем привели к тому, что писатель взял себе литературный псевдоним Чemenземинли. Он с полной верой и искренностью считал себя сыном земли, которую никогда не видел. Юсиф Везир ничего не писал о Уге, о разделившей единый народ реке Аракс, но в своей личности, трагической судьбе соединил оба берега этой реки¹.

Этот посыл нам важен и для ориентации в развернувшемся в последние годы споре об авторстве одного из наиболее крупных художественных произведений азербайджанского зарубежья - романе Саид Курбана "Али и Нино". Интересна судьба самого романа, впервые опубликованного на азербайджанском языке лишь в 1960 году². Причем, роман, безусловно, написанный азербайджанским автором, освещающий наиболее противоречивый, трагический период истории Азербайджана, был опубликован в переводе с немецкого языка³, на котором он был издан в Вене в 1937 году. На каком языке существует или существовала авторская рукопись романа - неизвестно. По мнению переводчика, на каком бы языке - азербайджанском или немецком - ни создавалось произведение, дух романа, взаимоотношения героев, проявляющийся местами специфический юмор, присущий азербайджанскому народу, глубоке чувство любви к Родине, уважение к народным традициям, героическая гибель главного героя Али в битве при защите независимости родного края - все это свидетельствует о том, что автор романа был азерб-

1. См.: Кулиев В. Он сам выбрал свой путь//Лит.Азербайджан. - 1987. - № 10. - С.87.

2. Курбан Саид, Али и Нино//Азербайджан.- 1990. - № 1-3 (на азерб.яз.).

3. В переводе Мирза Микаила (Мирза Хазар) (Германия).

байджанцем - патриотом, пронесшим через всю жизнь в эмиграции преданность народу и глубокую ностальгию по родине¹.

Новая волна интереса к "Али и Нино" была вызвана спустя 34 года после первой публикации романа - в 1971 году, когда в переводе на английский язык он был издан в США. Существует три версии авторства этого произведения. Первая состоит в том, что Гурбан Саид - это не псевдоним, а реальное имя одного из азербайджанских эмигрантов, живших в Германии, позже в Австрии и Италии, о котором при публикации романа 1989 года от издательства "Шерте Ферлаг" (ФРГ) сказано следующее: "Гурбан Саид родился в 1905 году в г.Баку. С детства воспитанный на принципах ислама, он после победы русской революции под именем "Асадбек" бежал в Берлин. В 30-е годы он был тесно связан с литературными кругами Вены, в числе друзей которого Элиас Канетти и Роберт Номайер. Позже Гурбан Саид, спасаясь от нацистов, бежал в Швейцарию и умер в 1940 году в Италии"².

Вторая версия, бытующая в основном среди исследователей в Советском Азербайджане, гласит о том, что автор - Лео Ниссимбаум, живший некоторое время в Баку, и позже принявший ислам и псевдоним Гурбан Саид, что, однако, весьма проблематично, т.к. в фабуле романа прослеживается глубокое знание истории Азербайджана, противоречий его различных социальных групп в исторический период, когда Лео Ниссимбаум уже жил в Стамбуле, уважение к традициям, быту, нравам и характеру азербайджанского народа³.

1. См. об этом: Мирза Микаил (Хазар). Предисловие от переводчика// Азербайджан. - 1990. - № I. - С. II-12 (на азерб.яз.).
2. Цит. по: Мирза Микаил. Предисловие переводчика.- С.12 (на азерб.яз.).
3. См.: Аббас Абдулла Гаджа оглы. Забытое из того, что знали// Адабият газети. - 1991. - 14 июня. - С.5.
Личность Гурбан Саида (иначе Магомед Асад бек) - пока одна из нераскрытых тайн азербайджанского зарубежья. Его же перу приписывают и другой, пока не опубликованный на азербайджанском языке роман "Девушка из Халиджа", а также вышедшую в 1932 году в Риге на русском языке книгу "Сталин", характерную деталь (прод.сноски на след.стр.)

Третья версия приписывает авторство романа "Али и Нино" Юсиф Везиру Чемаземили, и выдвинута она впервые в 1971 году переводчиком произведения с немецкого на турецкий язык Селижем Язычи. Он, а также Мустафа Тюркегюль, знавший лично Юсиф Везира, помимо сопоставлений биографических данных Чемаземили с событиями и именами, описываемыми в романе и свидетельствующих, по их мнению, об авторстве произведения, указывают еще и на тот факт, что Юсиф Везир Чемаземили был арестован органами НКВД спустя всего четыре месяца после первого издания "Али и Нино". Подобной версии придерживались и многие другие исследователи, в частности авторство Юсиф Везира утверждается в публикациях произведения в США, Иране, Турции, а также частично в Германии. Среди приверженцев этого предположения есть и азербайджанские исследователи¹.

Однако такой крупный исследователь жизни и творчества Юсиф Везира Чемаземили, как Тофик Гусейнов в докторской диссертации² утверждает, что эти доказательства безосновательны, т.к. в изученном им архиве писателя нет даже намека ни на это произведение, ни даже на замысел его. Указывая, что Чемаземили с 1926 года находился в СССР, куда он вернулся по убеждениям, Гусейнов отмечает возможность нелегальной передачи романа для публикации за рубежом. В этом вопросе ученый солидаризируется (прод.сноски с пред.стр.)

лями, неизвестными простым биографам Сталина. По мнению Эльчина, автор книги лично знал Сталина и высветил те черты, которые были обнародованы лишь после XX съезда КПСС. Подвергая сомнению еврейское происхождение Гурбан Саида, Эльчин указывает на несоответствие дат в данных его биографии с надгробной надписью на могиле Магамед Асад бека, похороненного в Италии. См.: Эльчин. Литературный процесс: быть или не быть? Адабият газети. - 1991. - 11 октября. - С.6-7 (на арабск.яз.)

1. См.: Мамедов Б. Круг творчества//Адабият ва индженет. - 1987. - 16 сент.(на азерб.яз.); Кто такой Курбан Саид//Эли ва хаят. - 1987. - № 12. - С.13-14 (на азерб.яз.); Мурадова М. Расширяются литературные связи//Баки.- 1973.- 31 июня (на азерб.яз.).
2. Гусейнов Т.Д. Жизнь и творчество... - С.149.

с таким авторитетом в азербайджанской литературе, как Аббас Абдулла, который также в свое время отрицал авторство Ю.Везира¹. В последнее время спор об авторстве "Али и Нино" продолжается, и мы становимся свидетелями того, как изменяются суждения об этом среди азербайджанских исследователей, чему, безусловно, способствуют и открывающиеся двери многих архивов, увеличивающийся доступ к зарубежным источникам, и, безусловно, публикация романа в 1990 году на азербайджанском языке, сделавшая его доступным массовому читателю. Тот же Аббас Абдулла в 1991 году уже придерживается мнения о том, что "Али и Нино" принадлежит перу Юсиф Везира Чменземинли². Интересен факт, приведенный им в подтверждение своего сменившегося предположения: "В предисловии к турецкому изданию Самих бек писал со слов Мустафа Туркогула, лично знавшего писателя: "Побывавший во всех странах Европы Чменземинли в основном жил в пригороде Парижа - Версале. Не имея никакой специальности, кроме писательства, он и здесь в основном занимался творчеством.

В этот же период Юсиф Везир и создал "Али и Нино". Об этом нам говорил брат Узеира Гаджибекова, живший во Франции - покойный Джейхунбек Гаджибейли³.

Аббас Абдулла, помимо свидетельств детей писателя о сожженном им неизвестном произведении, проводит аналогию между героями романов Чменземинли дореволюционной поры, с главными действующими лицами и второстепенными образами романа "Али и Нино", авторского отношения к различным характерам и находит сходство в воззрениях писателя на проблему "Восток-Запад" в общей цепи его произведений. Убедительным выглядит и рассказ жены издателя

1. Аббас Абдулла Гаджаоглы. Если бы была жива Бельгеис-ханум// Адабият ва индженет. - 1987. - 25 декабря; а также Элм ва хаят. - 1986. - № 3. - С.5 (на азерб.яз.).
2. Аббас Абдулла Гаджаоглы. Забытое из того, что знали...
3. Там же.

м-м Толл о принесенном в начале 20-х годов романе писателя в контору ее мужа.

Нерешенные проблемы авторства романа не влияют, разумеется, на культурологическую и художественную ценность произведения, вызывающего и по сей день глубокий интерес читателей, интересующихся кардинальными противоречиями, вызванными в Центральной Азии духовно-политическим противоборством христианства и мусульманства, Запада и Востока.

Сюжет романа разворачивается на фоне сложных и противоречивых историко-общественно-политических событий, происходящих на окраине Российской империи, в Азербайджане.

В этот период, как уже отмечалось нами, началось усиленное наступление европейской российской системы образования на традиционную для этих мест исламскую, иранскую школу-медресе. Особую специфику на это явление накладывал и этнокультурный процесс, складывавшийся в мировом центре нефтедобычи - Баку, с быстрым развитием капитализма и притоком международного капитала и разноязыкой рабочей силы для его реализации. Стремление к европейскому образованию становится естественным даже в ортодоксальных мусульманских семьях, и таким образом создавались благоприятные условия для смешения и культур и этносов разных народов, объединяемых в то время в русских школах. Приобщение к Европе идет не всегда гладко и в среде выходцев из азербайджанских семей преобладает желание остаться в Азии с ее традициями.

Разворачивающийся в произведении мотив любви азербайджанского юноши Али и девушки-грузинки Нино, что само по себе ново для азербайджанской литературы, получает новое звучание именно в контексте борьбы Запада и Востока, приобретая как

конкретно-житейское, так и символично-аллегорическое звучание.¹

Главные действующие лица романа представляют верхние, обеспеченные сословия населения Баку. При этом мы видим, что автор стремится показать глубинное, историко-народное течение жизни - с широким охватом прошлого и настоящего. Новые приемы типизации позволяют проследить судьбу героев произведений во взаимодействии с основными событиями, составляющими этапы в развитии общества. Одновременно в романе, через эту типизацию выявляется и философская, и идеологическая, и этическая установка писателя. В романе мы видим целую галерею героев, устами которых выражаются многие сомнения автора. Так, предположительно к авторству Чемаземинли, мы читаем о неприятии объявленной царем войны, нежелании участвовать в ней, высказываемым главным героем; о сложной судьбе двух течений панисламизма и пантюркизма через настроения друзей, то радущихся по поводу входа в Баку турецкой армии, то выдвигающих против этого религиозные мотивы противоборства шиизма и суннитства; о радости других, связанной с возможным европейским путем развития общества с приходом англичан. Все эти духовно-общественные противоречия приводят к единому верному выводу о независимом и самостоятельном пути Азербайджана, не способного разорвать ни одну из составляющих его современного национального характера - генетическую связь с турками, религиозную с миром ислама, прогрессивно развивающуюся с Европой и Россией. На этом фоне неудивителен, а вполне закономерен финал романа - героическая гибель Али Ширваншира в бою за независимость Азербайджанской Демократической Республики. Автор глубоко верит

1. В контексте романа автор также приводит свидетельство давности этого мотива, описывая историю любви султана Гейссадина Кейхосрофа к грузинской девушке, взятой им себе в жены и сумевшего отстоять свое право на этот брак в диспутах с исламскими патриархами-ортодоксами. См.: Гурбан Саид. Али и Нино//Азербайджан. - 1990. - № I. - С.57.

в гуманистические, общечеловеческие начала людского разума, убедительно демонстрирует, как искренняя и чистая любовь двух юных сердец уничтожает на своем пути все надуманные обществом преграды – религиозные и национальные, светские и традиционные, точно так же, как преодолевает она и бытовые препоны – измену казавшихся еще вчера друзей, длительную разлуку, наветы и зависть окружающих. С глубокой лиричностью рисует автор моменты единения влюбленных с природой, их подлинные, человеческие качества, проявляемые в условиях оторванности (кстати, вынужденной) от общества и политики в глухой горной деревеньке. Любовь прощает все недостатки, условности, путеводной звездой и спасительной соломинкой выступает в самые сложные моменты жизни Али и Нино, ведет их, наконец, к браку и семейному счастью, увы, недолгому. Политика, жизнь общества активно вмешиваются в созданную героями идиллию, приводят каждого из них к необходимости выбора. Гражданский выбор автора – и главного героя романа – счастье независимой Родины и готовность сложить свою голову, пожертвовать ненадолго обретенным личным счастьем во имя этой идеи. Эта идея присутствует и в других произведениях Юсиф Везира Чменземинли, что, видимо, также, помимо сходства стилевого и персонажей, о котором пишет А.Абдулла, должно свидетельствовать в пользу Юсиф Везира, как автора "Али и Нино". Последняя фраза романа глубоко символична: "Подобно жизни нашей республики подошла к концу и жизнь Али хан Ширваншира"¹. Подобно М.Э.Расул-заде, олицетворившему Азербайджан в герое Фирдоуси Сиявуше, автор романа олицетворяет трудный и трагичный путь суверенной республики в образе ее характерного представителя. поиски и противоречия в судьбе Али – это поиски и противоречия первой парламентской республики на Востоке, с неудачей и падением независимости которой кончается и жизнь

¹ Азербайджан. – 1990. – № 3. – С.45.

главного героя "Али и Нино".

Состоящий из тридцати глав, роман ценен и как историческое произведение, эпическое полотно, повествующее о самых трагических, переломных событиях, правда о которых доходила до наших соотечественников в однобоко искаженном обличье. В контрастах самой эпохи, когда шла непримиримая борьба за утверждение нового трудоустройства, видим мы сегодня объяснение многим художественным процессам. Ясно осознавал это и автор романа "Али и Нино", передавая его для публикации за рубежом. Точка зрения на события, описываемые в романе, делала невозможным его публикацию на родине. Пытаясь донести миру правду о революции, независимости Азербайджана, общественно-политической ситуации, автор в художественной форме способствовал и широкой популяризации традиций, этических и нравственных устоев своего народа, помогал европейским читателям по-новому взглянуть на некий незнакомый им особый национально-культурный феномен, сложившийся на перепутье Азии и Европы, христианства и ислама.

Несомненно и то, что тайна авторства Чемаземинли может лежать и в его страхе перед карающими органами новой, принятой им власти, избегать меча которой он так и не смог, как не смог изменить своим гуманистическим эстетическим идеалам художника. "Али и Нино" написан, судя по всему, по горячим следам событий, т.е. в первой половине 20-х годов, а первая публикация в 1937 году объясняется нами окончательным осознанием Западом тоталитарности, пагубности режима Советской власти, желанием показать возможные альтернативы ему, назревавшие в первые годы его существования.

Велика и культурологическая ценность произведения. С высоким мастерством выписаны национальные характеры со свойственным им образом мышления и действий, семейными устоями и традицион-

ными нравственными установками. Проводя параллели между исламским и христианским мировосприятиями, отношениями между мужчинами и женщинами, регламентируемыми разными вероисповеданиями, касаясь проблем воспитания, автор ясно дает понять, что он, безусловно, азербайджанец по происхождению, его притягивают более понятные ему нравственные идеалы Востока, но, тем не менее, всем произведением он заявляет о том, что контакт двух культур возможен и необходим, обоюдополезен и будет служить лишь совершенствованию обоих обществ, вероисповеданий, образа жизни. Эта мысль созвучна и современным мыслителям, основывающим свою философию на общечеловеческих ценностях: "Только через усовершенствование самых людей - всех мужчин и женщин, населяющих планету, лежит, в конечном счете, путь к созданию лучшего мира"¹. Взаимоуважение, терпимость к трудновоспринимаемому духовному миру оппонента, стремление понять его образ мышления, философию и быт должно лежать в основе этих контактов.

Публикация романа Гурбан Саида "Али и Нино" в 1990 году явилась как нельзя более уместной и актуальной для общественно-политической ситуации, складывающейся в республике в последние годы. Морально-этические, нравственные, политические мотивы произведения, написанного в начале XX века, звучат сегодня как призыв к независимости своего народа, к терпению, мужеству, любви во имя прогресса и счастья всего человечества.

Совершенно по-новому звучит тема Родины в художественных произведениях, созданных талантом известной французской писательницы Банин (Ум-эль Банин) - представительницы плеяды деятелей культуры, названной в русском зарубежье "детьми эмиграции". Внучка крупных бакинских нефтепромышленников М.Нагиева и Ш.Асадул-

1. Печчеи Аурелио. Человеческие качества. - М.: Прогресс: 1985.- С.245.

лаева, проживающая с 15-ти лет в Париже, к концу 1930-х годов привлекла внимание литературных метров как отменный стилист. Это и не удивительно, потому что она долго вращалась в кругу таких известных деятелей культуры как Арагон, Элюар, Сартр, Монтерлан, Триоле и до литературной деятельности успела поработать и переводчицей, и продавщицей, и секретаршей¹. "Я уехала... такой молодой, что прошлое совсем стерлось из моей памяти"², - утверждает Банин, настойчиво повторяя во всех произведениях о своей принадлежности к французской литературе, более того - объявляя себя гражданкой мира.

Действительно, писательница творит на французском языке, что не связано для нее никакими сложностями. "Выбор языка творчества порой сопряжен с судьбой писателя, заброшенного в ту или другую страну и свободно переходящего с одного языка на другой", - считает Гусейнов Ч.Г.³, приводя при этом пример Джозефа Конрада - поляка, почти не творившего на польском, прекрасно знавшего французский, создававшего, однако, свои произведения на английском, прославившись как стилист в английской литературе. Эту галерею можно пополнить и писателями-современниками Банин, творческие судьбы которых во многом схожи. Таков В.Набоков, создававший сперва прекрасные произведения на русском языке, а затем - на английском и ставший одним из самых крупных англоязычных писателей современности. Также и Банин, начавшая свое творчество непосредственно на французском языке - пошла на это добровольно, с целью влиться полноправным членом в новое общество, начать жить, по сути, с нуля после потерянных отцовских богатств. Встав, таким образом, несколько в стороне от процессов, происхо-

1. См.: Эльчин. Ум-эль Банин. Я родом из Азербайджана // Лит. газ. - 1989. - 26 июля. - № 30. - С.7.

2. Ум-эль Банин. В Париже после войны (Отрывок из повести "Последний поединок Ивана Бунина") // Слово. - 1990. - № 10. - С.74.

3. Гусейнов Ч.Г. Этот живой феномен... - С.357.

дящих на Родине, накапливая опыт новой философии духа, Банин приобретает острый, реалистичный, иногда даже прагматичный взгляд на минувшие события и прошедших рядом по жизни людей.

"Высокой и смелой я нахожу способность художника к национальной самокритике. Если бы и в этом, то есть во взгляде на свой народ глазами других народов, человечества, он сумеет говорить и миру, и родине правду, останется национальным и выявит национальное, - тогда он поистине велик", - считает Г.Гачев¹.

Банин в своем творчестве постоянно возвращается к тематике, непосредственно связанной с Родиной. Называя себя французенкой, писательница тщательно скрывает свою глубокую ностальгию, отчетливо, однако, проявляемую в большинстве ее произведений.

Перу Ум-эль Банин принадлежат такие романы, как "Нами", "Кавказские дни", "Парижские дни", "Встречи с Эрнестом Юнгером", "Я выбираю опиум", "Потом"... "Франция иностранная", "Зов последней надежды", "Портрет Эрнеста Юнгера", повесть "Последний поединок Ивана Бунина". Она же осуществила переводы на французский язык таких крупных литературных трудов, как "Чужая жена" Достоевского и "Воспоминания" Татьяны Толстой с русского, "Мир" Эрнеста Юнгера с немецкого, "Мой друг Близард" Грегори Мартона и "Что говорил в свое время Святой Павел" Дж.Уанда с английского языка. Мы видим, что если диапазон переводческого интереса Банин достаточно широк, то авторские произведения строятся в основном на личном жизненном опыте. "...Банин в своих произведениях предвосхитила одну из главных тенденций развития литературы конца XX века - отказ от вымысла в пользу "голой" документальности... очень трудно найти в современной литературе писателя, произведения которого были бы так тесно переплетены с его судьбой. У Банин

¹ Г. Гачев Г.О. Национальные образы мира. - М.: Советский писатель, 1986. - С.52.

невозможно найти ни одной страницы, которая прямо не отражала бы определенные этапы духовного развития писательницы"¹ и весь ее творческий путь свидетельствует, что, несмотря на язык творчества, она не смогла до конца раствориться во французском образе жизни, осталась в душе азербайджанкой, гордой своей принадлежностью к Родине, с которой спустя многие годы она восстанавливает творческие и человеческие связи.

Литературное творчество никогда не бывает свободным от внешних факторов, особенно тех, которые связаны с автором или его окружением. Оно не существует и вне исторических реалий, а стоит на границе — там, где эти реалии кончатся. И с этой точки зрения реальные факты и события могут служить хорошей отправной точкой для понимания всего творчества писателя. "...биографический материал один из самых плодотворных факторов развития литературного критицизма, фактор, который, по мнению американского критика Р.Годфрида, взаимодействуя с творческой активностью будет развиваться и изменяться с каждым произведением, с каждым новым автором и новым периодом"².

Фактор автобиографичности Банин в каждом новом ее произведении позволяет увидеть большое количество людей и событий, поведение и образ жизни этих людей всегда острым, критическим взглядом творца. Ей нет необходимости создавать какие-то особые вымышленные ситуации, помещать в них своих вымышленных героев — сама жизнь рисует картины поведения конкретной личности в конкретных обстоятельствах, эволюцию или деградацию ее в цепи сложных общественно-политических или философско-художественных процессов — портреты героев произведений писательницы психологиче-

-
1. Кулиев Г., Абуталыбова Н. Об Ум-эль Банин и о ее творчестве// Литературный Азербайджан. — 1988. — № 9. — С. 52-53.
 2. Gottfried, Rudolf. Autobiography and art: An Elizabethan borderland// Literary criticism and historical understanding. Selected papers. — London, N-Y, 1967. — p. 109

ски точны и убедительны.

К сожалению, произведения Банин пока все еще недоступны читателям в Азербайджане. Лишь в 1988 году стало возможным прочесть первое опубликованное произведение Ум-эль Банин - повесть "Последний поединок Ивана Бунина", изданную почти одновременно и на русском и на азербайджанском языках. Готовятся к публикации и "Кавказские дни", о которых читателям уже известно опосредованно¹, - они составляют вторую книгу ее трилогии.

В романах "Нами", "Кавказские дни", "Парижские дни" Банин показывает через внутрисемейные проблемы большие и многогранные проблемы общества, мира. И если в первой книге "Нами" уже определена основная тема ее творчества - художественное изображение старых социальных сил в новых исторических условиях, то в "Кавказских днях" уже полностью определен и жанр творчества - автобиографическое и документальное отображение действительности. Это не значит, что писательница полностью отказывается от вымысла. Банин творит на грани исторической реальности и художественного воображения, к которому она прибегает искусно настолько, что эти начала, мирно уживаясь между собой, создают гармоничную картину духовного становления вчерашней девочки из захиточной семьи, ее воплощения в юную даму из разрушающегося высшего общества.

В предисловии к изданию "Кавказских дней" 1985 года Эрнест Ингер, с которым Ум-эль Банин была в тесном творческом контакте и чья жизнь и творчество составили предмет ее глубокого документального изучения, отмечал, что и при повторном чтении этого произведения у него возникли ощущения, схожие с первым впечатлением, о котором он говорил в своем письме Банин от 17 июля 1946 года: "...В вашей книге я обнаружил две крупнейшие темы современности: с одной стороны - падение старого мира, устоявшихся свя-

1. Годжаев Г. Кавказские дни//Азербайджан. - 1989. - № 2.
(на азерб.яз.).

зей, веками слагавшихся взаимоотношений и с другой – появление жизни простой, с новым понятием свободы, которая возможна и даже, может быть, быстро акселирирующая только на развалинах старого. Уголок Европы и одновременно Азии, который стал основным театром описываемых Вами событий, несет в себе свет и красочную палитру совершенно нового и незнакомого мира..."¹ (перевод мой – А.К.).

Э.Юнгер, ссылаясь на известную поговорку о том, что пули и книги имеют свое назначение, пишет о том, что, по его мнению, историческое предназначение имеют и города, к коим он относит Рим и Париж. Города, которым было суждено выжить в тяжелых испытаниях временем, олицетворяют гордость и негибимость человеческого духа.

Появление книги Банин в 1946 году в только избавившемся от фашистской оккупации Париже Юнгер расценивает как большую услугу городу в трудное время: книга дала возможность очнуться, вспомнить о гуманизме, душе, морали, все еще существующих в жизни.

Для нас ценность именно этой части трилогии азербайджанской писательницы заключается еще и в ракурсе взгляда автора, социальной призме, сквозь которую мы не рассматривали данный этап истории народа на протяжении всего периода советской власти. Ведь девушка Ум-буль Бану – представитель тех же слоев общества, что и Али Ширваншир, Нино Кипиани и другие герои романа "Али и Нино" – писательница изнутри этого социального сословия показывает процесс духовного смятения в среде бакинских богачей, наблюдая их не в одном поколении.

Книга Банин "Кавказские дни" представляет собой и ценный историко-культурный фактологический материал. Описываемый ею

¹ Юнгер Э. Предисловие к книге: Банин. Кавказские дни/Париж.- 1985. - С.10 (на франц.яз.).

период становления облика капиталистического Баку, резкий прогресс, скачок в общественном сознании наиболее предприимчивых и образованных для того времени людей привел их к мысли о необходимости меценатской деятельности, направлении огромных средств на строительство, медицину, образование, создание приемлемых социальных условий для всех жителей города, членов общества. Именно в этот период создавался архитектурный облик вырвавшегося за крепостные стены города, строились театры, музеи, лицеи, гимназии, больницы, частные дома, закладывались промышленные окраины Баку¹.

В числе таких отцов города были и описываемые Ум-эль Банин ее дедушки Муса Нагиев, Ш.Асадуллаев, отец М.Асадуллаев, их ближайшие родственники, непосредственное окружение.

Прогрессивные устремления наиболее передовых членов семьи, их тяга к западному, современному в их понимании образу жизни, на фоне восточных традиций и устоев семьи, где слово дедушки, отца - незыблемый закон, получают в душе будущей писательницы, стремящейся к освобождению от патриархальной деспотии, благодатные ростки. Не случайно в них звучит безусловная радость по поводу отъезда в Париж, с теплотой описываются путешествия в Кисловодск, где еще в те времена собирались представители зажиточной части разных народов. Банин лишена была с рождения материнской ласки и воспитывалась приглашенной фрейлин Анной, - ей посвящены многие проникновенные страницы "Кавказских дней", и, видимо, она сыграла не последнюю роль в формировании прозападных взглядов девушки, которые получили в дальнейшем определенное развитие и трансформацию в будущей книге Банин "Парижские дни".

Вопросы взаимоотношения Запада и Востока, их культурных

¹. Об этом подр.см.: Фатуллаев Ш. Градостроительство Баку XIX-начала XX вв. - Ленинград, 1978. - 216с.

традиций никогда не выпадают из творчества Ум-эль Банин, продолжавшей в эмиграции поддерживать связи с литературной общественностью всей выкинутой в Париж "Россией в миниатюре".

Знакомство и дружба с И. Буниным занимает исключительное место в жизни и творчестве Банин, она посвятила великому русскому писателю одну из самых проникновенных своих посестей - "Последний поединок Ивана Бунина". В этом произведении Банин делает еще один логический шаг в углублении документальности, а значит, достоверности изображения: если в автобиографическом романе историческая достоверность изображения опирается на точность каких-то основополагающих воспоминаний, то в этой повести писательница стремится к документальному подтверждению своих переживаний; Письма Бунина - не просто удачно включенные в структуру повести документы, - в комплексе это элементы несущей конструкции, вокруг которой стягиваются в единый узел и чувства, и воспоминания Бунина и Банин¹.

В центре внимания повести Ум-эль Банин "Последний поединок Ивана Бунина" взаимоотношения автора со стареющим, но не теряющим своего огромного человеческого обаяния патриархом, живым классиком русской литературной эмиграции. Познакомившись с ним в гостях у Теффи, известной русской писательницы, с которой, несмотря на возрастное различие, Банин поддерживала тесные дружеские и творческие отношения, писательница привлекла внимание метра своей нестандартной восточной внешностью и образом мышления, который во многом казался Ивану Бунину неприемлемым. Споры о судьбах эмиграции, о национально-религиозных противоречиях России, о художнике в изгнании, стране их пребывания - таков неполный спектр интересов двух авторов, нашедший отражение в содержании писем, теплых по-человечески, сложных и непримиримых в творче-

1. Кулиев Г., Абуталыбова Н. Об Ум-эль Банин... - С. 54.

ском и гражданском аспектах. Не случайно одна из первых советских публикаций отрывка из повести Банин¹ затрагивает вопросы взаимоотношений русской культурной эмиграции с французской писательской средой, которую Бунин обвиняет в невнимании и небрежности к "истинно огромному, историческому и трагическому явлению русской эмиграции", отсутствии желания сблизиться с нею, при этом он апеллирует ко взглядам, исповедовавшимся в то время Ромен Ролланом, А.Жидом, А.Доде, де Рантье и другими. Банин, напротив, напоминает, "что я живу здесь больше четверти века, что я сама - эмигрантка и знаю обо всем не меньше Вашего, если не больше... Вы упрекаете французов в том, что они не проявляют интереса к русским, несмотря на то, что "в среде эмигрантов, оказавшихся во Франции, был чуть не весь цвет русской общественности, русской мысли, русского искусства". Однако сколько русских эмигрантов занимают здесь блестящее положение: Труайя, Триоле, Кассель, Лифарь, Питоев, Гурджиев, тьма художников, актеров, танцовщиков и т.д. и т.д. - невозможно перечислить всех - разве это не проверяет Ваши обвинения?"².

Намекая на известное высокомерие и холодность великого русского писателя, о чем говорили многие, знавшие его люди, Банин пытается понять бунинский характер.

"Как же Вы можете оставаться нечувствительным к красоте этой страны, к ее истории, к ее интеллектуальным богатствам, к ее артистизму? Вы против нее имеете только одно: она страна Вашей эмиграции, а не Россия"³.

Сама Уж-эль Банин, как мы отмечали, писала на французском языке, всячески старалась ассимилироваться, не чувствовать себя чуждой в новой стране. К сожалению, недоступность полного объема

1. Литературная газета. - 1989. - 26 июля. - № 30. - С.7.
2. Там же.
3. Там же.

ее литературного творчества не дает возможности прийти к четкому заключению о том, удалось ли ей это в полной мере, или в глубине души она, как и остальные эмигранты, пронесла свое тщательно скрываемое чувство чужеродности, одиночества и непригодности. На наш взгляд, стремление Банин к ассимиляции не всегда искренне. "Советский Союз не очень страдает без меня, я полагаю"¹; - мило улыбаясь говорит Симоновой азербайджанская писательница, и сквозь скепсис здесь звучит и некая обида за свою отчужденность, подспудная связь с Родиной, вытравить которую неспособны ни годы, ни расстояние. Характерно, что сквозь эту призму виден и неподдельный интерес к Родине как у автора, так и у Бунина, всей остальной эмигрантской общины Парижа: "Признайтесь, - кричал мне Бунин на ухо, прерывая взрывы приветствий, - признайтесь, что мы умеем быть великодушными! Мы, бедные эмигранты, не таим злобы и рады успехам наших бывших врагов. Когда я вспоминаю, с каким увлечением они нас расстреливали когда-то!... Он был прав: сидящие в зале чествовали Симонова, представителя режима, который уникал их. Они, казалось, забыли прошлое своих семей: они радовались, они поздравляли друг друга, но в глубине души оставались непримиримыми. Лишь ничтожное меньшинство завязало снова какие-то связи с Советским Союзом"².

Бурные споры вызывает у писателя проблема Российской империи, ее национальных меньшинств. Бунин, как и многие другие эмигранты, сохранивший имперские взгляды на территориальную неделимость государства (см. гл. I, § 2), ни минуты не сомневаясь, причисляет Банин к русской эмиграции, считает, что даже ее фамилия звучит по-русски (то же чувство сохраняется и у предста-

1. Уль-эм Банин. В Париже после войны...//Слово. - С. 74.

2. Ум-эль Банин. Последний поединок Ивана Бунина. Перевод с французского Е. Зворыкиной//Время и мы (Израиль). - 1979. - № 40. - С. 20.

вителей новой советской интеллигенции - в частности, у четы Симоновых - гостей Парижа), что, однако, глубоко претит Ум-эль Банин, о чем она со свойственной ей прямоотой и резкостью пишет своему великому другу.

К сожалению, не все ее взгляды были в полной мере отражены при публикации в "Литературном Азербайджане" повести о Бунине, где не обошлось без курьез. Так, выпало из текста наиболее резкое обвинение, бросаемое автором своему собеседнику по поводу имперской политики России по отношению к ее Родине: "Я запрещаю вам переодевать меня в русскую. Слышите, запрещаю! Вы превратили мою родину в колонию, ладно, но мы вовсе не смирились с этим "под тенью ваших дружеских клинков", как пишет без всякой иронии ваш великий поэт Лермонтов... Ни семья моя, ни предки, ни религия, ни народ не были русскими..."¹. Выпал этот отрывок и из азербайджанского варианта повести.

Как видно из приведенных слов, чувство национального самосознания, неприятия попыток причислить себя к другой нации, долгое время сохраняется и в более младших поколениях эмигрантов. Здесь же не утраченная за рубежом тяга к независимости своей родины, приверженность к мысли о персидском происхождении азербайджанского народа (влияние панианизма и частично панисламизма, впитанных в духовной атмосфере патриархальной семьи)², ясное осознание его трагической судьбы, проявляемое в момент общения с представителями другой национальности без ложного стыда, а с чувством глубокого патриотизма и ответственности при причислении себя к мировой культуре: "Да, я считаю себя запад-
ным человеком и западным писателем (в переводе - "читателем" -

1. Ум-эль Банин. В Париже после войны...//Слово... - С.74.

2. Кстати, недавно Банин приняла католичество, объясняя это решение просто близостью расположения церкви к ее дому, оговаривая при этом общности всех вероисповеданий: "Бог един".
См.: Агамалиев Ф. Шум мардакянских тополей//Панорама Азербайджана. - 1991. - № 30. - С.4.

явная опечатка - А.К.), а еще больше того - гражданином мира¹.

Рисуя психологические портреты своих современников, Ум-эль Банин старается дойти до их внутреннего мира, найти объяснение всех их привычек, действий - характера в целом. Показательна в этом отношении параллель, которая прослеживается в отношении одной из специфических черт характера, увиденного Банин у своего деда Мусы Нагиева в "Кавказских днях" и у Ивана Бунина в "Последнем поединке...". Ее дед - миллионер-строитель имел мертвую хватку и замечательную практическую сметку, но при этом известен по рассказам как большой скупец, о чем говорит и автор романа. Но если у Нагиева знаменитая скупость в свете многогранности и многосложности его характера выглядит как причуда, искаженное проявление железного характера, то у Бунина причина видится совсем в другом: "Меня часто удивляло, как уживается в писателе или вообще в интеллигентном человеке скупость и бескорыстие. Но это только кажется противоречивым, на самом деле, такая бережливость вызвана не любовью к деньгам, а наоборот, полным отсутствием интереса к ним... для того, чтобы не попасть в рабство к деньгам, надо умерять свои траты"². Отказ Ивана Бунина от возвращения в Москву, нежелание изменять своим принципам при всем понимании того, что на родине его ждет благополучие и почести выглядит в глазах Ум-эль Банин как героический бескорыстный поступок.

Повесть Ум-эль Банин "Последний поединок Ивана Бунина" является весомым доказательством плодотворности контакта разных культурных социумов, сторонником которого всю жизнь выступает автор. Несмотря на то, что каждый из героев повести и жизни остается при своем мнении по большинству вопросов и проблем,

1. Ум-эль Банин. Последний поединок...//Время и мы. - 1979. -

№ 40. - С.20.

2. Там же. - № 41. - С.45.

умение прислушаться, всмотреться, пойти на контакт с необычным духовным миром оппонента свидетельствует о высокой культуре, доминанте общечеловеческих ценностей над частными, узко-разноспецифическими интересами у видных деятелей эмигрировавшей интеллигенции. Будучи выходцами из бывшей Российской империи, несмотря на различное этно-религиозное и языковое представительство, они подсознательно тянулись (или антагонизировали, что тоже есть проявление взаимосвязи) друг к другу, неся в себе элементы некоей причастности к России и ее новой для них форме - Советскому Союзу (ныне распавшемуся).

В литературе азербайджанского зарубежья Ум-эль Банин представляет собой наиболее крупную на сегодняшний день фигуру и изучение философско-эстетического содержания ее творчества станет делом недалекого будущего азербайджанских гуманитариев в сотрудничестве и контакте с французскими и русскими коллегами, - три культурных пласта в ее художественном творчестве - азербайджанский, русский и французский могут быть осмыслены лишь объединенными усилиями ученых, представляющих три культурных региона.

Среди произведений деятелей культуры азербайджанской эмиграции периода 1920-30 годов следует выделить и поэзию, занимавшую довольно объемные полосы журналов и сборников зарубежья и публиковавшуюся отдельными изданиями.

Одним из наиболее ярких представителей национального поэтического зарубежья можно назвать Алмаса Илдырма (Илдырым Абульмагомед оглы Алмас-заде) (1907-1952 гг.). Проникнутая духом гуманизма и общечеловеческих мотивов, в которых заметное место занимала патристическая проблематика, поэзия тех лет представлена и такими именами, как Гусейн Джавид, Ахмед Джавад и Джафар Джаббарлы - начинающий поэт Алмас Илдырым стремился

продолжить творческую тенденцию начала XX века, пронизанную идеями возрождающегося национального самосознания, гордости за принадлежность своему народу, своей земле, и это проявилось уже в публикациях Алмас Илдырма студенческих лет. Однако судьба распорядилась по-иному, творец был оторван от питающих его национальных корней. Исключенный из Бакинского университета по мотивам происхождения (отец А.Илдырма был купцом, что само по себе считалось в конце 20-х годов преступлением) и подвергнутый острой обструкционистской критике как начинающий поэт, придерживавшийся мусаватистских взглядов своих учителей (имелись ввиду подвергнутые гонениям в тот период вышеназванные поэты А.Джавад и Г.Джавид), Алмас Илдырма, как ряд других деятелей азербайджанской культуры, впоследствии был выслан за пределы Азербайджана, вынужден был обитать в соседнем Дагестане, а позже - по тем же мотивам приверженности контрреволюционным воззрениям, не вписывавшимся в официальную доктрину поэтического творчества, - еще дальше за Каспий, в Туркмению, где он сумел найти работу в школе для турецких детей, приехавших в Ашхабад из Ирана и Кавказа. Однако и здесь - Туркмении, он был поставлен перед выбором, либо официально признать свои заблуждения и поддержать чуждую собственным убеждениям идеологию, либо не изменять себе и продолжать творчество в избранном русле. Алмас Илдырма выбрал второй путь, и в 1933 году, примкнув к каравану беженцев, вынужден был покинуть пределы страны и бежать с семьей в Иран, где в мытарствах подорвал здоровье и пробыв там неполный год, перебрался в Турцию.

Именно здесь, работая на различных административных должностях, Алмас Илдырма активно выступает на страницах прессы со своими стихами и публицистикой. К этому периоду творчества относятся книга стихов "Незамолкающий глас" и поэтический сбор-

ник "Азербайджанские песни", где в значительной мере отражено восприятие автором своей национальной культуры, тоска по вынужденно покинутому отечеству.

Противоречивость чувств и переживаний поэта определили проблематику и тональность таких его стихов, как "Прощай, Баку!", "Исповедь Араксу", "В горах Кавказа", "Ностальгия" и др. Лирическое описание высоких гор, широких равнин, волн Каспийского моря, вечного течения рек Аракса и Куры пронизано щемящим чувством утраты, глубокой скорбью из-за отсутствия перспективы вновь увидеть свой край. В поэзии Алмаса Илдырыма зарубежного периода звучит и мотив веры в избранный им путь, своей правоты, надежды, что грядущие поколения признают в нем своего народного поэта, воспевшего на чужбине глубокие национальные и патриотические чувства любви к Родине. В стихотворении "Верю в кных" поэт пишет: "Верю, что сойдет, сотрется с имени моего чернота клеветы, верю в кнух поросль отчизны моей".

Имя Алмас-заде Илдырыма, как и многие другие имена деятелей культуры в условиях жесточайших притеснений и гонений оказалось на долгие годы вычеркнуто из числа азербайджанских поэтов, исключено из сферы научного анализа и исследования. Медленный процесс возвращения его творчества на родину начался лишь в 90-ые годы, когда была опубликована первая небольшая подборка его стихов¹.

Как мы видим, у представителей разных направлений, жанров, возрастов и судеб азербайджанских литераторов проблема Родины, ее художественного осмысления занимала центральное место в творческом процессе. Взгляд, лишенный догматических пристрастий и классовых оценок, характерных для советской идеологии, позво-

¹ Поэт Алмас Илдырым и его стихи. - Баку: Изд-во Союза журналистов, 1990. - 30с. (на азерб.яз.)

лил им правдиво, без предвзятости описать свои чувства и мысли, создать произведения - романы, повести, стихотворения, основанные на мотивах добра и справедливости.

Возвращение художественной литературы зарубежья в художественно-эстетический мир национальной культуры, в духовную сокровищницу азербайджанского народа, безусловно, должно служить формированию объективного взгляда на явления культуры свободного и раскрепощенного от оков схоластических догм и предрассудков, обогатить мыслительный потенциал общества. Стремясь к осмыслению места своей родины в контексте общего развития мировой цивилизации, создавая труды, так или иначе связанные с национальной тематикой, деятели культуры зарубежья способствовали тем самым популяризации своего народа, его духовных традиций и морально-этических ценностей, старались вписать этот феномен в общую книгу истории человечества.

Нынешний период развития различных форм национальной государственности в пределах бывшей Российской империи и распадающегося Союза придает произведениям эмигрировавших писателей новизну звучания и непреходящую в становлении менталитета свободной личности ценность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение трудов, поиски, открытия деятелей азербайджанской, равно как и любой другой национальной эмиграции, является на сегодняшний день одним из перспективных и плодотворных направлений гуманитарной науки многих народов, населяющих территорию бывшего СССР.

Публикации, переводы и оригиналы произведений авторов азербайджанского зарубежья, появившиеся лишь за последние 2-3 года, их анализ позволяет прийти к обоснованным выводам о том пробеле, который был искусственно создан в истории, философии, культуре собственного народа в силу политических причин.

"Именно названная нами плеяда подлинных интеллигентов-патриотов и поборников просвещения и культуры - представляла собой ту "ступеньку", с которой должна была продолжиться азербайджанская литературно-эстетическая традиция после 20-х годов. Будучи разносторонне образованными, владея несколькими европейскими и восточными языками, впитав в себя культурные и просветительские традиции Запада и Востока, они олицетворяли собой вершину развития либерально-демократической мысли. Исключив их из литературно-художественного процесса, вульгаризаторы истории, несомненно, обеднили, точнее сказать, прервали этот процесс"¹.

Современный философско-художественный процесс охвачен пересмотром узкоклассовых позиций, отказом от идеологизированных подходов к явлениям действительности, в том числе и общественным, приоритетом общечеловеческих гуманистических мотивов и ценностей в культуре.

¹ Г. Гулиев Г. К истокам - к истине // Литературное обозрение. - 1990. - № 10. - С.49.

Оценивая с этих позиций творческую и, во взаимосвязи, политическую деятельность азербайджанской национальной эмиграции, мы обнаруживаем яркие примеры личностного человеческого подхода многих ее представителей к вопросам национальной независимости, праву каждого индивида на выбор собственного пути развития. Эмигрировавшие выдающиеся деятели азербайджанской истории и культуры, воодушевленные идеей создания национальной государственности, внесли большой вклад в духовную и материальную культуру народа.

На основе проведенного изучения публикаций эмигрантов-азербайджанцев периода 1920-30 гг. мы можем определить ряд общих закономерностей.

а) В творчестве: публицистике, научных разработках и художественной литературе вынужденно оказавшейся за рубежом интеллигенции осмысление темы Родины, ее места в контексте развития человеческой цивилизации было доминирующим направлением. В произведениях названных авторов, как мы могли убедиться, осмысление это шло через глубокое познание истории культуры своего народа, веками складывавшихся традиций и характера. Именно в тесной увязке со своими историческими корнями - этническими с турецким миром, религиозными с миром ислама и прогрессивно устремленными молодыми ветвями в сторону Европы и, в частности России, нежелании рвать ни одно из этих звеньев деятели эмиграции, разными дорогами пришли к одной мысли: единственно верный путь - это путь независимости в добрососедстве и с Европой, и с Азией.

б) Большинство из деятелей культуры эмиграции, не желая разрывать указанных выше связей, оставались все же более привержены в той или иной степени перспективе духовного объединения и взаимодействия или всех турецких, или мусульманских на-

родов. Именно с этих позиций следует рассматривать и вклад каждого из авторов зарубежья в национальные философские движения того периода.

"...Подобно народам славянским, и в народах, принадлежащих к тюркской расе, зародилась идея национального объединения, которая, приняв в течение известного периода времени характер романтизма, оказала благотворное и прогрессивное влияние в сравнении с религиозно-исламской идеологией, господствовавшей до того времени в тюркско-татарском мире. Однако пантуркизм, обладая еще меньшими реальными условиями и возможностями, чем панславизм, сравнительно в более короткое время пришел к тем же выводам, к каким в свое время и панславизм. И уже сегодня самые ярые пантуранисты доносят лишь заботой - как можно больше сохранить общекультурные ценности",¹ - писал М.Э-Расулзаде.

в) Одновременно с этими воззрениями, исходя, на наш взгляд, именно с культурологических позиций, азербайджанская культурная эмиграция, равно как и любая другая, всеми доступными средствами осуществляла пропаганду и популяризацию духовных ценностей своего народа, представляла его уже как сформировавшийся феномен, на протяжении всей своей истории составлявший самостоятельную страницу всемирной культуры, и ставили свои взгляды в противовес к бытовавшей в то время и, к сожалению, не ушедшей в прошлое традиции исследователей считать азербайджанскую культуру, как составную часть персидской, позже турецкой, а в период XIX-XX вв. русской и, наконец, советской.

г) При этом в трудах азербайджанской эмиграции периода 1920-1930 гг. весьма ощущается и сильное влияние русской куль-

¹ Расулзаде М.Э. О пантуранизме. - Оксфорд, Англия, 1985. - Цит. по: Хазар. - 1990. - № I. - С.66.

туры - как следствие полученного деятелями культуры образования, так и зарождавшихся в начале века прогрессивных устремлений и традиций. "Открытие в Баку месторождений нефти, несомненно, ускорило стремительное освобождение мусульман Кавказа: внезапная удача бросила им в руки огромные средства, которые позволяли им пользоваться всеми благами цивилизации, и отняла у них вкус к суровой и простой жизни предков", - считает Банин¹. Необходимо отметить, что эмиграция в определенных нами рамках понятия этого термина, происходила именно из слоев, пользовавшихся этими возможностями и, обучаясь и путешествуя по России и Европе, стала чувствовать себя составной частью этого большого, нового для себя сообщества. Практически все они в эмиграции пронесли это чувство причастности к единой государственности, не прерывая связей, соперничая порой, а больше объединяясь на разнообразных платформах с представителями большинства российских эмигрантских общин.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает высказываемые в последнее время мысли о необходимости признания значения деятельности азербайджанского культурного зарубежья. Несмотря на разные подходы к вопросам политического устройства бывшей Российской империи, отделять эмигрантов, внесших значительный вклад в философскую и культурную деятельность своего народа, от современного художественного процесса направленно. Введение их в историю национальной культуры, включение в учебники и научный оборот не только обогатит наше представление о философско-художественной реальности прошлого, но сделает необходимым переакцентировку позиции их идейно-политических оппонентов, даст объективную картину культурного процесса начала

¹ Ум-эль Банин. Кавказские дни/Панорама Азербайджана. - 1991. - № 37. - С.4.

века.

Исследование подтверждает необходимость создания единой антологии или, по крайней мере, описания всей выехавшей "России в миниатюре", в котором были бы охвачены все связи и контакты различных диаспор.

Вместе с тем, содержащийся в настоящем труде материал может быть применен в методологическом аспекте к изучению других гих турецких эмиграций из России, их культурного наследия. Подобные исследования видятся автору чрезвычайно актуальными в свете создания новых форм государственности в пределах как бывшего СССР, так и в Российской Федерации при пробуждении чувства национального самосознания и стремления к независимости всех - и малых и больших народов.

Выработанные на основе планомерного объективного изучения истории и культуры различных национальностей теоретические заключения и рекомендации, освобожденные от классовых и прочих идеологических установок, безусловно, будут способствовать созданию новых форм управления духовной жизнью многонационального общества с учетом интересов каждой свободной личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I

1. Агаев Ахмед-бек. Об исламе без фанатизма//Новое время.- 1991. - № 6. - С.40-42.
2. Агамалиев Ф. Шум мардакянских тополей//Панорама Азербайджана. - 1991. - № 36. - С.4.
3. Агамаль Садиг. Жажда верного слова//Лит.Азербайджан. - 1987. - № 10. - С.86-87.
4. Адамович А. Тихое имя//Лит.газета. - 1989. - № 42. - 18 октября. - С.4.
5. Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. - Париж, 1971. - С.29.
6. Азербайджанско-европейские литературные связи. - Баку: ЭЛМ, 1985. - 332с.
7. Алданов М. О положении эмигрантской литературы//Современные записки (Париж).- 1936. - № XI. - С.401-402.
8. Алиев Юсуф Али. Мысли азербайджанца//Кавказ, орган независимой национальной мысли. - Париж. - 1935. № II/23. - С.27-30.
9. Алькаева Л.О. Очерки по истории турецкой литературы 1908-1939 гг. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - 219с.
10. Алькаева Л., Бабаев А. Турецкая литература. - М.: Наука, 1967. - 189с.
11. Анкета "И.Л.". О феномене литературы зарубежья//Иностр. литература, -1989. - № 2, 3.
12. Анненков П.В. Литературные воспоминания. - М.: Правда, 1979. - 681с.
13. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. - М.: Безбожник, 1930. - 140с.
14. Ататюрк Кемал Мустафа. Избранные речи и выступления. (Автор предисловия и составитель Миллер А.Ф.)- М.: Прогресс, 1966. - 438с.
15. Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 311с.
16. Ахундова Н. Дети осени//Вышка. - 1991. - 25 мая. - С.4-5.
17. Баграмов Л.А. Иммигранты в США. - М.: МИУ, 1957. - 159с.
18. Бадаев А. Мамед Эмин Расул-заде//Хазар. - 1990. - № I. - С.38.

19. Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. - Л., 1925. - 128с.
20. Белова К.А. Эволюция общественного идеала в сознании турецкой интеллигенции (на материалах художественной прозы XX в.)//Турция: история и современность. - М.: Наука, 1988. - С.176-184.
21. Беляев А.А. Идеологическая борьба и литература: критический анализ американской советологии. - М.: Худ.литература, 1988. - 445с.
22. Бенигсен А. Мусульмане в СССР. - Paris : УМСА-Пресс.- 1983. - 87с.
23. Бердяев Н.А. Кризис искусства. Репринтное воспроизведение издания Г.А.Лемана и С.И.Сахарова 1918 г. - М.: СП Интерпринт, 1990. - 48с.
24. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМСА-Пресс, 1955 г. - М.: Наука, 1990. - 224с.
25. Бродский И. Я принадлежу русской культуре. Интервью//Собеседник. - 1989. - № 42.- С.12.
26. Бузник В. Русская советская проза 20-х годов. - Л., 1975. - С.279.
27. Валуцкий А.М. К вопросу о создании первых младотурецких организаций//Ученые записки Института востоковедения. - Т.ХIV. - 1956. - С.197-221.
28. Везиров Юсиф (Чеменземинли). Избранное. - Баку: АзГосиздательство, 1973. - 468с.
29. Везиров Ю. Доклад//Азербайджан. - 1919. - 1 августа.
30. Везиров Ю. (Чеменземинли) В крови: Избранное; Девичий родник: роман; В Крови: Роман; Его высочество едет в Париж: Комедия; Алтунсац: Киносценарий/Сост., авт. предисл. и примеч. Гусейнов Т. - Баку: Азернешр, 1985. - 448с.
31. Велиев М. Алибек Гусейн-заде//Хазар. - 1990. - № 2.
32. Величко В.Я. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы. - Санкт-Петербург, 1904. - 248с.
33. Взаимосвязи литератур Востока и Запада. - М.: Изд-во восточной литературы, 1961. - 250с.
34. Волкова Е.В. Произведение искусства в мире художественной культуры. - М.: Искусство, 1988. - 240с.
35. Вольные Горцы. Орган народной партии вольных горцев Кавказа. - Прага, 1927.
36. Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. - М.: Наука, 1982. - 293с.

37. Гаджибейли Джейхун бек. О любви к Родине//Кавказ. Орган независимой национальной мысли (Париж). - 1934. - № 6.- С.7-9.
38. Дагестани Д. (Гаджибейли Дж.) Пробуждение Азии и национальной вопрос в России//Кавказ. Орган независимой национальной мысли (Париж). - 1935. - № II/23. - С.6-8.
39. Гаджиев Т.М. Социальная роль искусства в истории домарксистских эстетических учений Азербайджана//Вестник Московского университета. Философия. - 1983. - № 2. - С.44-48.
40. Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908-1914 гг.). - Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1966. - 161с.
41. Гасанова Э.Ю. Об идеологии национально-освободительного движения в Турции и роли Кемаля Ататюрка в ее развитии//Турция. История и современность. - М.: Наука, 1988. - С.165-176.
42. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Д.А. Очерки истории Турции. - М.: Наука, 1983. - 279с.
43. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. - М.: Сов.писатель, 1988. - 448с.
44. Гольдин Л. Искусство - художник - новое время (о фестивале русского культурного зарубежья)//Сов.культура. - 1989. - 17 октября. - С.2.
45. Грознова Н. Ранняя советская проза. 1917-1925. - Л., 1976. - С.203.
46. Гулиев Г. Возвращение, переосмысление, новизна//Лит.Азербайджан. - 1990. - № 12. - С.114-120.
47. Гулиев Г. К истокам - к истине//Лит.обозрение. - 1990. - № 10. - С.48-51.
48. Гулиев Д.П. Крупное историческое событие. Доклад на научно-практической конференции, посвященной 28 апреля 1920 года//Бак.рабочий. - 1991. - 27 апреля.
49. Гумилев Л.Н. Этносы и антиэтносы//Звезда. - 1990. - № 1-3. - С.134-143, 119-129, 154-169.
50. Гусейн Шариф. Всегда ваш...//Лит.Азербайджан. - 1989. - № 1. - С.111-113.
51. Гусейнов Ч.Г. Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня: Монография. - М.: Сов. писатель, 1988. - 432с.
52. Декларация Верховного Совета Азербайджанской Республики "О восстановлении государственной независимости Азербайджанской республики" от 30 августа 1991 г.//Бак.рабочий. - 1991. - 3 сентября.

53. Джусойты Н. Что это такое - родной язык писателя?//
Вопр.лит. - 1988. - № 7. - С.29-57.
54. Документы Министерства иностранных дел Германии.
Выпуск П. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.).
- М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1946. - 143с.
55. Еремеев Д.Е. Кемализм и пантуркизм//Народы Азии и Афри-
ки. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - № 3. - С.56-70.
56. Зареванд. Турция и пантуранизм. - Париж, 1930. - 51с.
57. Заречкин Д. В чьих парусах исламский ветер?//Лит.газета.-
1991. - 19 июня. - С.4.
58. Здесь они были гостями...//Вышка. - 1990. - 30 августа.
59. Иванов В.В. Культура не делится//Советская культура. -
1989. - 21 сентября. - № 113.
60. Иванов Вяч., Гершензон М.О. Переписка из двух углов.-
Петербург: Изд-во Алкомост, 1921.
61. Иванова Н.Б. Воскрешение нужных вещей. - М.: Моск.рабо-
чий, 1990. - 271с.
62. Йоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции.-
М., 1977.
63. Исмаилов Р.Д. Азербайджанско-французские литературные
связи. - Баку: Язычи, 1983. - 214с.
64. Кавказиалы. Чистка в Азербайджане//Кавказ. Орган незави-
симой национальной мысли (Париж). - 1937. - № I. - С.16-17.
65. Караван высоких дум (литературно-критические портреты). -
Баку: Язычи, 1989. - 392с.
66. Караев А.М. Азербайджанская культура в журнале "Азербайд-
жан юрт бильгиси"//Лит.Азербайджан. - 1991. - № 7-8.
67. Караев А.М. Единое древо культуры//Панорама Азербайджана.-
1991. - № 15.
68. Караев А.М. Историческая родина и диаспора (по материалам
литературы азербайджанского зарубежья). - М.: Изд-во РАУ,
1991. - 24с.
69. Караев Я.Г. Типология или стереотипы//Вопросы литературы.-
1989. - № 8. - С.64-70.
70. Каррыев Б.А. Эпические сказания о Кёроглу у тюркоязычных
народов. - М.: Наука, 1968. - 268с.
71. Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. -
Калинин: КГУ, 1979. - 61с.
72. Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы второй
мировой войны. - Ереван: АН АрмССР, 1977. - 186с.

73. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. - М.: Международные отношения, 1930. - 463с.
74. Кочарли Фиридун-бек. Азербайджанская литература (в 2 томах). - Баку: Эли, 1978, 1981 гг.
75. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. - Париж: Изд-во ИИКА-Гревв, 1984. - 84с.
76. Крымский В. Пантюркисты - фашистская агентура в Турции// Большевик. - 1944. - № 10-11. - С.79-85.
77. Кулиев В. Он сам выбрал свой путь//Лит.Азербайджан. - 1987. - № 10. - С.87-92.
78. Кулиев Г., Абуталыбова Н. Об Ум-эль-Банни и о ее творчестве//Лит.Азербайджан. - 1988. - № 9. - С.50-56.
79. Кулиев М. Враги Октября в Азербайджане. - Баку: АзГИЗ, 1927. - 53с.
80. Кули-заде З.А. Теоретические проблемы истории культуры Востока и низамиведение. - Баку: Эли, 1987. - 232с.
81. Культура, человек и картина мира/Отв.ред.д.ф.н.Арнольд-дов А.Я., к.ф.н.Кругликов В.А. - М.: Наука, 1987. - 348с.
82. Курбанов Б.О. Искусство Азербайджана за рубежом. - Баку: Изд-во Иштыг, 1984. - 175с.
83. Курбанов Б.О. Идеино-эстетические проблемы литературы и искусства Азербайджана (научно-аналит.обзор зарубежной литературы). - Баку: Эли, 1977. - 177с.
84. Курбанов Ш. Брат Узеирбека//Вышка. - 1989. - 29 октября.
85. Курд. Трагедия Азербайджана//Вольные Горцы. Орган народной партии вольных горцев Кавказа. - Прага, 1927. - 26 марта. - № 1.- С.11-13.
86. Лавров В.В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции 1920-53 гг. Роман-хроника. - М.: Мол.гвардия, 1989. - 381с.
87. Лемерсье-Келькеже Ш. Внешние влияния на Азербайджан// Издания Американской Ассоциации славистики. - 1980. - 24-25 апреля. - 13с.
88. Ленин В.И. Пробуждение Азии//Полн.собр.соч.-Т.23.-С.145-146.
89. Ленин В.И. Тезисы по национальному и колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна//Полн.собр.соч.-Т.41.-С.161-168
90. Листая старые страницы. Диалог поэта-переводчика И.Дадашидзе и литературоведа-критика В.Кулиева//Лит.Азербайджан.- 1989. - № 12. - С.97-103.
91. Литературе эмиграции - право гражданства//Бак.рабочий. - 1991. - 2 апреля.

92. Дихоносов В.И. Наш маленький Париж. Ненаписанные воспоминания. - М.: Сов. писатель, 1967. - 608с.
93. Магеррамов Д.Н. Из истории интернациональной помощи пролетариата Азербайджана иранскими революционерам в начале XX века. - Баку: АН АзССР, 1967. - 17с.
94. Мамедов А.С. Свободомыслие просветителей Азербайджана. - Баку: Азернешр, 1987. - 140с.
95. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. - 144с.
96. Материалы к истории освободительного движения народов России (1941-1945). Изд-во Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), 1970. - 75с.
97. Маштакова Е.И. Проблемы отечественного романа в критике и литературоведении Турции (По материалам одной дискуссии) // Литературная критика стран зарубежного Востока и ее роль в развитии общественной и эстетической мысли. - М., 1988. - С.93-107.
98. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. - Л., 1928. - С.209.
99. Методология современного литературоведения (проблемы историзма). - М.: Наука, 1978. - 366с.
100. Моль А. Социодинамика культуры. - М.: Прогресс, 1973. - 406с.
101. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение/Сост. П.В. Алексеев. - М.: Политиздат, 1990. - 528с.
102. Набоков В. Меж двух берегов. "Круглый стол" "ЛГ" // Лит. газ. - 1988. - 17 августа. - № 33.
103. Неманов Л. Азербайджан и Россия // Современные записки (Париж). - 1921. № 5. - С.270-273.
104. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. мат. в трех томах. - М., 1965-1966.
105. Одоевцева И. На берегах Сены // Звезда. - 1988. - № 8, 9, 10.
106. О переводе азербайджанской письменности с латинского на русский алфавит. Из доклада народного комиссара просвещения Азербайджанской ССР тов. М. Мамедова // Советские Азербайджанцы. - 1939. - № 6-7. - С.33-37.
107. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. - М., 1934.
108. Печчеи, Аурелио. Человеческие качества. - М.: Прогресс, 1985. - 264с.

109. Письма в редакцию журнала "Кавказ"//Кавказ. Орган независимой национальной мысли (Парих). - 1935. - № 9-10/21-22. - С.45-47.
110. Призыв к соотечественникам участников Международного симпозиума "Литература азербайджанского зарубежья (XX век)". г.Баку, 1-5 апреля 1991 г.//Бак.рабочий. - 1991. - 12 апреля.
111. Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. - Баку, 1927. - С.195.
112. Раевский А. Партия "Мусават" и ее контрреволюционная работа. - Баку: АзГИЗ, 1929. - 64с.
113. Размышления после убийств. Беседа с Ч.Гусейновым//Бак.рабочий. - 1989. - 14 мая.
114. Расул-заде М.Э. О пантуризме. В связи с кавказской проблемой//Хазар. - 1990. - № 1. - С.65-81.
115. Расул-заде М.Э. Сиявух нашего века//Хазар. - 1990. - № 1. - С.39-64.
116. Родина - превыше всего. Об азербайджанской эмиграции впервые и открыто//Бак.раб. - 1989. - 12 августа.
117. Русский Берлин. 1921-1923. По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте, США. - Париж: Изд-во ПИКА-Пресс, 1983. - 103с.
118. Сагадеев А.В. Гуманистические идеи в исламе и классической мусульманской культуре//Вышка. - 1991. - 6,7,8 июня.
119. Светоховский Тадеуш. Русский Азербайджан 1905-1920. Формирование национального самосознания в мусульманском обществе//Хазар. - 1991. - № 1, 2.
120. Семченко А. Настоятель Сергиевского подворья//Панорама Азербайджана. - 1991. - 10 января. - № 1.
121. Сиявский А. Диссидентство как личный опыт//Дносьть. - 1989. - № 5. - С.88-91.
122. Скачков И.В. Герой и история. Монография. - М.: Советский писатель, 1988. - 352с.
123. Струве Г. Русская литература в изгнании. - Париж: Изд-во ПИКА-Пресс, 1984. - С.364.
124. Сулейманов М. Дни минувшие//Араз. - 1990. - № 3. - С.3-179.
124. Счастье жизни - в свободе. Речь председателя Национального совета Мамед Эмина Расул-заде 7 декабря 1918 г. на заседании Азербайджанского парламента//Бак.рабочий. - 1991. - 28 мая.
126. Талыб-заде К. История азербайджанской литературной критики. - Баку, 1984. - С.234.

127. Токаржевский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. - Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1957. - 331с.
128. Турция: история и современность: Сб.ст./Ред.Гасанова Э.Д., Данилов Д.И. и др. - М.: Наука, 1988. - 263с.
129. Ум-эль Банин. В Париже после войны//Слово. - 1990. - № 10. - С.73-76.
130. Ум-эль Банин. Кавказские дни//Панорама Азербайджана. - 1991. - №№ 36, 37, 38.
131. Ум-эль Банин. Последний поединок Ивана Бунина (Перевод с французского Е.Зворыкинов)//Время и мы (Израиль). - 1979. - №№ 40, 41.
132. Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку XIX-начала XX вв. - Л., 1978. - 216с.
133. Философия и история культуры. - М.: Наука, 1985. - 320с.
134. Халилов Г.В. Идеи гуманизма в общественной мысли Азербайджана (вторая половина XIX и начало XX века). - Баку: Элм, 1984. - 273с.
135. Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918-1923 гг. - М.: Наука, 1966. - 359с.
136. Шамсутдинов А.М. Турецкая республика. Краткий очерк истории. - М.: Изд-во восточной литературы, 1962. - 95с.
137. Шамсутдинов А.М. Участие султанской Турции в интервенции против Советской России в 1918 г.//Ученые записки Института востоковедения. - Т.ХIV. - 1956. - С.163-196.
138. Шукуров Ш. Что такое культура ислама//Лит.газ. - 1991. - 5 июня. - № 22.
139. Шейх-Уль-Ислам-заде А. В Азербайджанской эмиграции//Кавказ. Орган независимой национальной мысли (Париж). - 1935. - № 9-10/21-22. - С.30-32.
140. Эльчин. Поле притяжения. Критика: проблемы и суждения (пер.с азерб.). - М.: Советский писатель, 1987. - 288с.
141. Эльчин. Потерянное дитя//Лит.газ. - 1989. - 15 февраля.
142. Эльчин. Ум-эль-Банин: "Я родом из Азербайджана"//Лит.газ. - 1989. - 26 июля. - № 30.
143. Энгельс Ф. Эмигрантская литература//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т.15. - С.231-264.
144. Юсиф Самедоглу. Ностальгия по Баку//Лит.газ. - 1991. - 29 мая. - № 21.

П

1. Гусейнов Т.Д. Жизнь и творчество Усифа Везира Чеченземинли: Дисс...на соиск.учен.степени д-ра филолог.наук.- Баку, 1989. - 408с.
2. Дурдыев Я.К. Социально-политическая направленность исламоведческих исследований западных советологических центров: Дисс...на соиск.учен.степени канд.филос.наук. - М., 1990. - 136с.
3. Курбанов Ш.Д. Азербайджанская литература в Закавказской русской прессе (1905-1917 гг.): Дисс...на соиск.учен.степени д-ра филолог.наук. - Баку, 1965. - 235с.
4. Смелъченко Н.А. Проблема культурного наследия в идейной жизни советского общества первой половины 1920-х годов: Дисс...на соиск.учен.степени канд.филос.наук. - М., 1985. - 253с.
5. Пашаев М.Д.А. Литературные школы в азербайджанской литературе XX века (1905-1917 гг.): Дисс...на соиск.учен.степени канд.филолог.наук. - Баку, 1945. - 516с.

III

1. Библиография русской зарубежной литературы 1918-1958 гг. Сост.доктор филолог.наук Людмила А.Фостер. - I-2 т. - G.K.Hall & Co., Boston, Mass., 1970.
2. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. - Paris, Librairie des cinq continents 1971.- 347 с.
3. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920-1980 гг. Свободный указатель статей. - Paris, Bibliothèque Russ Tourguenev,- 1988.
4. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1952 гг. - Мюнхен, 1953. - 165с.

IV

1. Agaoglu, Samet. Babamin arkadaqlari.- Istanbul;Nebioglu yayinevi, 1959.- 177 s.
2. Agaoglu Streyya. Bir ömür böyle geçti. Sessiz gemiği beklerken.- Istanbul: Aġaoġlu yayinevi, 1964.- 255 s.
3. Alexeyeva Ludmilla. Soviet Dissent. Contemporary Movements for National, Religious and Human Rights.- Wesleyan University Press, 1985.- 31 p.

4. Allworth E., Nationalities of The Soviet East. Publications and writing systems.- New York, London, 1971.- 440 p.
5. Ars islamica. Published semi-annually by the Research seminary in islamic art. Division of fine arts, University of Michigan and the Detroit institute of arts. Editor Mehmet Aga-oglu.- Mibhigan: Ann arbour,- M CM XXXIV.- 1935-1938.
6. Azerbaycan. Türk Kültür dergisi .Azerbaycan kültür der -
meginin yayin organidir. 1952-1991.
7. Azerbaycan yurt Bilgisi. Ayda bir uesrolunur. Müdürlüğü Dr.
Caferoğlu Ahmet.- Istanbul, Bırhanettin Matbaası,-1932-1934.
8. Banine . Joura-Caucasiens. Autobiographies Avant-propos
d'Ernest Jünger. Paris, 1985.- 257 c.
9. Bakon centre d'une nouvelle culture. Le congrès du Turko-
logie de Bakon en mars 1926)(par J.Castagne. traduit a.
Agshehirli) // Revue du Monde Musulman.- 1926.- Vol.63.-
P.15-127.
10. Bennigsen A.A. Ismail bey Gasprinski (Gaspraly) and the ori-
gins of the ja did movement in Russia. Предисловие к книге:
Исмай бей Гаспринский. Русское мусульманство.
- Oxford: The Society for Central Asian Studies.-1985.-с.121.
11. Bennigsen A. Quelque jay Ch. Les mouvements nationaux chez
les musulmans de Russie.- Paris, The Hague, Mouton, 1964.-
191 p.
12. Bennigsen A. and Lemerrier-Quelque jay. Ch. La Presse et le
mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920.-
Paris- The Hague: Mo ton, 1964.-
13. Bulletin d'information de l'Azerbaïdjan.- Paris, 1919-1920.-
Nr.1-12.
14. Carrère d'Encasse , Hélène. Réforme et révolution chez les
Musulmans de l'Empire Russe.- Paris, 1966.- 290 p.
15. Castagne, Joseph. Le Bolehevisme et l'Islam. Les organisa-
tions soviétiques de la Russie musulman// Revue du Monde Mu-
sulman. N LV, juin-spr., 1923.- PP.2-193.
16. Central Asiatic Studies. Amonograph series devoted to the
culture, history , and languages of Central Asia and its
peoples. Edited by Karl Jahn (Univ of Leiden) and John R. Krue-
ger (Univ. of Washington) -S'-Gruvsnhage: Mouton & Co., 1957.-
402 p.
17. Conquist R., Soviet Nationalities Policy in Practice.- London,
1967.- 61 p.

18. Daghestani. Cheikh Sanan// Revue du Monde Musulman,-1914.-
Septembre.- Vol.XXVIII.- P.259.
19. D.Z.T. Le theatre en Azerbaïdjan.// Revue du Monde Musulman.-
1926.- premier trimestre.- Vol.LXIII.- P.127-145.
20. Dergi. Soviet Socialist Cumhuriyetlerin Birliđi Tarik ve
Kültürünün Tetkik Enstitüsü. Müdyr Mirza Bela.- Munich.-
1955.-1961.
21. Dumont .Paul. La revue "Turk yurdu" et les musulmans de
l'Empire Russe. 1911-1914// Cahiers du Monde russe et
soviétique.- juil.-dec.,XV (3-4).-1974.- PP.315-331.
22. Egretand Marcel. L'orient soviétique ,Kazakhstan,Ouzbe-
kistan, Kirghizie, Tadjikstan, Turkménistan,Azerbaïdjan.-
Paris, Edition Sociales, 1959.- 279 p.
23. Gottfried Rudolf. Autobiography and art: an Elizabethan
Borderland.// Literary criticism and historical understand-
ing. Selected papers.- N.Y.,London,1967. -P.106-113.
24. Hadjibeyli D. Memoires et traductions. Le dialecte et le
folklore du Karabagh (Azerbaïdjan du Caucase) // Journal
Asiatique.- 1933.- janvier-mars, -P.31-144.
25. Hajibeyli, Jeyhoun Bey. The origins of the national press
in Azerbaijan. Period of stabilization .1905-1910// The
Asiatic Review.(London).-1931. N 27.-P.349-357.
26. Hadjibeyli (Djeyhoun bey). Un historien Azerbaïdjanien
du debut du XVIII siecle: Abbas Kouli Agha Bakhikhanoff//
Journal Asiatique.- 1928.-juillet-septembre.-P.149-157.
27. Handbook of major Soviet Nationalities./Edited by Lev Katz).-
- New York, London: Macmillan Publishing Co.,1975.-246 p.
28. Hostler Ch.Turkism and the Soviets: The Turks of the World
and Their Political Objectives.- London: Allen and Unwin,
1957.- 244 p.
29. Kazenzadeh F . The Struggle for Transcaucasia,1917-1921.-
New York: George Ronald, Oxford Philosophical Library,
1951.- 356 p.
30. Laszorini Edward. Jadidism at the Turn of The Twentieth
Century// Cahiers du Monde Russe et Soviétique.-1975.-
April-juin.-Vol.XVI.- N 2.- P.254.
31. Literary criticism and historical understanding .Selected
papers from the English Institute. /Edited with a foreword
by Phillip Damon/.-New York & London:Columbia university
press,1967.- 234 p.
32. Mercanligil H.D. Mehmet Emin Resulzâde// Azerbaycan.-1990.-
mayis-Haziran.-seh.20-22.

33. Mirza Bela. Azerbaycan Sovyet Cumhuriyeti'nin Menşei Hakkında // Azerbaycan.- 1990.- mart-Nisan.-seh.13-24.
34. Mirza Bela Mehmetzade Milli Azerbaycan Hareketi./Yayına Hazırlayan Ahmet Karaca/.- Ankara, 1991.-239 s.
35. The new islamic presence in Western Europe// The islamic quarterly.- 1910-1989.- third quarter.- P.206.
36. Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917 to 1923.- Harvard University Press,1954.- 255 p.
37. Rezulzade, Mehmet Emin , Azerbaycan kültür gelenekleri: "Azerbaycan kültür Derneği'nin teğebbüsü ile, 28 Mayıs 1949 da, Ankara Halkevi binasında verilen Konferans.-Ankara, Sipahi Matbaası, 1949.- 29 p.
38. Rezulzade, Mehmet Emin, Azerbaycan sairi Nizami, sekiz-yüzüncü yıldönümü münasebetiyle, 1941-1941.-İstanbul, Millî Eğitim Basımevi, 1951.-402 p.
39. Rezulzade ,Mehmet Emin, Sefibeycilik, bozgunu sefi Beyin nasriyat ve ifşaatı dolayısıyla efkârı ummiyeyi tenvir.- İstanbul, 1934.- 69 p.
40. Shtromas Alex .dr. Who are the Soviet dissidents? - University of Bradford Ernest Stockdale lecture,1977.
41. Swietochowski Tadeusz. The Himmât party. Socialism and the national question in Russian Azerbaijan 1904-1920// Cahiers du monde Russe et soviétique.-1978.-Vol.XIX.-N 1-2. PP.119-142.
42. Swietochowski Tadeusz. Russian Azerbaijan ,1905-1920: The shaping of National Identity in a Muslim Community.- Cambridge University Press,Cambridge ,London,New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1985.
43. The Turkie languages and literatures of Central Asia. A bibliography /Compl.by Rudolf Loewenthal/.-S.-Gravenhage.- Mouton & Co.,1957.-
44. Townsoud W.G., Azerbaïdzhan's fifty years.Languages and life// New World Review.- 1970.- Vol.38, - N 2.-P.65-71.
45. Yousoufbek Vesiroff. Un coup d'oeil sur la litterature de l'Azerbaïdjan.// Revue du Monde Musulman.-1922.- V.50.- P.101-120.
6. Zenkovsky S. A. Pan-Turkism and Islam in Russia.-Cambridge: Harvard University Press,1960.- 345 p.

1. Аббас Абдулла. Балгејис-ханым сар олсајды... II Әдебијјат ве ичәсәнет. - 1987. - 25 декабр.
2. Аббас Абдулла. Баләрәкдән унутдуғларымыз. II Әдебијјат гәзәти. - 1991. - 14 ијун.
3. Абдулајева К. Кенерал-шәргилунас. II Елм. - 1988. - 25 ијун.
4. Ағајев И. Халгын ницаты ве әдебијјат. II Әдебијјат гәзәти. - 1991. - 31 мај.
5. Азәрбајҗан Демократик Республикасы: Азәрбајҗан һе күмәти I 1918-1920 I. - Б.: Кәнчлик, 1990, - 96 с.
6. Азәрбајҗанн дидәркин салынми өвлади шаир Алмас Илдрымн ше рәриле. Тәртиб ве өн сөз һачи һачијевиндир. - Б.: Азәрбајҗан Журналистләр Иттиҗағы, 1990, - 30 с.
7. Акчүра, Јусиф. Әһмед бәј Ағаоглу. II Елм. - 1991. - 30 март.
8. Анар Рзајев. Кәзмәје гәриб өлкә. II Гобустан. - 1970. - №4. - С. 66
9. Анар Рзајев. Әдебијјатимыз заманн сынағы гаршысында. Азәрбајҗан јазычыларын IX гурултајында мә"руза. II Әдебијјат гәзәти. - 1991. - 29 март.
10. Ахундова М. Јусиф Везир Чәмәнзәминли: Монографія. - Баки: Јазычи, 1981, - 108 с.
11. Ахундов Н., Тејмуров М. "...ачығ јазмағы да бачармағ лазымдыр" II Әдебијјат ве ичәсәнет. - 1990. - 14 декабр.
12. Бајрамов Г. Азәрбајҗан Демократик республикасы. II Коммунист. - 1990. - II мај.
13. Бир мегаләнин изи илә... II Азәрбајҗан. - 1989. - С. 184-187.
14. Велијев В. Әбеди јашајан Азәрбајҗан. II Баки. - 1988. - №4. - С. 51
15. Гәһраманов Ч. Гижметли әсәр. II Азәрбајҗан. - 1989. - №8. - С. 152
16. Гоцајев һ. Гағгаз күнләри. II Азәрбајҗан. - 1989. - №2. - С. 16
17. Гулијев В. Әһмед Чәфәроғлу. II Әдебијјат гәзәти. - 1991. - 15 мај
18. Гулијев В. Мирзә Казым-бәј. - Баки: Јазычи, 1987.
19. Гурбан Сәид кимдир? II Елм ве һәјат. - 1987. - №12. - С. 13-14
20. Елчин. Әдәби просес: олум ја әлум. II Әдебијјат гәзәти. - 1991. - № 40, 41
21. Әлијев М. Мирзә Бала Мәммедзаде. II Азәрбајҗан. - №10. - С. 118
22. Әлијев М. Чәјһун бәј һачыбәјли. II Олар јурду. - 1988. - №20

23. Әлијев М. Мәммед Әмин Ресулзаде. II Оллар Журду.-1988.-№17
24. XX-чи әср азербайжан әдебијјатынын мәсәләләри.-Баки:Елм, 1989,-230 с.
25. Јусиф бәј Везиров. Азербайжан әдебијјатына бир нәзәр. II Азербайжан.-1989.-№8.-С.153-162; -№9.-С.123-141
26. Керимов К. Сенетшунас. II Әдебијјат ве инчәсенет.-1988.-3ма
27. Кечәрли Ф. "Азиатик журналы" ве Азербайжан. II Елм ве һәјәт -1982.-№1.-С.31-33
28. Мәммедзаде, Мирзә Бала. Азербайжан тарихинде турк Албанија II Азербайжан.-1989.№10.-С.119-129
29. Мәммедзаде, Мирзә Бала. Вәтән галды... II Әдебијјат гәзети -1991.-№42
30. Мәммедов К.Д. Јусиф Везир Чәмәнзәминли.-Баки:Азәрнәшр,1987,-272 с.
31. Нәсибзаде Н.Л. Азербайжан Демократик Республикасы I сәнад-ләр ве мәгәләләри -Баки:Елм, 1990,-122 с.
32. Рамз Абуталыборлу. Рәссам Ибраһим Сәфи. II Әдебијјат ве инчәсенет.-1990.-27 ијул №281
33. Расим Камалоглу. Умумтурк Әдәби дили. II Әдебијјат ве инчәсенет.-1990.-23 нојабр №461
34. Ресулзаде М.Ә. Бәјук композитор һачибәјли Үзәјир. II Әдебијјат ве инчәсенет.-1990.-№14
35. Ресулзаде М.Ә. Әлимердан бәј Топчубаши. II Әдебијјат ве инчәсенет.-1990.-№16
36. Ресулзаде М.Ә. Милли дирилик. II Әдебијјат гәзети.-1991.-№ 43,44
37. Ресулзаде М.Ә. Формада да, мәзмунда да руслашдырма. II Әдебијјат ве инчәсенет.-1990.-№41
38. Ресулзаде М.Ә. Әсримизин Сијавушу, Чағдаш Азербайжан әдебијјаты, Чағдаш Азербайжан тарихи.-Баки:Кәңчлик,1990, II2 с.
39. Ресулзаде М.Ә. Азербайжан Чумһуријјәти.-Баки:Елм,1990,-II6с.
40. Сулејманов М.Ф. Ешитдикләрим, охуругларым,Көрдүкләрим.-Баки:Азәрнәшр, 1989,-376 с.
41. Султанлы В. Мәммед Әмин Ресулзаде муһачирәтде. II Азербайжан гәзети.-1990.-21 декабр
42. Талыбзаде К. Әһмед Ағаоглу. II Азербайжан.-1989.-№1.-С.133
43. Хәлилов Г. Нәләр јада дүшмәз... II Азербайжан.-1988.-№ 4.-С.70-73

44. һачыјев һ. Ерчијас көрүшлери. II Коммунист.-1990.-24 ијун
45. һусејнов Ч. Франса дөјтери. II Улдуз.-1967.-№7.-С.52-59
46. Чөјеров Н. Бир миллетин ики оглу, јахуд миллет өз огуллары
иле өзуне дөјүр. II Әдәбијјат ве ичәсәнет.-1990.
-28 сентјабр. I №371
47. Чөјерзаде Ә. ИРС-ин Түркија ве Кипр сөјери. II Әдәбијјат
ве ичәсәнет.-1990.-7 вентјабр. I №34. I
48. Шәриф Г.Ј. О мәни мәмнун етмишдир. II Азербайчан.-1988.
-№ 6.-С.169-171